

ДАРЬЯЛ

1

2024

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 4

ДАРЬЯЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА**

Редакционный
совет:

**И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ**

1'2024

(180)

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Адрес редакции:
362040,
г. Владикавказ,
ул. Маркуса, 1.
Тел.: 53-60-30
53-68-10
54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru
<http://www.darial-online.ru>

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ТУ 15-00144 от 22.05.2017.
Выдано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам
печати и массовых коммуникаций
Республики Северная Осетия-Алания
362040, Республика Северная Осетия-
Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2,
офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

Выход в свет 29.02.2024.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15+1 печ. л.
цветная вклейка на мелованной бумаге.
Заказ № 115. Тираж 600 экз.

АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр. Коста, 11.
Тел.: 25-97-94.

Цена свободная

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	4	Арсен КОЦОЕВ. Мадина. <i>Поэма. Перевод И. Хугаева</i>
	20	Тамерлан ТЕГАЕВ. Детские ботинки. <i>Повесть</i>
	40	Ольга РЕЗНИК. «А поединок наш не состоится...» <i>Стихи</i>
	48	Ибрагим ШАОВ. Блудный сон. <i>Рассказы</i>
	72	Виктория ДАЧЕВСКАЯ. «Опьянила соком ревеня трава...» <i>Стихи</i>
	80	Марклен ЦОРИЕВ. Это не произведение искусства... <i>Рассказы</i>
ПЕРЕВОДЫ	90	Терентий ГРАНЕЛИ. Сестрой назову тишину. <i>Стихи. Перевод В. Светлосанова</i>
	98	Ахсар КОДЗАТИ. Башня Кола. <i>Перевод А. Золоева</i>
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ	102	ГУБИАН. Яблоневый сад. <i>Рассказ</i>
ПАМЯТИ ДРУГА	112	Александр РЫБИН. Три встречи с Донецким. <i>Рассказ</i>
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	122	Анна КАБИСОВА. «Спасибо за просветление»
		Вячеслав ТЕТЦОЕВ. Живопись
ЦИТАТА	129	Федор ДОСТОЕВСКИЙ
ГОСТЕВАЯ КНИГ@	130	Александр КРАМЕР. Страж. <i>Рассказы</i>
	144	Олег ВАЦАЕВ. Теплоходность — живопись души. <i>Стихи</i>
	150	Лев АВИЛКИН. Водопад. <i>Рассказы</i>
	174	Александр КОЖЕЙКИН. На клавишах цвета. <i>Стихи</i>
ЛИТЕРАТУРА СВИДЕТЕЛЬСТВА	182	Бимболат БТЕМИРОВ. «Я потерял свое имя...» <i>Воспоминания</i>
ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ	216	Вилен УАРЗИАТИ. Конь как носитель высокого семантического статуса
ЖЕНЩИНА И ОБЩЕСТВО	232	Резван ХАСАНОВ. Права женщин в турецкоязычном этнополитическом дискурсе черкесской диаспоры
АВТОРЫ НОМЕРА	238	

Арсен КОЦОЕВ

МАДИНА

ПОЭМА

ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО И ПРИМЕЧАНИЯ ИРЛАНА ХУГАЕВА

Когда это было,
Никто уж не скажет.
Но было — то верно —
В стране нашей горной.
Подобных событий —
Ужасных и громких —
Ни прежде, ни после
У нас не случалось.

В горах Алагирских,
В глубоком ущелье,
Селенье лежало.
В нем было шестнадцать
Домов, что казались
С отрогов на гнезда
На птичьи похожи.
Там травами лето
Бывало богато.
Ни в чем недостатка
Не знала скотина.
И осенью хлеб там
Родился на славу.
Зимою ж село
Заносило снегами.
В огромных сугробах
Дома утопали.
И кручи над ними
Грозили лавиной.

Юна и беспечна,
Мадина жила здесь.
Глаза были черны,
А сердце — не знаю.

Но взгляд у Мадины —
 Безжалостно сердце
 Томил человека.
 Надменные брови
 И бледные щеки
 Внушали ему
 И восторг, и тревогу.
 И стан ее тоже,
 И легкая поступь.
 О, в танце Мадина
 Плыла, словно лебедь.
 Улыбка ж Мадины —
 Луч солнца весенний.
 Для старых — отрада,
 Для юных — отрава.

Руки ее много
 Искало достойных
 Алдар-тагиатов¹,
 Кобанских владельцев,
 Дигорских надменных
 Бадила² потомков,
 И отпрысков славных
 Князей кабардинских, —
 И Асии³ юношей
 Гордых немало.
 Согласья она
 Никому не давала.

* * *

К ней сватался также
 Сосед неприметный,
 Простой человек.
 Бесагуром он звался.
 Был совестлив, скромн,
 Был нравом покладист,

¹ Тагаурские алдары, высшее сословие (феодалы-землевладельцы) восточной Осетии (Тагаурское общество).

² Легендарный патроним дигорской аристократии (западная Осетия).

³ Старое осетинское название Балкарии и Карачая; балкарцы, по мнению ряда историков, представляют собой «отуреченных» (тюркизированных) алан (асов).

Ко всем дружелюбен.
 Ни словом, ни делом
 Обидеть не мог он.
 Лишь внешности был он
 Не слишком завидной.

Не смел он Мадине
 Открыть свое сердце.
 Боялся, откажет
 Красавица парню.
 Еще и в лицо
 Рассмеется, пожалуй,
 Потом наглецом
 Назовет Бесагура —
 И сердце его
 Разобьет бессердечно.
 Красавицы часто
 Бывают жестоки.

И все же однажды,
 Когда молодые
 Селяне затеяли
 Хонгу и зилгу⁴,
 Собрался он с духом
 И так говорил ей
 Всему вопреки —
 И рассудку, и вере:
 «Пускай Бесагуру
 Завидовать не в чем:
 Он горец простой —
 Ни богат он, ни знатен.
 Но руки его
 Для работы годятся,
 А сердце годится
 Любить тебя крепко.
 Трудиться мы можем,
 Бог даст, проживем мы...»
 Мадина же, вскинув
 Бровями, надменно
 И громко над ним
 Рассмеялась — другие
 Услышали это.

⁴ Осетинские народные парные танцы; зилга (осет. «круговой», «вращающийся») — род осетинской лезгинки.

Спиной к Бесагуру
Она повернулась.
И с праздника парень
Пошел восояси.
В груди уносил он
Разбитое сердце.

А сердце Мадины
Давно уж пленилось
Другим, о котором
Мадина молчала,
Хоть в том же селенье
Родился и жил он.
Саугуди был парнем
Красивым и статным,
Но все подлецом
Почитали Саугуди.
Бессовестным, хитрым
И гордым, и дерзким
Его называли
Все, кроме Мадины.
И сам он Мадину
Любил в своем сердце
Неверном и алчном.
Бессонные ночи
По ней тосковал он.
И в мыслях своих
Необуздан бывал он.

* * *

Был праздник Рекома⁵.
Селенье гудело,
Как улей пчелиный.
И старцы ходили
От дома к другому
С молитвами к Богу.
Столы в каждом доме
Стояли обильны
Питьем и едою.

⁵ Персонаж Нартовского эпоса и осетинской мифологии, божество плодородия, а также средневековое осетинское святилище, уникальный памятник деревянного зодчества (с. Верхний Цей, Цейское ущелье).

И тосты гремели
Без счета над ними.
И не был забыт
Ни один из дзуаров⁶
Почетными старцами
С пенною чашей.

Тогда за селом
На лугу их любимом
Для танцев сошлись
Молодые селяне —
Гармонь там играла,
Трещотки трещали,
И хлопали дружно
В ладони, и крики
Танцующих звонко
В горах разносились.

Вот в зилгу вступают
Красавец Саугуди
С Мудиной изящной,
Что лебедь плывущей.
Сердца их без слов
Объяснились друг другу,
Признались друг другу
В любви затаенной.

Но симд⁷ завязался,
И под руку деву
Берет наш Саугуди.
Круг первый проходят
В смиренном молчанье.
Ведь здесь пересуды
Заказаны строго.
Когда ж вереница
Распалась на пары,
Промолвил Саугуди,
Понизивши голос:

⁶ Святые духи, небесные покровители и божества традиционной дохристианской религии осетин.

⁷ Осетинский массовый народный танец.

«Давно уж люблю тебя
Жизни я больше.
И сердце мое
Непрестанно с тобою —
С тобою одной
Говорит безответно.
Ни днем я, ни ночью
Не знаю покоя,
И жизнь без тебя
Мне постыла, Мадина.
Когда б ты согласна
Была стать моею,
Мадину Саугуди
Носил на руках бы.
С ладони кормил бы,
В шелка одевал бы.
Всю жизнь на Мадину
Молился б Саугуди...»

Идет, продолжается
Симд величавый.
Второй круг проходят
Саугуди с Мадиной,
И снова безмолвны
Согласно адату.
Когда же распался
Их круг, опустила
Мадина глаза свои
Черные долу
И голосом тихим
И скромным сказала:
«Давно уж Саугуди
Люблю я всем сердцем.
И в помыслах дня,
И в видениях ночи
Один лишь Саугуди
К Мадине приходит.
И вот что скажу я:
Теперь наяву я
Без тени сомненья
Вверяюсь Саугуди...»

Вздыхнул тут Саугуди,
Как будто бы ношу
Он тяжкую бросил...
Пока не закончился
Симд величавый,
Пока на поляне
Не смолкло веселье,
Ни словом они
Не обмолвились больше.
И глаз друг на друга
Не подняли — тоба⁸! —
Мечтою, как жаждой,
Томимые оба.

* * *

Издравле адатом
У нас запрещалось
Открыто встречаться
Влюбленным. Искали
Прибежищ, сокрытых
От глаз посторонних,
Где можно волненьями
Сердца делиться.
И место такое
Имел на примете
Давно уж Саугуди.
Хорошее место
Для тайных свиданий:
Была то пещера
Поодаль селенья.
Когда-то подростком
Наткнулся Саугуди
На эту пещеру,
Охотясь на горлиц.
И даже поспал в ней.
Теперь же согдится
Для пущего дела...

Вот снова зима
Наступила. Глубоким

⁸ Обет, клятва, зарок, запрет.

Засыпало снегом
Селенье и горы,
И только поляны
Чернели в низинах.
И все ж для морозов
Еще было рано.
Опять потеплело,
И южные склоны
Сияли на солнце...

Саугуди с Мудиной
В заветной пещере
Вдвоем; насладиться
Друг другом не могут.
Речам их влюбленным
И ласкам их нежным —
То нежным, то страстным —
Конца нет и краю...

Вдруг — грохот ужасный
Над их головами:
Лавина с вершины
С песком и камнями
В долину сошла,
Завалила пещеру,
Как будто тяжелою
Дверью захлопнув.
В мгновение их
Тишина обступила,
И мрак гробовой
Воцарился в пещере.
Лишь тоненький лучик
Едва пробивался
Откуда-то сверху.

Мадина в испуге
Невольно вскричала.
«Не бойся, душа моя, —
Молвил Саугуди, —
Придумаем что-нибудь,
Все обойдется!..»
И к черной стене,
Заградившей им выход,

Он бросился рьяно —
Руками копает.
Но скоро Саугуди
Уже утомился,
И руки Саугуди
Уже коченеют...
И так говорит он:
«Нет, труд мой напрасен —
Обвал в эту пору
И тяжек, и вязок.
Однако тревожиться
Вовсе не стоит.
Ведь явятся скоро
За нами селяне».

И снова беседу
Заводят, обнявшись,
Саугуди с Мудиной
О будущей жизни...
Родители их
Не хотят их союза;
Ну что же? — теперь-то —
По их вызволенью
Из этой темницы —
Куда им деваться?..

Уже оживившись,
Они беззаботно
О свадьбе мечтают
Веселой и шумной;
О песнях и плясках,
О симде, о зилге,
Об играх забавных,
О щедрых подарках;
О том, как обильно
Попотчуют гостя;
Как будут рекою
Три дня расточаться
Арак их прозрачный
И черное пиво;
О том, как селяне,
И сыты, и пьяны,

Довольны останутся
Их хлебосольством,
Под утро уже
Расходясь понемногу, —
Кто с песней, кто с пляской,
Кто просто шатаясь...
Иные же пусть
Позавидуют люди
Прекрасной Мадине,
Красавцу Саугуди!..

* * *

Все медленней время
Течет для обоих.
Все медленней, тише
Течет их беседа...
С минутою каждой
Сомнения крепче,
С минутою каждой
Надежда слабее, —
Пора бы уже
Показаться селянам!..

Единственный лучик,
Что к ним пробивался
Сквозь толщу завала,
Внезапно померкнул;
И поняли узники:
Ночь наступила...
Как ночь их прошла,
Только Богу известно, —
Но утром тот лучик
Увидел несчастных
Сидящими розно.

Мадина ослабла.
Томил ее голод,
Она замерзала,
И зубы стучали
Ее беспрестанно.
Давно уж Мадина

Ни слова не молвит.
Саугуди идет к ней,
Шатаясь, как пьяный,
И так говорит,
Заикаясь от дрожи:
«Мадина, любимая,
Право, не бойся,
Сегодня, сегодня
Селяне придут».
Саугуди и сам
В это мало уж верил —
Мадина ж и вовсе
Не верила в это.
Совсем молодая —
Так хочется жить ей! —
Так страшно ей быть
Погребенной живою!..

Уже вечереет:
Тускнеет свеченье
Под сводами их
Западни небывалой.
И пленники с каждой
Минутой постылей
И гаже друг другу.
Сидят они порознь
На каменных плитах,
Молчат и как будто
Друг друга не знают.
От голода, жажды
И стужи обоих
Покинули силы.
Должно быть, уже
Примирились с судьбою, —
И завтра, упавши
На эти уступы,
Луч света застанет
Холодные трупы.

* * *

Но что же селенье? —
Не видно тревоги.

Но что же родные? —
Их дети пропали —
Зачем их не ищут?..
Затем, что давно
Уж себе уяснили
Их нрав своевольный.
Все молча решили,
Что дерзко бежали
Искать свое счастье
Саугуди с Мадиной...

Едва рассвело,
Бесагур за дровами
Отправился к яру...
Назад он в тревоге
Бежит по сугробам:
«На след их набрел я! —
Кричал он в смятенье. —
В пещере лавиною
Их завалило!»
Лопаты и кирки
Хватают селяне,
Бегут по сугробам.
Бежит впереди
Бесагур и дзуаров
Неслышно он молит...
Бежит Бесагур,
Как от рока, от кары.
А в небе невидимо
Реют дзуары...

* * *

Луч света веселый
Проникнул в пещеру —
И вот что увидел:
На камне, свернувшись
Клубком, словно камень,
Недвижна Мадина;
Лишь изредка
Тело ее содрогнется,
Чтоб снова затихнуть.

Саугуди поодаль —
Хрипит он и стонет.
Черты заострились,
Лицо потемнело,
Глаза же запавшие
Блещут так странно...
Гляди-ка... Поднялся
На ложе холодном —
И долго глядит,
Замерев, на Мадину
Он взглядом коварным.
Коварным ли? — Или
Всего лишь голодным?..
Любовь им забылась,
Дух Божий сокрылся:
Лишь зверь в нем остался.
К Мадине Саугуди
Ползет на карачках,
Слюной истекая;
Крадется... подкрался —
И жадные зубы
В бедро ей вонзил он.
Но плоти кусок
Оторвать не успел он —
Снаружи отчаянный
Крик он услышал:
«Держитесь!.. Мы близко!..
Не падайте духом!»
И вздрогнул Саугуди,
Разжал свою челюсть.
И с пастью, залитою
Кровью, метнулся
В свой угол Саугуди...
Как завтра в глаза
Он Мадине посмотрит?
Что сверстники скажут
О нем, о Саугуди?

Вот камень последний
Низринут со склона —
Отверзся их гроб.
Бесагур весь изранен —
Так, будто бы грудью

Пробил он дорогу
Сквозь лед и камень, —
Но что Бесагуру
До ран Бесагура!
Ему ли считать
Бесагуровы раны!
Он первый вступает
Под мрачные своды.
Берет он Мадину,
Несет он Мадину
На белый свет божий.
Народ расступился;
Отец же Мадины
При этом промолвил:
«Неси, Бесагур,
Куда сам пожелаешь».
Что камень, что льдина, —
Но дышит Мадина.

* * *

Два дня уж селенье
На кувде⁹ гуляет.
Две радости нынче
Случилось в селенье:
Пропавших нашли;
Бесагур и Мадина
Связать свои судьбы
Решили пред Богом.
Двойным торжеством
Лица горцев сияли.
Как весело было,
Не выразишь словом,
Двойное веселье.
Быков и баранов
Они закололи,
Текли там рекою
Арак их прозрачный
И черное пиво.
Шли в дом Бесагура
С дарами недаром.

⁹ Молитва; пиршество, торжество; массовое гулянье.

Недаром творили
Молитвы дзуарам.

* * *

Для игрищ забавных,
Для песен и плясок,
Для симда и зилги
Сошлись молодые.
Гармонь там играла,
Трещотки трещали,
И хлопали дружно
В ладони, и крики
Танцующих звонко
В горах разносились...

Но где же Саугуди?
Не видно Саугуди.
Зачем он не с ними?
Несчастный: среди общего
Праздника где-то,
Как будто в пещере,
Он скрылся от света...

* * *

Когда это было,
Никто уж не скажет.
Но было — то верно —
В стране нашей горной.
Еще старики
Вспоминают на наших
Ныхасах¹⁰ тот случай —
Ужасный, счастливый, —
Хвалу Бесагуру
Они воздают,
А вспомнив Саугуди —
Так просто плюют.

1896 (?)

¹⁰ Разговор, беседа, совещание, слово; место, где мужчины проводили свободное время.

Тамерлан ТЕГАЕВ

ДЕТСКИЕ БОТИНКИ

ПОВЕСТЬ

В оформлении использовано фото из открытых источников

Одиночество — это когда жалеешь, что не погиб вместе с друзьями». Мужчина стоял у мемориальной плиты, опираясь рукой на холодный мрамор и склонив голову перед длинным списком имен, выбитых на черном полированном камне. Было в этой картинке, которую накануне ночью увидел в интернете, что-то безысходно-горестное. Еще эта фраза... Скорее всего, картинка запомнилась из-за нее...

Опять не спал ночью: бессонница. Может, аудиокнигу какую-нибудь скачать? Помнится, в университетскую пору монотонная речь лектора действовала лучше любого снотворного. Ну да, скачать Достоевского или Чехова... Губы вздрагивают в еле заметной ухмылке. Кем, интересно, нужно быть, чтобы заснуть, слушая «Идиота» или «Братьев Карамазовых»?.. Видимо, все же придется согласиться с Леной и хотя бы перед сном попить успокоительного. В принципе — что мне успокаиваться? Вроде все как всегда. Были времена напряженнее. Давно привык ко всему... Только вот сердце. Что-то в нем не так. Не то чтобы болит — жмет порой как-то...

— Пойдем уже, — ткнул меня Виктор локтем.

— А? — Я наконец стряхнул с себя задумчивость. — Да, пошли...

Траурная процессия двинулась по улице под звуки похоронного марша, унося с собой скорбь от потери боевого товарища.

Со временем начинаешь привыкать к этому, хотя многие утверждают, что это невозможно. Может, оно и так, вот только мне кажется, что в организме срабатывает какой-то защитный механизм, притупляющий душевную боль. Помнится, когда убили А., потрясение было таким, что пришлось отходить не одну неделю, причем всем до единого.

Это было во времена, когда бригада все еще была подразделением национальной гвардии, а братва называла себя бойцами. А. был первой потерей. После него число выбитых из рядов в разборках и на стрелках боевых товарищей приближалось ко второму десятку. Что само по себе наталкивало на мысли о роке, преследующем всех нас. Как-то совсем зловеще в связи с этим выглядит теперь символ зверя, изначально закрепившийся за нашим отрядом со времен боевых действий. Думается, такие мысли посещали не только меня, ибо за все время кровопролитного противостояния отряд не потерял ни одного бойца, а теперь мы имеем то, что имеем. Целую аллею памятников на южном кладбище. Места безвременно ушедших заняли молодые рекруты, не имеющие никакого отношения к боевому прошлому и жаждущие только криминального романтизма да легких денег. Легких, как же... На губах снова заиграла неуместная ухмылка.

— У нас все нормально, да? — спросил Виктор, тщетно пытаясь извлечь огонь из зажигалки, чтобы прикурить.

— Нервное, — ответил я и, пригнувшись, заглянул под днище автомобиля.

— Сдохла! — Виктор отшвырнул зажигалку и решительно двинулся к водительской двери. — Не нравишься ты мне в последнее время, — проворчал он. — Сам поведу...

Сигарета, болтавшаяся в уголке губ, полетела вслед за зажигалкой. Привычными движениями Виктор включил зажигание и почти одновременно нажал на прикуриватель. Подождав немного, закурил новую сигарету.

— Вруби там что-нибудь.

Я достал из бардачка первый попавшийся диск и не глядя сунул в магнитола. Что и говорить, защитный механизм проявлялся во всем — окутывал сознание пеленой отрешенности, эдаким аутентичным самурайским хладнокровием, не оставлявшим места для переживаний, душевных порывов и прочих эмоциональных выплесков... Ну разве что ярость приветствовалась. И уж совсем неприемлемы были слезы. Хотя, может, в данном случае они оказались бы более чем уместны. Все-таки хоронили не кого-то из

новичков, чьи имена не всегда и запоминаешь, а товарища, с которым, как говорится, провел в окопе не один день. Нет, конечно, все сделали как надо, по понятиям. И похороны организовали, и денег семье дали, и детей пообещали не забывать. Ну да что им — тем, кто потерял сына, и тем, кто потерял отца — наши обещания... Может, все же надо было поплакать? Наши отцы ведь не прячут слезы, провожая в последний путь друзей и близких. Не думаю, что они когда-нибудь страдали от отсутствия мужества. Во всяком случае, большинство из них. Возможно, и нам было бы незачем утереть слезы рукавом. Да где же их взять? Защитный механизм...

— Ну где же они? — оглядываясь назад, возмущился Виктор. Сбавляя ход, он достал из внутреннего кармана куртки рацию. — Один-семь, один-девять девятому, не вижу вас.

Голос из рации ответил:

— Сейчас будем: тормознулись на выезде.

Виктор прижался к обочине и остановился.

— Пехота... — проворчал он с пренебрежением. — Сколько ни учи — один черт...

Морщась от лезущего в глаза сигаретного дыма, он стал постукивать рацией по панели, пытаясь попадать в такт басам, доносившимся из колонок.

— С кем работать? — вырвалось у него. — С этими... — он глубоко затыкнулся и закончил на выдохе: — чертями голимыми?.. Ничего ведь не понимают и понимать не хотят! И с таким вот колхозом — к северным ехать?! Один твой крестник чего стоит. Рамс путает наглухо. Кто-нибудь из наших ему точно башку пробьет, если он понты свои дешевые не приберет...

Речь шла о девятнадцатом. Называя его крестником, Виктор намекал на то, что именно я привел его в отряд и теперь нес ответственность. Девятнадцатый приходился каким-то родственником Лене, девушке, отношения с которой у меня длились не один год. Некоторое время назад она попросила заняться парнем — после того, как он попал под раздачу местной гопоты. Я привел его в наш спортзал, потом подтянул на сборы в горах. Проявив недюжинное рвение, он стал работать с нами. Немало преуспев при этом, как говорил Виктор, в дешевых понтах, все больше и больше походя на растиражированный образ сериального бандита.

Странно, что мы считали работой все наши так называемые движения. «Работаем, пацаны...» — эти слова звучали каждый

раз, когда нужно было совершить марш-бросок по пересеченной местности, чтобы занять господствующую высоту и не дать пройти их формированиям на нашу территорию. «Работаем...» — слышали мы, когда прочесывали лесные и горные массивы. Это же мы слышали ранее, когда, получив все нужные инструкции, зачищали занятые ими наши села. Каждый из нас был тогда на своем месте и делал именно что работу... Теперь же работой мы называем движения. Мы напрягаем, прикручиваем, сажаем на процент, забираем бизнес, ломаем его, если не получается забрать, — и называем это работой...

Поймав на себе полный непонимания взгляд Виктора, я вдруг осознал, что последнюю фразу произнес вслух.

— Дунул, что ли? — осведомился Виктор.

Некоторые из нас покуривали травку, но это не приветствовалось основной частью братвы. Считалось неправильным. Бойцы должны были всегда поддерживать хорошую форму. Для этого даже договорились с владельцами спортзалов. Договорились, конечно, своим способом, ну да кого это волновало, главное — чтоб бойцы были в тонусе. Внутреннему состоянию уделялось меньше внимания. Слабакам не было места в наших рядах. Считалось само собой разумеющимся наличие душка у тех, кто желал быть с нами. Понятия, которыми со временем стали руководствоваться вместо устава подразделения, не позволяли испытывать жалость и сострадание. Мы считали себя воинами, а раз так, то необходимо было поддерживать решительную твердость в борьбе с врагами. Понятное дело, когда воевали с *ними*, но теперь... Те, кто понял, что не хочет видеть врагами свой собственный народ, ушли в самом начале, когда подразделение стали называть бригадой. «Мы с вами в одном окопе, — сказали они, — но эта жизнь не для нас». Тогда еще можно было уйти. Оставшимся на нашем поезде под лозунгом «Свой, не свой — на дороге не стой» соскочить, не свернув себе шею, было практически невозможно. Может, от осознания этого, а может, от вечно-го напряжения, неизбежного при таком образе жизни, те некоторые и стали расслабляться при помощи травки. Я тоже попробовал. Но что-то пугающе мрачное, поднимавшееся из глубин подсознания, после нескольких затяжек напрягало куда сильнее, чем проблемы реальной жизни...

Виктор продолжал пристально смотреть на меня.

— Не курил, — буркнул я. И, увеличив громкость магнитолы, добавил: — Я вообще не курю, ты ж знаешь.

— Нет, с тобой в природе что-то не то. — Он оглянулся и сдал немного назад к подъехавшим бойцам. — Что-то с тобой не так. Болит что-нибудь?

— Слушай, тебя сердце никогда не беспокоило? — ответил я вопросом на вопрос.

— Вот как раз сердце меня никогда не беспокоит, — выплюнув недокуренную сигарету в окно, резко произнес Виктор. — Не самое подходящее время для того, чтоб беспокоило: дел невпроворот... Выходи, решим кому куда.

Из подъехавшего джипа стали выбираться бойцы и оглядываться по сторонам. Суета, создаваемая новобранцами, со стороны, скорее всего, выглядела как обсуждение стратегических планов и задач. На самом же деле все было просто. Виктор, взяв с собой парней покрепче, собрался ехать к северным. Семнадцатый говорил, что сразу же после убийства видел их машину, резко отъезжающую от кафе. Он даже запомнил сидящего за рулем. Виктор собирался выяснить у Седого кое-какие подробности, при этом заметил, что Седой мог ничего и не знать, потому что с каждым днем все хуже и хуже ему удавалось контролировать своих узколобых отморожков. С какого-то момента месть перестала быть делом чести, которая заставляла во что бы то ни стало найти и покарать. Однако в данном случае безнаказанность убийства одного из основателей отряда могла породить у бесчисленного количества появляющихся новых бригадок ощущение, что мы уже не так сильны. Может, так оно все и обстояло, но признаваться в этом было равносильно подписанию приговора. Поэтому бойцам было дано распоряжение держать оружие наготове — но при этом не делать резких движений без весомой причины.

Мне с девятнадцатым была поставлена задача полегче: съездить на авторынок и поведать хозяину, что с учетом открывшихся у него новых площадей для торговли сумма его взносов на развитие нашего предприятия повышается. Инструктаж длился минут пять-семь, после чего все расселись по машинам и разъехались.

...Разговор с директором отнял времени и того меньше, чем инструктаж. Тот период, когда раскинуть рамс при наезде считалось особым искусством и доставляло особое удовольствие, растаял вместе с понятием: на чьей стороне сила, на той право. Большинство из бойцов, особенно молодых, до сих пор думали так. Этому немало способствовал я сам — прекрасно понимая,

что реальная сила на стороне власти. Все-таки пять лет на юридическом факультете не прошли даром. Словом, мысли о том, что весь этот бардак пока нужен наверху и со временем всему настанет конец, все чаще стали приходить в голову. Важно было знать, с чем ты соскочишь, когда начнут закручивать гайки. Да и удастся ли соскочить — это еще бабка надвое сказала...

Директор не стал возмущаться, а просто пожал плечами и покачал головой.

— Посмотрим, посчитаем, как там будет получаться.

Естественно, платить из своего кармана он не собирался. «Как там будет получаться» — имелось в виду, сколько надо будет накинуть на торговые точки. В итоге увеличение дани, как обычно, ляжет на плечи простых торгашей запчастями. Но мне до этого дела не было. Каждый выживает как может. В конце концов приходилось думать о том, с чем останешься, если вдруг надумаешь соскочить. А задумываться, хочешь ты или пока нет, приходилось... К тому же сердце. Что-то с ним не так. Вот и сейчас... Интересно, что означает выражение «сердце чует»?..

Девятнадцатый сидел за рулем и, выставив ногу из автомобиля, увлеченно разговаривал с кем-то. Два парня лет двадцати крутились около машины, рядом с девятнадцатым стоял еще один. Оглядев джип со всех сторон и не найдя ничего подозрительного, я уселся и с силой захлопнул дверь.

— Ты чего? — не скрывая раздражения, уставился на меня девятнадцатый.

— Едем, — не менее раздраженно бросил я.

Проехав некоторое расстояние, джип остановился. Слегка прижав, девятнадцатый подался чуть вперед и достал из-за спины свой макар. Вынув магазин, повертел его в пальцах, затем вставил обратно и, щелкнув предохранителем, сунул пистолет под сиденье.

Снова тронулись. Я ждал, что будет дальше, и дождался.

— Слушай, — начал девятнадцатый, изо всех сил пытаюсь говорить внушительно. — Че за наезды постоянные? Пацаны из-за этого не хотят с тобой иметь дела. Вечно ты недоволен. Учишь всех жизни? Ну конечно, ты ж юридический кончал. Целый профессор! Это мы пехота... — Лицо молодого бойца слегка исказилось в презрительной гримасе. — Что ж ты, такой образованный...

— Кто это был? — прервал я эту эмоциональную, но абсолютную неуместную тираду.

— Не знаю, — недоуменно буркнул девятнадцатый. — Просто пацаны. А че такого?

— А ниче!.. Не хотят иметь дела, говоришь? Вам, наверно, кажется, что вы в пионерском отряде? Нет, братан, здесь совсем другой отряд. Смóтрите друг на друга и тащитесь от того, какие вы крутые. Почему бы и нет, если мерс под задницей, макар в кобуре да рация на ремне. Понты для лохов и девок. Пехота. Хотя какая из вас пехота? Большинство — только очередная надпись на море. Глазом моргнуть не успеете...

— Че ты гонишь, а? — возмутился боец. — Какие понты? Мы в делах не меньше, чем ты, участвуем. И пользы от нас больше, чем от некоторых... — он отвернулся и закончил как бы в сторону, как бы совсем не про меня: — уставших...

В былые времена вряд ли кто из новобранцев посмел бы разговаривать в таком тоне. А если б посмел, то немедленно был бы подвержен экзекуции, которая надолго бы отбила желание пререкаться. Сегодня молодые входили в силу, и держать их в узде оказывалось все труднее. Выпад девятнадцатого означал одно — брожение в рядах.

Резко перекинув ногу на водительскую сторону, я надавил на педаль тормоза и схватился за руль. Автомобиль, потеряв скорость, съехал на обочину и замер, отчего девятнадцатого жестко ударило грудью о руль. Выпихнув его наружу, я вышел сам и двумя движениями положил зарвавшегося бойца на асфальт.

— Смотри, что там под машиной! — злобно прошипел я.

— Че? Че?.. Ниче не вижу!.. — испуганно зачастил девятнадцатый.

— Дубиноголовый! Пока ты там лясы точил с одним, двое других могли подложить под тебя подарочек! А ты даже не удосужился выйти и проверить! Польза, блин!.. Польза была бы твоей маме, если б ты завтра в гробу лежал!..

Я схватил его за ворот куртки, вздернул на ноги и с силой толкнул обратно к двери. Девятнадцатый ударился лбом о стойку, зло покосился через плечо, но это было все, на что его хватило. Боец прекрасно понимал: поднимать бунт на корабле еще рано, а уже жалел о необдуманном поступке.

Забравшись в машину, он с такой ненавистью надавил на педаль газа, что раздался надсадный рев и мы с пронзительным визгом вылетели на дорогу. Основная часть транспортного потока удивительным образом успела среагировать. Городские водители, давно привыкшие к тому, что от дорогих иномарок с тонированными

стеклами и сомнительными номерами ничего доброго ждать не приходилось, старались держаться от них подальше, поэтому при виде их старались сбавить скорость и прижаться к краю дороги. «Лети, — тихо говорили они вслед несущимся, как стремительные торпеды, машинам. — На следующем перекрестке найдешь свою цель...» Целью, как правило, становились такие же тонированные иномарки с их владельцами, признающими только свои собственные правила дорожного движения.

То же самое чуть не случилось и в этот раз.

Сидящие в БМВ, очевидно, не причисляли себя к основной части водителей, поэтому, если бы в последнюю секунду я не дернул руль в свою сторону, мы поразили бы «вражеский корабль» в самый центр корпуса. Увернувшись от столкновения, девятнадцатый нервно выругался и попытался вновь набрать скорость.

— Стой, идиот! — снова хватаясь за руль, рявкнул я, но меня опередила БМВ.

Резко подрезав путь, машина с громким сигналом притормозила прямо перед нами. От такого маневра мы чуть не врезались ей уже в корму. Из водительского окна показалась рука, жестами призывающая нас следовать за ней. Проехав метров сто, мы вслед за БМВ свернули в сторону небольшого сквера.

— Пересаживайся на мое место.

Девятнадцатый глянул вопросительно и остался на месте.

— Быстрее, болван! — дернул я его за рукав.

Кое-как переместившись, я открыл дверь и вышел из машины. Из БМВ тоже вышли. Двое. Молодые парни с такими же повадками и жестикуляциями, как у девятнадцатого. Водитель же остался в салоне. Он только открыл дверь и, выставив ногу, вполоборота пристально глядел на меня.

Не обращая внимания на жестикулирующих, я обратился прямо к нему:

— Извини, брат, не обессудь.

Стоящие у БМВ молодые продолжали что-то кричать. Но водителю, видимо, моего извинения было достаточно. Он махнул рукой и, что-то крикнув своим спутникам, закрыл дверь. Молодые, кинув еще пару каких-то фраз в нашу сторону, забрались в машину.

Казалось бы, инцидент исчерпан и можно ехать дальше... но тут уже девятнадцатый со словами «Они теперь будут считать нас лохами!» неожиданно вышел из машины.

— Куда? Сядь на место, урод! — злобно прошипел я.

Но его уже было не остановить.

Подойдя к БМВ, он нагнулся и жестом попросил опустить стекло. Оставаясь в такой позе, он просунул руку внутрь салона и что-то проорал. Затем развернулся и с видом сытого хищника, который оставляет жертву до следующего раза, вперевалку пошел обратно.

За ним тут же выскочили его несостоявшиеся жертвы, окликнув девятнадцатого, видимо, не слишком лестными словами. Молодые люди продолжали обмениваться любезностями, сокращая при этом дистанцию.

В какой-то момент девятнадцатый стал осознавать, что одними угрозами обойтись не получится. Ситуация вот-вот могла перерасти в хорошую драку. Оценив свои возможности, девятнадцатый, скорее всего, понял, что это не сулит ему ничего хорошего. Он демонстративно стал шарить рукой у себя за спиной, но оружия не было, поэтому его движения не произвели должного впечатления. Один из противников схватил его за рукав и, тыча пальцем ему в грудь, стал что-то злобно выговаривать. Девятнадцатый попробовал было высвободить руку, но на помощь к первому тут же подоспел второй противник. Все говорило об одном: дело вот-вот должно было закончиться не в нашу пользу.

Боец посмотрел в мою сторону. В его взгляде одновременно читалась и просьба о помощи, и возмущение вперемешку с обидой.

Я не выходил из машины не потому, что хотел его проучить, хотя, конечно, следовало бы. Я оставался сидеть, потому что из БМВ не выходил третий. Всегда надо быть начеку. Вполне вероятно, водитель БМВ, после того как я выйду, просто достанет оружие. Я, конечно, тоже мог достать свое, но в любом случае его положение оставалось бы выигрышным. Надо было убедиться, что у него точно нет с собой ничего.

Молодые продолжали толкаться, что в конце концов, видимо, надоело водителю БМВ. И он вышел.

Оружия не было, но наше положение это вряд ли облегчало. Это был сутулый, борцовского вида мужчина лет тридцати, роста явно выше среднего. Короткие рукава майки впивались в дынеобразные бицепсы. Чаша весов склонялась в сторону противника. Можно было, конечно, достать пистолет, но это грозило переводом в противостояние на совершенно иной уровень. Поэтому я положил ствол под сиденье и вышел.

Справиться с двумя молодыми не представляло особого труда, но вот борец... Как быть с ним? В городе, где умеют бороться практически все мужчины, где навыки борьбы вложены в мальчишек на генетическом уровне, я был, наверное, единственным, кто не умел бороться.

Борец двинулся в сторону молодых. Рассуждать было поздно. Я рванулся, стараясь опередить качка. Хорошо поставленной двойкой — левый прямой в корпус и правый боковой в голову — я срубил первого. Второму хватило одного правого. Оба уже лежали на земле, когда стальные руки подоспевшего сзади борца зажали меня в тиски.

Тиски сжимались все сильнее. В какой-то момент, оттого что невозможно было вздохнуть, стало темнеть в глазах. Заметив, что я начинаю обмякать, борец ослабил хватку, но не настолько, чтобы я мог вырваться. Периодически ослабляя и сжимая вновь, он дотацил меня до нашего автомобиля и упер в него. Драться он явно не умел, да ему и не нужно было. С такой силой он мог бы сломать хребет быку, не то что мне. Несмотря на это, он прижимал меня к автомобилю одной рукой и пытался произвести удар второй. Уворачиваться получалось, но надо было нанести ответный удар и попытаться освободиться. А с этим были проблемы. Его руки оказались не только сильнее моих, но и длиннее. Нужна была пара точных ударов в челюсть. И хотя руки как-то удалось освободить, достать его на таком расстоянии не представлялось возможным.

Когда на протяжении пяти или семи лет практически ежедневно тебе приходится выпутываться из ситуаций гораздо сложнее, чем нынешняя, ты волей-неволей учишься находить правильное решение в кратчайшие сроки. Опыт. Ну или защитный механизм. Не знаю, как назвать, но это работает. Мне нужно было только одно: чтобы борец опустил голову на расстояние удара. Для этого я позволил ему попасть в себя один раз, после чего опустил голову и стал шептать:

— Я тебя найду и убью...

— Че?.. — Борец ослабил руку, которой прижимал меня к машине.

Тяжело дыша, как бы из последних сил, я наклонил голову еще ниже и снова прошептал:

— Я тебя убью...

— Чего? — презрительно вопрошал борец. — Че ты там бормочешь?

Приблизив ухо так, что его голова оказалась на самом опасном для него уровне, борец произнес:

— Кого ты уб...

Договорить я ему не дал.

Я вложил все оставшиеся силы в классический апперкот. Борец отпрянул. Последовавшие за этим два удара в голову заставили его присесть. Из горбатого носа закапала кровь, оставляя на майке большие красные пятна.

Девятнадцатый продолжал стоять на прежнем месте и ошарашенно тарашиться.

— Че застыл? — процедил я сквозь зубы. — Поехали, пока этот гоблин не очухался.

Девятнадцатый, опомнившись, дернулся в сторону машины, но тут же остановился. Опустившись к одному из своих противников, он схватил его за ворот и быстро что-то проговорил...

— Че ты ему сказал? — отъехав на некоторое расстояние, спросил я у девятнадцатого.

— В смысле? — Он приподнял бровь.

— Че ты сказал, когда уходил? — тщательно проговаривая каждое слово, повторил я.

Девятнадцатый, видимо, до сих пор не понимал, что наделал.

— Я назвался и сказал, где меня искать, если что.

— Дебил, — презрительно бросил я. — Они же найдут. Обязательно найдут.

Дальше ехали молча. Девятнадцатый понуро покачивал головой, уставившись на дорогу. Время от времени косился в мою сторону с явным желанием заговорить. Он, наверное, пытался осмыслить мои слова. Но у меня не было желания объяснять ему что-то: своих заморочек хватало. Мне не хотелось ничего обсуждать, хотя я был уверен, что те двое из БМВ постараются найти его. Они были такими же, как девятнадцатый. Такими же, как сотни других жестоких зверенышей, готовых в любую минуту вцепиться друг другу в глотки, чтобы утвердиться в стае... Борец, конечно, другой. Он не будет спешить, а постарается для начала все пробить. Навести справки, как говорится, разузнать, кто мы есть и кто за нами стоит. Потом соберет своих и подтянет нас на разговор. А там как карта ляжет... Молодые же ждать точно не станут...

— Ну, так где тебя искать, если что? — прервал я молчание.

— В смысле? — не понял девятнадцатый.

— В смысле где тебе сломают челюсть или ребра? Ну, или и то и другое вместе. А может, колени прострелят?.. В смысле ты,

когда адрес свой называл, о родителях подумал? В смысле им, наверно, приятно будет посмотреть? А может, ты их в офис пригласил — вот братва обрадуется.

— Это мы еще посмотрим, кто кому прострелит! — вспыхнул боец, но, увидев брошенный в его сторону взгляд, чуть сникшим голосом добавил: — Я ему только сторонку назвал.

— А на сторонке, наверно, никто не знает, где ты живешь, — закончил я саркастично.

Мы снова замолчали, но тут раздался треск рации.

— Пять ноль, ответь девятому... — Казалось, Виктор был чем-то раздражен. — Пять ноль, если освободился, подъезжай к набережной, знаешь куда.

— Окей, буду через пару минут.

Я попытался тут же развернуться, но, вспомнив про борца, направил машину к ближайшему светофору.

Виктор, как всегда, жевал сигарету. Опершись ногой на бампер, он с какой-то непонятной досадой поглядывал внутрь своего автомобиля, где что-то обсуждали оставшиеся с ним бойцы. Увидев нас, они стали выбираться, но Виктор жестом дал понять, чтобы те оставались на месте. Изжевав и выплюнув окурок, он обратился ко мне, все еще бросая недовольные взгляды на бойцов:

— Представляешь, заморозились, — зло произнес он и достал новую сигарету.

— Кто заморозился?

— Да вон, сидят... — Злая усмешка перекосила его лицо. — Преступники, твою мать! С такими бойцами мы скоро сами начнем дань платить. Северным или еще кому... Если раньше на кладбище не окажемся.

— Че случилось-то? — снова спросил я.

Подойдя вплотную к машине, я посмотрел на бойцов, которые совершенно не чувствовали себя провинившимися, а напротив, вели себя слегка вызывающе.

— Да никто не заморозился! — выкрикнул один из них. — Че за наезды?

— Так, — Виктор сжал пальцы в кулак. — Закончили базар. Все разборки на базе. Нам еще по одному делу съездить надо.

Он подошел ко мне и слегка подтолкнул к джипу. Потом обернулся к девятнадцатому и устало произнес:

— Че стоишь? Было же сказано — на базу.

Девятнадцатый медленно побрел к остальным. Сделав несколько шагов, он обернулся и, кинув взгляд на Виктора, как-то виновато произнес:

— Артур, ты это... В общем, я сам разберусь... ну... если что...

Что-то непривычное прозвучало в его голосе. Скорее всего, он не хотел, чтобы его история тоже получила огласку. А может быть, ждал какой-то поддержки... Что-то дрогнуло в районе сердца. «Ну вот опять», — подумал я.

— Разбирайся, — кивнул я и забрался в машину.

Выплюнув вконец изжеванную, но так и не прикуренную сигарету, Виктор потянулся за следующей. Пачка оказалась пуста, он смял ее и бросил под ноги. Затем покрутил головой.

— Ладно, — ворчнул, садясь за руль. — По дороге куплю.

Отъехав на некоторое расстояние, Виктор остановился у киоска.

— Пить что-нибудь будешь? — обронил он через плечо и, не дождавшись ответа, выбрался наружу.

Вернулся с очередной сигаретой во рту. В руках он держал несколько зажигалок, которые тут же кинул в бардачок, и минералку с колой.

— Как ты пьешь эту гадость? — спросил Виктор, протягивая мне банку. — Тут мужики соседские как-то мясо варили. При мне в стакан с колой кусок печени бросили — так он за час в желе превратился!

— Че там случилось? — отхлебнув из банки, поинтересовался я.

— Застремались пацаны. — Лицо Виктора стало мрачным и задумчивым. — Еще по дороге к северным кто-то из наших как бы невзначай обмолвился, что машина-то, которую видели на месте убийства, Алику принадлежала.

— Какому Алику?

Виктор скривил губы.

— При Седом, помнишь, последнее время. Здоровый такой. Борзый, вечно норовит слово свое вставить — надо не надо...

— Слон, что ли?

— Да. Слон и есть.

Выдержав небольшую паузу, Виктор продолжил:

— Ну так выяснилось, что пацаны видели именно его. Он, мол, суетился очень, когда в машину садился. Вещь какую-то даже обронил. Теперь смотри...

Он достал из заднего кармана брюк четки и протянул мне.

— Здесь, конечно, у каждого десятого они могут быть, но эти из слоновой кости. Да еще и на каждой пластинке слон вырезан. К тому же что ему так когти рвать надо было, если он ни при чем?.. Ну мы с этими предьявами к Седому. Зашли, поздоровались — а они как будто ждали уже. Набыченные все, чихни только — и палить начнут... Ну я Седого в сторону отвел, ситуацию обрисовал. Без наездов особых. А пока мы базарили, тут и Слон нарисовался. Седой ему четки к носу и спрашивает: «Твой?» Ну и толкует ему, что, мол, наши пацаны вроде бы машину его видели там. Слон поворачивается и вразвалочку к нашим: типа если у кого-то есть к нему какие-то предьявы, то пусть лично ему и выскажет.

— Надо было его там же порвать, — проговорил я.

— Надо было... — Виктор раздавил в руках горящую сигарету. — Были бы с тобой, вбили бы в землю. А тут, представь, он пацанам кричит: точно, мол, видели, что его машина была и что он за рулем сидел? А тут еще Седой добавил: непонятки, мол, в таких делах к войне могут привести. У нас, мол, и так одного за другим хоронят. А со всех сторон еще северные подтягиваются, обступают. Я — к своим: типа что молчите? Говорили же, горло перегрызете. А они стоят и натурально молчат, даже не дернулся никто. Я вот что думаю, Артур: это дело нельзя так оставлять. Северные теперь давить начнут. У нас и так с ними нерешенные вопросы по спирт-заводу.

В этот момент я снова почувствовал что-то не то в сердце. Не могу сказать, что это была боль. Я ощущал какое-то беспокойство. Беспокойство, которое мешало сосредоточиться на делах, на вопросах, которые надо было решать, на озабоченности Виктора... Как-то неожиданно я обнаружил звуки из другой, не этой, не моей жизни: шорох листвы, шум реки, крики играющих детей. Все чувства, которые до того работали только на предвидение и предотвращение опасности, в этот момент стали вдруг работать просто так. словно я попал в место, где нет и не может быть никакой опасности...

С трудом разлепив губы, я спросил:

— Как по-твоему, Виктор, сколько таких, как мы, может прокормить этот город?

— Не понял. — Он уставился на меня.

— Говорю, сколько бригад может кормить такой город, как наш?

— А, вон ты о чем... Верно, на один такой город бригад, конечно, многовато. Поэтому я и говорю: не пошевелимся сегодня-завтра, окажемся не у дел.

— Я не о том, — разглядывая окружающее меня пространство, проговорил я. — Ты никогда не думал, сколько мы еще будем вот так вот?

— Как — так?

— Тебе никогда не хотелось жить просто? Чтоб никаких напрягов, разборок, наездов...

— Хотелось. И хочется. А кому не хочется? Только для этого сам знаешь, что надо: бабки, связи, авторитет. Подняться нужно на такой уровень, чтоб ни одна собака тявкнуть не могла. А для этого воля нужна нестигаемая.

Виктор смерил меня прищуренным взгядом, потом задал вопрос, который вернул меня на грешную землю:

— Может, и ты стрематься начал?

Одного быстрого взгляда хватило, чтобы пресечь дальнейшие его рассуждения по этому поводу.

— Еще до войны ты взялся строить дом, — сказал я уже другим тоном. — Возвел стены, крышей накрыл. Десять лет прошло, а дом как стоял без окон, без дверей, так и стоит. Уже кирпич крошиться начал. Никогда не думал, с чем останется твой сын, если вдруг тебя не станет?

— Думал! — огрызнулся Виктор. Он достал сигарету, покрутил в руках и вставил обратно в пачку. — Ладно, поехали. Лысый просил к должнику наведаться.

Мы ехали по переполненным улицам молча. Не знаю, о чем думал Виктор, но вид у него был угрюмый. Он резко притормаживал, когда прямо перед нами какая-нибудь машина пыталась неуклюже маневрировать в неорганизованном дорожном потоке, и злобно шевелил губами. Иногда сквозь зубы все же прорывалось: «Куда прешь, дубина?..» или «Одурели совсем...»

Я же сидел и размышлял вот о чем: куда, интересно, едут все эти люди? Мне вдруг стало и впрямь любопытно, откуда берутся пробки на дорогах города с населением в четыреста тысяч. А ведь большинство из этих четырехсот — натурально безработные. Куда и по каким делам так спешат эти люди? А вдруг они знают какую-то тайну? Вдруг где-то раздают какие-то блага, а мы с Виктором сидим, чертыхаемся на суетящиеся вокруг автомобили и не подозреваем, что остались не у дел... Губы растянулись в саркастической улыбке.

— Ты меня не удивляешь, нет. Ты меня порой пугаешь, — заговорил Виктор, глядя на меня через зеркало на лобовом стекле. — Я, пожалуй, соглашусь с теми, кто считает тебя ненормальным. Ты

кажешься каким-то одержимым последнее время. Ну че ты лыбишься — совсем крыша поехала?

Негодования по поводу моей одержимости прервала рация:

— Девятый, включи мобилу...

— Че случилось? — спросил Виктор в рацию.

— Седой побазарить захотел... Говорит, информация для тебя имеется...

— Услышал, — хмуро ответил Виктор. — Зашевелились, гадюки...

Заехав в ближайшую подворотню, он отложил рацию, достал телефон.

— Думаю, будут стрелку набивать, — набирая номер, буркнул он. — Не в его положении сейчас с предьявами подъезжать. У него из нормальных бойцов Слон да еще парочка человек. Остальные молодняк, пушечное мясо.

— Да у нас у самих не лучше. А насчет молодняка я вот что скажу: если они с цепи сорвутся, их ни Седой, ни мы с тобой удержать не сможем.

— М-да, — согласился Виктор, дожидаясь ответа в трубке. — Нехилое бычье воспитали.

«Показательно, что он понимает, кто воспитал это бычье...» — подумал я, но говорить об этом не стал. Тем более что Виктор уже дождался ответа.

— Да... — говорил он, разминая в руках сигарету. — Понятно... Ну так мы подъедем и послушаем...

Виктор отключил телефон, сунул в карман.

— Ну? — не выдержал я.

Он прикурил и, сделав глубокую затяжку, ответил на выдохе:

— Говорит, воевали вместе, братьями были, а теперь непонятки, подозрения... Говорит, знает, кто в А. стрелял. И доказательств, говорит, имеются. Подъезжайте, говорит, к лагерю, разберемся. Расставим, мол, точки.

— Ага, — ухмыльнулся я. — Они расставят. Каждому по точке в лоб. Или в затылок.

— Ехать по-любому надо... — Виктор ненадолго задумался. — У нас тоже положение не из лучших. Сейчас слабинку дадим — со всех сторон накинута. И не только северные.

— Ясное дело, — согласился я. — Только там, в этом их лагере, нас уже ждут. Так что страхануться вряд ли получится. Мы-то с тобой, конечно, и не в таких передрыгах бывали, а молодые неизвестно, как себя поведут.

— Вижу, пришел в себя, — Виктор смерил меня одобрительным взглядом.

— Ушел в себя... — произнес я вполголоса.

— Чего?

— Ниче. Не бери в голову, это я сам с собой.

Виктор покачал головой. В этом читалось: нет, брат, что ни говори, а с тобой явно что-то не так...

На базе братва не разделила решительный настрой Виктора, ссылаясь на то, что сейчас не самый подходящий момент для конфронтации. Говорили о том, что Седой нам не враг, а возникшие непонятки можно и нужно решать в порядке мирных переговоров. О чем им и поведал якобы сам Седой в телефонном разговоре. Исходя из этого, следовало, что на разговор с Седым должен был ехать один Виктор и чуть ли не без оружия. Эдакий знак доброй воли. Это был единственный момент, когда я вставил свою саркастичную ремарку, посоветовав братве заказать заранее мраморную плиту, благо рядом с А. еще не занято место.

Виктор возражал, приводя свои доводы и убеждая. Авторитет его имел большой вес, но братва все же приняла половинчатое решение. На разговор с северными решено было отправить Виктора и бойцов, которые присутствовали при первом разговоре. Бойцам выдали пару автоматов, но предупредили, чтобы без надобности из багажников не доставали. Обо мне речь как будто бы совсем не шла. Подразумевалось, что я вообще не должен ехать. По мнению братвы, я в последнее время был не совсем адекватным. Но мне было все равно, что они думали.

Сейчас меня интересовало только одно — как застраховаться от непредвиденных ситуаций. Я не верил в миролюбивый настрой северных и не сомневался: братскими объятиями разговор не закончится. Да, за нашими плечами был боевой опыт, но северных было больше, и становились они все агрессивнее. Наш город слишком мал для такого количества хищников. Рано или поздно кому-то придется уйти, и одному Богу ведомо, кто в конечном итоге выстоит в этом противостоянии. За десять лет своей бригадной деятельности все мое имущество состояло из экспроприированного за долги джипа и массивного золотого жетона с такой же массивной цепью, которыми награждались авторитетные бойцы. Подразумевалось, что этим добром можно было быстро откупиться, если вдруг попал под ментовскую раздачу. Да,

деньги, конечно, ежемесячно поступали в общак от подневольных коммерсантов и бизнесменов, но они лежали мертвым капиталом на так называемый «день икс». Что случится с деньгами, когда он наступит, представление каждый боец имел свое, и вопрос, когда и как мы будем делить наши деньги, висел в воздухе.

Дабы не накалять обстановку, держателями общака было решено выделять бойцам ежемесячные премиальные. Однако даже эти средства утекали как песок сквозь пальцы. Кто-то тратил на поддержание своего экранно-бандитского образа, а кто-то тупо спускал в казино или саунах. Поэтому продолжение борьбы за захват все больших площадей, которые можно обложить данью, мне не виделось перспективным. Думаю, не одному мне приходило в голову, что в конечном итоге, когда мы обескровим друг друга бесконечными стычками, все приберут к рукам менты. Они только ждут момента. Настанет день, и они нанесут сокрушительный удар по тем, кто уцелеет в междоусобных войнах за рынки, водочные цеха, магазины и торговые лотки.

Некоторые из бойцов, оказавшись прозорливее, попробовали (и не без успеха) заняться массовыми поставками водки и спирта в разные регионы страны, благо спиртзавод все еще был под нами. Однако коммерческая деятельность вскоре была прекращена. Бойцов обвинили в отходе от понятий, покрыли позором и, обозвав «комерсами», вынудили уйти из отряда. Вряд ли сами обвинители придерживались всех своих принципов, но что случилось, то случилось. Хотя для тех, кто ушел, может, это было и к лучшему.

Из негласного кодекса я руководствовался одним принципом: своих не бросаем. Да и врубать заднюю не в моих правилах. У меня было свое мнение о случившейся ситуации. Дружеские отношения с северными перестали быть таковыми со времен тяжбы за спиртзавод. Хотя завод был всего лишь лакмусовой бумажкой, проявившей все противоречия в отношениях двух бригад. К тому же тот факт, что северные тогда отступили, только подогрел их реваншистские настроения. Не было сомнений, что в гибели А. виновны именно они.

— Если кто-то верит в миролюбивые порывы Седого, пусть остается, — как можно спокойнее произнес я и направился в соседнее помещение.

Подняв несколько досок в полу, я достал ПКМ. Пулемет Калашникова был закреплен за мной еще со времен боевых действий,

но частенько выручал и в послевоенных выяснениях, внушая серьезность намерений одним своим видом.

Мнения братьев разделились. Кто-то даже пытался преградить мне путь, но я был настроен решительно. Проверив ленту в патронной коробке, я заявил, что буду действовать так, как считаю нужным. Тем, кто хотел меня остановить, я предложил попытаться сделать это.

Я понимал, что мои действия могут привести к расколу, но этот процесс был уже запущен. Признаки раскола все явственней проступали в понимании бойцами дальнейшего развития деятельности бригады. До поры до времени все закрывали на это глаза, считая разногласия само собой разумеющимися рабочими моментами. Чтобы разрядить обстановку, кто-то из старых бойцов предложил взять с собой всех молодых, но при этом вооружив их, как и было изначально оговорено, всего двумя автоматами.

Своего рода иезуитское решение несло в себе выгоду для несогласных при любом развитии событий. Если побеждаем мы, все преимущества победы распространяются на всю бригаду целиком. А если победа оказалась на стороне северных, то можно тут же отрестить от нас с Виктором, к тому же избавиться от части молодых, которые уже начинали ставить под сомнение непререкаемость авторитета отцов-основателей отряда.

Окончание следует.

Кадр из кинофильма «Жмурки» (2005 г.)

Ольга РЕЗНИК

**«А ПОЕДИНОК НАШ
НЕ СОСТОИТСЯ...»**

СТИХИ

В оформлении использован рисунок Карне Гриффитс (фрагмент)

* * *

От 27-го до 27-го
Томилась душа, пребывая в оковах.
Все было не так, и все было не эдак,
Как учит Завет, как прописано в Ведах.
Сбежать ли, остаться, разрушить все блоки,
Сославшись на карму, на жизни уроки?
Пуруша и атман, душа и душонка...
От мыслей шальных не стелилась соломка.
Вновь ночи без сна, и тревожное утро,
И вечный укор: как же это немудро.
И только в груди, как на Первое Мая,
С кровавым подбоем тюльпан расцветает.

* * *

Будто вывалили в грязи
Пересмешек и пересудов.
Ты, конечно, неотразим
За столом с барною посудой,

Где бокалы искрят вином,
Отражая ухмылок колкость...
Я решенье приму с трудом.
Отступление будет долгим.

Не прельщает твой жалкий скорб,
Сколь ни пыжься, сколь ни старайся.
Что кипит — превратится в пар.
Испареньями упивайся!

Испареньями чувств и клятв,
Смелых мыслей и скреп надежды...
Ты, конечно, не виноват.
Это я повелась, как прежде,

На слова, на глубокий взгляд,
На улыбку да шпаг бряцанье.
Кто сказал, что пути назад
Не бывает без опоздания?

Вот опять по росе бреду.
Не прельстил твой фальшивый камень.
Не на счастье, а на беду
Не меня он ко дну утянет.

* * *

«Не прогоняй его совсем, —
Она сказала. —
Не прогоняй его совсем».
А я прогнала.

Совет подруги утонул
В моих сомненьях.
Ни слова не перечеркну
В стихотвореньях.

Увы, его он не прочтет
И не услышит.
Все потому, что жизнь течет,
Как дождь по крышам.

Все потому, что наши души
Знают тайну,
А равнодушье
Вызревает неслучайно.

Переболев, перестрадав,
Разочарован,
Неверьем тянет свой рукав
Закат багровый

И отсекает, не щадя,
Надежды промельк...
А он все медлит, уходя,
И пьет боржоми.

* * *

Мои стихи ко мне еще придут,
Наперебой рассказывать мне станут,
Как я ждала, не ведала усталость,
Как наслаждалась каждой из минут.

Напрасно все. Червивый плод поспел.
Мечты, как крысы, покидают строчки.
Как ты посмел и как ты так сумел
Разбить все вдребезги без всякой заморочки?

А впрочем, не в чем мне тебя винить:
Куриной слепотой сама страдала.
И не сумела сразу обрубить,
Когда под кожу мне вонзал ты жало.

* * *

Душа моя плачет
И просит пощады:
Ей больше не надо,
Ей больше не надо.

Нерадостен выбор,
Горька неизвестность,
Когда твой избранник —
Паяц и повеса.

И хочется вырваться
Так на свободу,

Покуда еще
Не открыли охоту,

Покуда мой мир —
Все еще моя крепость,
А то, что за гранью, —
Сплошная нелепость,

Покуда кромешная
Тьма не сгустилась,
Покуда в него
Без ума не влюбилась.

* * *

Ты не думай, я слезы не лью
И от боли не корчусь ночами.
С аппетитом я ем, крепко сплю,
Пробуждаясь лишь с солнца лучами.

А коль вспомнится вдруг о тебе,
Недоверие вмиг отрезвляет.
Не надейся, в моей-то судьбе
Главной роли твой бес не сыграет.

Мне не нужно чужих берегов,
Песен солнечных с древнего Нила.
Нам друзьями не быть, а врагов
Я к себе подпускать запретила.

* * *

А поединок наш
не состоится.
Я не явлюсь,
презрев бретёра честь.
Твоя
темноволосая девица
едва ли понимает,
кто ты есть.

А ты не сетуй,
что сдалась без боя
та, в чьей душе
доверье растоптал.
Ты в роль вошел:
костюм антигероя,
сверлящий взгляд,
глумливые уста.

В твоём ларце
милльон манипуляций:
салат из слов,
газлайтинг и шантаж.
Ты стал бы королем
триангуляций,
когда б не мой
нежданный саботаж.

Ты шел по головам
и, целясь в души,
Пренебреженно
выходил на бис.
И как посмела я
его разрушить,
твое великолепие,
нарцисс?

* * *

Он вам расскажет про хоровод
Девиц и дамочек.
Они не знали иных забот,
Как стать статс-дамами,

Его персону сопровождать,
Хвалить и тешиться,
Что снизошла на них благодать
Его проплешины

Все гладить, гладить и говорить,
Какой он душенька.

Ну как такого не полюбить
Дружка подруженькам?

Как не сходить по нему с ума?
Как себя сдерживать?
В него влюблялись все без ума.
С умом — воздерживались.

* * *

По той же самой дороге
Теперь я бреду одна.
Догонят ли меня дроги,
Прольет ли свой свет весна?

Кукушка ли наскандалит,
Пророча десятки лет?..
Как все хорошо вначале,
Не скрыться потом от бед.

Не скрыться, не раствориться,
Не камнем упасть на дно,
Сквозь землю не провалиться...
Не все ли теперь равно?

* * *

Мы жарили картошку
Под сельдь, под иваси.
Достали вилки, ложки.
Нарезали кинзы

И четверть-кольца лука,
Чтоб было повкусней.
То целая наука —
Подать дары морей.

Все это было, было
И сплыло в никуда.
Я думала: забыла.
Нет, помню — вот беда.

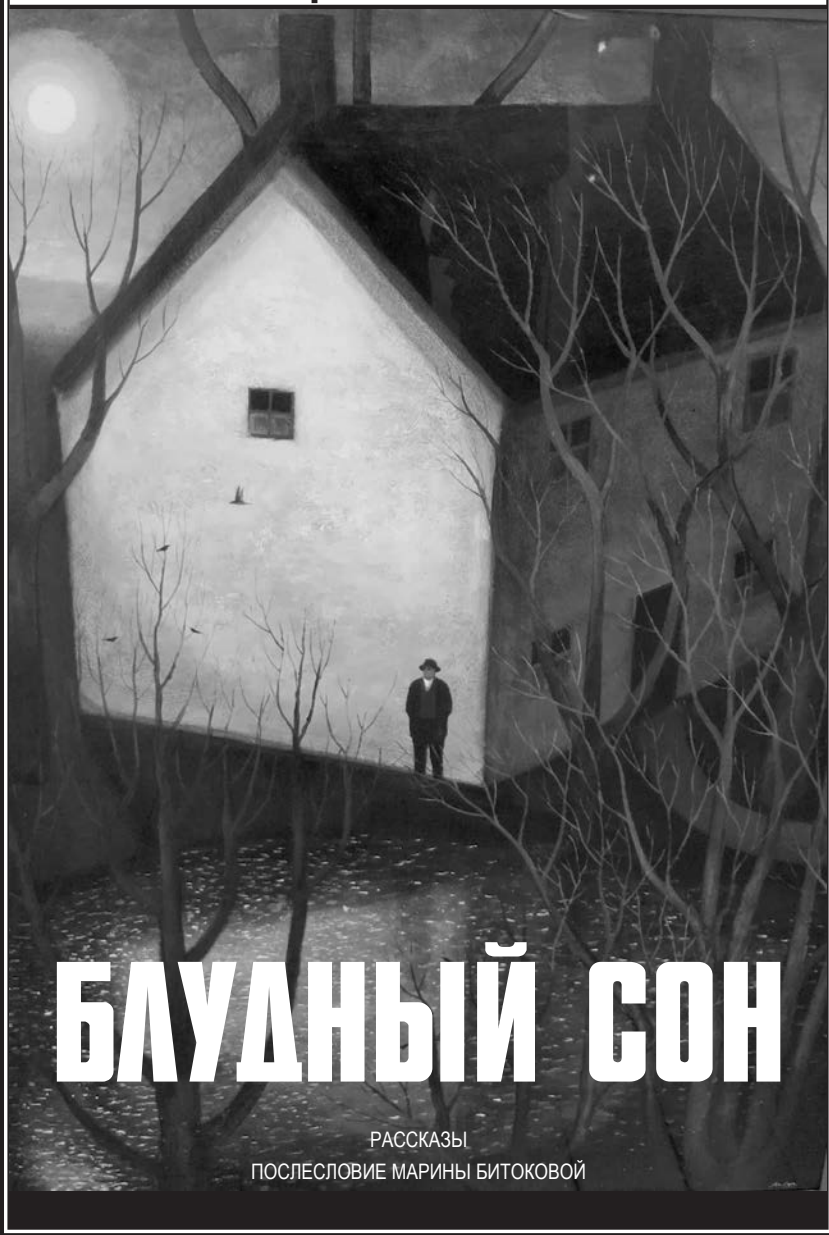
ПРОРОЧЕСТВО

Сахарное шоу закончится.
На реке сломается лед.
Опрокинет в бездну бессонница.
Трезвость обожжет, будто йод.

Что там ваши марши победные?
Все они недолго звучат.
Но, пройдя огонь, трубы медные,
Ты навзрыд захочешь кричать.

Только эта тьма не рассеется,
Убоявшись света души.
И сосуд разбитый не склеится,
И заточник острит ножи.

Ибрагим ШАОВ

БЛУДНЫЙ СОН

РАССКАЗЫ
ПОСЛЕСЛОВИЕ МАРИНЫ БИТКОВОЙ

В оформлении использована картина Джона Кейпла

АДЫГЭ НЫСЭ¹

Обычным субботним вечером в слегка приподнятом настроении я вышел из дома и направился на встречу с моим давним другом по имени Славик. Никаких признаков того, что наше общение выльется во что-то судьбоносное, не было. Часто самые запоминающиеся события разворачиваются неожиданно, как стихийные бедствия: вроде бы все как обычно, и тут — раз, и... землетрясение, наводнение, ураган или... война! Но об этом я тогда не думал. Мои мысли степенно струились тонкими потоками в сторону ожидавшего меня в кафе друга.

Славик. Слава. Вячеслав... В каждой мужской компании есть засидевшийся в холостяках друг. Он подобен забытому в поле перезрелому арбузу. Славик затянул с женитьбой и постепенно стал превращаться в тот самый арбуз.

Наша суетливая жизнь устроена определенным образом — все необходимо делать вовремя, если, конечно, рассчитывать на хороший результат. Вначале за своевременностью хода вещей следят родители. Они учат нас говорить, ходить, стараются, чтобы мы вовремя ели-пили-спали. Потом наступает период относительной самостоятельности — выбор профессии, карьера и приобретение вредных привычек

¹ Адыгэ нысэ (*адыг.*) — невеста. Далее перевод с адыгского будет даваться по тексту в квадратных скобках. (*Примеч. ред.*)

(согласитесь, редкие родители приучают детей к выпивке и курению).

Женитьба, если заняться ею своевременно, относится к действию полусамостоятельному. К созданию семьи подталкивают родители, родственники, друзья и даже соседи. Последний шаг остается всегда за тобой. Жениться как бы и надо — так принято. Но спустя какое-то время, всегда по-разному, давление ослабевает, «посреднические услуги» в поиске невесты сходят на нет, и потенциальный жених остается с проблемой женитьбы один на один. Коллективное внимание переключается на более молодого и сговорчивого холостяка-претендента. На тебя уже перестали обращать внимание, потеряли надежду — махнули рукой. На этой стадии вопрос «когда женишься?» плавно переходит в разряд риторических. Не успел оглянуться — и вот уже ты не столь подтянут и кудряв. Для девушек, которые тебе симпатичны, ты староват, а те, которые еще смотрят в твою сторону, стары для тебя. Замкнутый круг-ловушка для припозднившихся особой обоего пола.

...Я заметил subtilную фигуру друга, сбавил шаг и спланировал к нему за столик. Славик с чашкой кофе в руках коротал время в одиночестве. Первым протянул руку я:

— Салам алейкум, Слава!

— Алейкум салам! — Его рукопожатие было, как всегда, мягко и лениво.

— Славик, когда женишься? — Разговор начался со второй после приветствия традиционной фразы.

— Сауж ик! [Отстань!] — отмахнулся единственный в нашей компании друг, миновавший ЗАГС, и продолжил неспешно пить кофе.

— Надо жениться, — давил я, попутно делая заказ у официанта.

— Кому надо? На ком жениться? Есть невесты? — раздраженно буркнул Славик.

— Кому и кобыла невеста!

— Да ну вас, Бендер! — В такие моменты его лицо смахивало на неисправный советский телевизор с рябью на экране, по крышке которого хотелось стукнуть и восстановить изображение.

— Так и будешь кочевать из одного кафе в другое? По два литра кофе в день пьешь.

— Пью и не страдаю от одиночества!

— Алкоголики тоже пьют и не страдают от алкоголизма, они им наслаждаются! А вот окружающие...

— Вам-то что с того?! — Он всегда переходил на «вы», когда нервничал.

— Мы хотим праздника...

— Далась вам моя свадьба! — перебил меня Славик, при этом его правое плечо нервно дернулось вверх и застыло.

— Не психуй, уже лицо пятнами пошло. Во-он еще двое идут, добавят тебе, — я махнул рукой в сторону парочки приближавшихся к нам друзей, братьев Анзора и Султана.

Еще немного, и к нашему столику подкатили два эталонных красавца-брюнета-бородача в белых укороченных джинсах и одинаковых бейсболках с надписью FBI. После рукопожатий они присели рядом.

— Слышали новость? — начал я. — Слава женится!

— Уишъыпкъа?! [Здесь: да ладно?!] — хором воскликнули многословные брюнеты и уставились на Славика в ожидании подробностей.

— Ой, кому вы верите?! Брешет он, как всегда, — левое плечо друга пришло в движение и сравнялось с правым.

— Хватит ходить в холостяках! Не можешь сам жениться, так мы поможем, — подмигнул я братьям.

— А я не прошу... не просил, — начал бухтеть, как закипающий самовар, Слава.

— Настоящие друзья приходят, когда не просят, просто по зову сердца. Есть у тебя девушка на примете? Нет у тебя девушки, — сам спросил и сам же ответил я.

— Есть... есть... целых две штуки! — соврал Слава и вжался в сетчатый кафешный стульчик.

— Штуки?! Ты бы еще килограммами взвесил.

Все, кроме Славика, рассмеялись.

— Предлагаю Славе помочь и украсть ему невесту! — Если бы я только знал, в какие дебри заведут нас мои шутки... — Это в наших традициях!

— Только наш народ мог придумать такое. Начинать семейную жизнь с кражи! — Слава скептически ухмыльнулся, не веря в реальность моего предложения.

Обидно. Меня задело небрежное отношение к адыгским обычаям. Это был вызов мне и всем нам. «Ах так! — подумал я. — Ну я тебе устрою, царская морда».

— Султан, вы на машине?

Брюнет кивнул бейсболкой.

— Да хватит! Не смешно, — нервно хихикнул Слава.

— Никто не шутит... Братья, вы же «за»? — обе бейсболки одобрительно кивнули.

— Кого крадем? — буднично спросил Анзор.

— Любую симпатичную... да хоть во-он ту! — я махнул рукой в сторону двух удалявшихся девушек, которые минуту назад прошли мимо нашего столика. — Справа постройнее будет, ее и берем.

— Скорее всего, в магазин идет, — предположил Султан. — Одеты по-домашнему, в спортивных.

— Вы чего, совсем сдурели?! Я не согласен... Незнакомый человек...

— Ты почти сорок лет не согласен! Кто тебя спрашивает? — Пришлось рукой придавить к стулу попытавшегося встать Славу. — Сиди спокойно, не дергайся! Тебе ничего не придется делать.

— Оф-фигели?! Ты-ы с-сам... в-в разводе... в-второй раз! С-себе... к-кради! — Слава начал заикаться.

— Мне тоже украдем! Как раз их две.

— Слава, ну че ты, блин, ломаешься?! Свадьба — праздник. Погуляем. Весело. — Анзор любил изъясняться односложно. — Ты робкий. Мы поможем.

— Куда повезем? — деловито спросил я, разминая руки.

— В аул. К его дяде-буржую! — решил за Славу немногословный Анзор. — Этот аул даже немцы в войну не нашли.

— Вы же ве-ру-ю-щие! Красть — харам, грешно! Это раньше, по пьяному делу... — Слава решил использовать в споре последний аргумент.

— Так мы потом спросим! Не захочет — уедет, — поправляя бейсболку, рассудил Султан. — Это не кража, а умыкание невесты — древний адыгский обычай.

— Слушай, жених-неудачник, ты нам, пожалуйста, не порти процесс. Звони в аул, скажи, мол, везем невесту, пусть барашка режут... И машину себе найди. — Я постепенно вживался в роль организатора кражи. — Султан, подгони тачку к обочине, не глуши двигатель и открой задние двери. Анзор, хватаем подруг одновременно, когда поравняются с нами. Ясно?

— Мне какую брать? — спросил дисциплинированный Анзор.

— Бери ту, что покрупнее... Ты парень крепкий.

— Бред какой-то, — пробурчал Слава, но уже смирившимся тоном. — А если она некрасивая? Или запах мне ее не понравится?

— Сымыудэгу! [Не морочь голову!] Ты себя в зеркале давно видел, парфюмер? У тебя на голове волосы растут только в ушах!

Совсем оборзел! — я слегка прикрикнул на Славу. — Звони в аул, пусть дяде сообщат, Ален Делон на минималках.

Слава ощупал покрасневшие уши, провел ладошкой по лысине и покорно взял телефон. Султан зашагал к авто, а мы с Анзором выдвинулись в направлении магазина.

— Еще светло, — предостерег Анзор.

— Плевать.

— Согласен.

— Наш друг умеренно талантлив в мелочах... но не в общении с девушками. Стеснительный... Если сегодня опозоримся... он никогда не женится... Хьалэч [здесь: трындец] будет...

— О, вышли, кажется. Идут... Красотки... Вторая-то зачем? Тебе?

— Нет, конечно. У меня же есть. Пусть с ней за компанию прокатится. Невесте не так одиноко будет.

— Тоже верно. В крайнем случае, если первая не останется, вторая запасная, — рассудил практичный Анзор.

Султан подогнал машину, открыл задние двери и оставил включенным двигатель. После чего натянул бейсболку на глаза, вжался в сиденье и вцепился в руль обеими руками.

— Стоим, как будто болтаем. Как мимо пройдут, хватаем со спины, запикиваем в машину и стартуем, — ободряющим голосом изложил я план захвата.

— Будут орать.

— Им положено.

— Рот прикрывай.

— Покусаят.

— За хлебом ходила, значит, будет хозяйственная. Та, что ближе, мне знакома. Незамужняя, в соседнем доме живет... засиделась в девках.

Не обращая внимания на нас, мило воркуя о чем-то своем, девушки-голубушки поравнялись с нами. Не удостоив наши персоны вниманием, подружки минули машину и, ритмично покачивая бедрами, продолжили дальнейший путь.

— Пора, — шепнул я Анзору (сердце перешло в ускоренный режим), и мы кинулись каждый к своей жертве.

Мгновение, затем немного дозированного насилия — и ошарашенные невесты, подхваченные нашими руками, несутся нами в салон автомобиля. Все быстро, четко, как в кино. Со стороны могло показаться, что мы с Анзором каждый день отрабатывали кражи невест и были профессиональными умыкателями — настолько

красиво мы отыграли свои роли! Мне показалось, что случайные прохожие, заставшие сцену похищения, улюлюкали и аплодировали нам стоя (сидячих прохожих-то и не бывает). Адреналин заглушил крики, придал сил и помог сломить вялое девичье сопротивление. Забросив девушек в тачку, мы впрыгнули сами, захлопнули двери и криком «гони!» довершили задуманное. Султан нажал на педаль газа, и мы устремились вперед по городским улицам, нарушая все мыслимые правила дорожного движения. Полдела сделано.

На минуту между всеми нами воцарилась абсолютная тишина, разбавляемая ревом двигателя и визгом покрышек. Каждый из присутствующих находился в легком замешательстве, сравнимом с первым днем вступления в новый трудовой коллектив. Смущение усиливалось теснотой: девушки лежали одна на другой, по бокам у дверей кое-как разместились мы с Анзором.

Первой пришла в себя невеста номер один:

— Мамочка! — истошно закричала она снизу. — Мне страшно! Мама!

— Доченька, не пугайся! — почему-то успокоила первую вторая.

Мы переглянулись. Султан дал по тормозам и обернулся:

— Сбрасывайте верхнюю! Это, по ходу дела, мать ее.

— Е зянэ, ар ян! [Здесь: мать ее!] — двусмысленно повторил я, распахивая дверь. — Выталкивай ее, Анзор!

Та, что называлась матерью, заголосила что есть мочи, ее тут же поддержала дочь. Под звуки семейного дуэта я выскочил на улицу, схватил мамашу за ноги и принялся выволакивать вон. Одновременно с этим Анзор пытался разделить сцепившихся между собой родственниц. Выглядело это предельно цинично. Отрывать ребенка от матери — это, я вам скажу, действие не из приятных. Сразу вспоминаются фильмы про войну. Но мы старались ради друга. Наконец мама сдалась и медленно стала покидать салон — по инерции, формально, цепляясь за все, что попадет под руку. Сепарироваться от детей нужно вовремя. В наш адрес полетели проклятия на родном языке.

— Смотри, Сусанна, как натурально играют в умыкание невесты! — Эти слова принадлежали пожилому адыгу, застывшему со своей спутницей на морщинистом тротуаре метрах в пяти от нас. — Какой славный обычай! Жаль, что он почти исчез. Помнишь, как я тебя выкрал?

— Эх, Хасан... И вот уже пятьдесят три года мы счастливо живем под одной крышей. — Старушка умиленно посмотрела на своего деда Хасана и добавила, обращаясь к нам: — Молодцы, ребята! Мо-ло-дцы!

Ее слова прибавили мне сил. Я наконец-таки вытащил из машины вымотанную неравной борьбой мамашу и, приобняв ее за плечи, бережно усадил на придорожный бордюр.

— Скоты, сволочи! Не отдам! — запыхавшись, выкрикнула мама сквозь растрепанные волосы. — Гады... Шъхьяубэтэ-жъых... [Здесь: дураки]

— За-бе-ре-те, если не захочет остаться!.. Стыдно, мадам, обычаи надо знать. — На этой фразе я впрыгнул обратно в салон и захлопнул дверь.

Невеста рыдала в голос. Видно, расставание с мамой далось ей нелегко.

— Поплачь, поплачь! Большое счастье всегда начинается со слез! Гони, Султан!

— У меня парень есть. Он вам го-оло-овы-и откру-тит! — всхлипнула невеста.

— Да, да... открутит... Мы ему расскажем, что ты сопротивлялась по-настоящему. — Я поднял лежавшую девушку и усадил ее между собой и Анзором. — Как зовут?

— Какая разница?! Я не останусь, — она решительно замотала головой.

— Твое право. Но помни, каждое твое слово может быть использовано против тебя! — Братья оценили шутку и синхронно заржали. — Ты в курсе, что в наше время иметь такую моложавую мать — преступление?!

— Кіалэхэр [Парни], отвезите меня обратно. Это подсудное дело, я напишу заявление. Seriously. У меня тетя прокурор. — Так жертва хотела испугать своих похитителей.

— Тетя прокурор? Замужем? — мы снова засмеялись.

— Смейтесь, смейтесь... потом плакать будете!

— Мы чтим хабзэ [здесь: обычаи]. Тебя никто пальцем не тронет. Родственники заберут, если не захочешь остаться. Отдай мобильник, потом верну.

— Ты меня всю облапал... Кто тебе позволил трогать меня?! — отдавая телефон, спросила невеста.

— Ну извини. Пошел на это ради друга и вашего счастливого будущего!

— Кто из вас жених? Ты, что ли? — спрашивая, она уже поправила прическу. Это хорошо.

— Сразу видно, городская... Жених сам себе не ворует. Для этого друзья имеются. Ты знаешь, какой он красавчик?! Мы ему в подметки не годимся. — Эта фраза должна была еще немного успокоить потенциальную невесту.

— Покажи фото! — Девушка оказалась умнее, чем я думал.

— Мы мужские фотки не храним. Сама скоро увидишь.

— Все равно не останусь, зря тратите время. И вообще, больше ни слова не скажу, — она надула губы и сложила руки на груди.

К этому времени Султан на предельной, околокосмической скорости вывез нас из города. До аула оставалось ехать полчаса. Я впервые внимательно оглядел нашу спутницу. Конечно, она была изрядно потрепана последними событиями. Но, несмотря на разобранный вид, было заметно, что девушка симпатичная. Каштановые волосы, светлая кожа, правильные черты лица дополнялись стройной фигурой. Повезло Славику. Сравнивая внешность потенциальных мужа и жены, пришлось признать, что девушка гораздо привлекательнее. «Могут возникнуть проблемы», — подумал я, но вслух сказал:

— Вы так друг другу подходите! Такая эффектная пара, самая красивая в республике. Жених-то наш тот еще красавец! За ним девушки табунами ходят, а он тебя выбрал.

Султан бросил на меня удивленно-изумленный взгляд через зеркало заднего вида, в его широко раскрытых глазах читалось немое слово: «Однако!» Анзор отвернулся к окну, по вздрагивающим плечам было видно, что он еле сдерживает смех.

— Ты еще дом не видела! Настоящий особняк! Такой зажиточной семьи в ауле больше нет. Будешь как сыр в масле кататься.

Игнорируя мои доводы, девушка заняла глухую оборону и просто отмалчивалась.

— Позвони Славику, спроси, как там обстановка. И заодно скажи, что мы привезем невесту через... минут двадцать, — попросил я Султана.

— Славику?! Это ему меня украли? — ни с того ни с сего воскликнула девушка. — Что за имя? Русский?

— Вячеслав — чистокровный черкес! — лаконично ответил Анзор.

Услышав это, невеста запрокинула голову и рассмеялась каким-то недобрым смехом.

— Или уголовник, или старик, или алкаш... или маменькин сынок? Честно скажите! — сквозь смех спросила она. — Ни одного нормального Славика не встречала.

— Что за пещерные предрассудки? Какая разница, как зовут человека? — После ее смешков она показалась мне не такой привлекательной. — Тебя-то как зовут?

— Орнелла! — гордо выкрикнула она.

Громогласный хохот сотряс машину. Султан завиял по дороге, приговаривая: «Орнелла Мути, что-то мутит Орнелла, мутная Орнелла досталась Славикю».

— Первый раз слышу такое имя! Уадыга? [Ты черкешенка?]

— Мама из Кабарды, там это вполне распространенное имя.

— Вы рождены друг для друга. Послушай, как звучит: Вячеслав и Ор-нел-ла! — торжественно произнес я.

— Ваши родители — большие оригиналы, быстро найдут общий язык, — добавил беседе оттенок Султан.

...Меж тем уже смеркалось, и мы, сбавив скорость, неспешно, в сопровождении заходящего оранжевого солнца, вкатывались в родной аул. На въезде валяжная процессия гусей перегородила путь. Султан посигналил и медленно тронулся сквозь гусиный строй.

— Дорогу, носатые! Невесту везем, нельзя останавливаться! — опуская стекло, крикнул наш водитель.

Гуси загоготали и бросились врассыпную. Возмущенный жокак расправил крылья и зашипел, как змеюка, в нашу сторону. Они всегда такие вредные. Султан, поравнявшись с главным гусем, крутанул руль в его сторону и засмеялся:

— Шуганул гусяру! — оборачиваясь к нам, отчитался он.

Но «гусяра» не оценил шутку и воспринял угрозу всерьез. Взмахнув крыльями, он пошел в атаку и свирепо устремился в открытое окно. Правда, не вперед головой, а растопыренными перепончатыми лапищами. Его гневные лапы, влажные, с прилипшими кусочками помета, пришлись Султану прямо в лицо. Половина гуся влезла в салон! Началась суматоха, завязалась эпическая битва человека и птицы, повсюду полетели перья. Султан постарался выпихнуть наглого гостя, в ответ тот неистово махал крылами и топтался по лицу Султана, оставляя отпечатки в виде кленовых листьев. Наконец гусь выперся из окна, грохнулся оземь, вскочил, прошипел нам вслед самые обидные гусиные матюки и был таков. Он явно победил. Бой продлился несколько секунд.

Султан обернулся к нам и ошарашенным от неожиданного падения голосом спросил:

— Что за зверь этот къаз [гусь]?!

Повсюду на его бородатом лице, перекошенной бейсболке и прочей одежде виднелись следы безумно мужественного гуся. По машине разнесся болотистый запах — гусиное амбре.

Я, Анзор и невеста со странным именем Орнелла расхохотались так, что со стороны могло показаться, будто внутри машины взорвалась граната. Султан глянул на себя в зеркало заднего вида и тоже присоединился к нашему веселью. Я смеялся громче других оттого, что в тот момент мне казалось — Орнелла останется. Через смех уходило нервное напряжение последнего часа.

Оправившись от битвы с гусиным королем, мы двинулись дальше, примерно через пятьсот метров свернули в проулок и остановились у третьего дома. Ворота были раскрыты, повсюду сновали родственники, друзья и соседи жениха. В воздухе чувствовалась праздничная атмосфера. Мы выбрались из машины, невеста осталась внутри. Первым из ворот выкатился шарообразный дядя жениха по имени Пщимаф, его добродушное лицо светилось от счастья:

— Как вы смогли невесту уговорить? — пожимая нам руки, спросил Пщимаф.

— Особо не уговаривали...

— Я имел в виду Славика.

— Аха-ха-ха! — рассмеялись мы. — С ним сложнее всего было.

Дядя радостно потер руки и еще раз обвел нас одобрительным отеческим взглядом.

— Султан, что с тобой? Иди умойся и приведи себя в порядок. Пацаны тебя проводят, — он махнул двум подросткам.

Султан ушел с ребятами. Мы с Анзором отошли в сторонку. Машину окружили женщины. Они открыли двери и бережно вывели невесту.

— Заведите в зал, — отдал распоряжение дядя Пщимаф.

— Пщимаф, она, как бы тебе сказать... не до конца согласна, — начал я.

— Вначале все не согласны, — невозмутимо ответил он. — Сейчас с ней поговорят, убедят... попробуют. Славик где?

— Где-то у друзей отсидивается.

— Сообщи ее родственникам сразу [сразу (*русско-адыг. слена*)] после согласия... Пока никуда не звоните. Расставьте машины вокруг двора и стойте в несколько линий. Мало ли что.

— Хорошо.

Обрадованная молодежь расходилась на отведенные позиции.

У нас в ауле, когда родственники невесты приезжают в дом жениха, их не подпускают близко к украденной. Общение проходит через головы друзей. Их дело — спросить, останется ли она или захочет вернуться домой. Но бывают разные люди, некоторые начинают давить на свою родственницу, настаивая на возвращении в отчий дом. Чтобы этого не допустить, мы выстраиваем несколько людских заслонов. Так мы поступили и в этот раз. Теперь остается только ждать и надеяться на силу женского убеждения.

Минут через пятнадцать к нам вышла сестра Славика:

— Она вас зовет.

Мы вошли в зал. Орнелла с понурой головой стояла в углу. По периметру плотными рядами сидели разнокалиберные женщины. Их испепеляющие взоры были устремлены на невесту. Я подошел к Орнелле. Увидев знакомое лицо, она обрадовалась и прошептала:

— Побудьте со мной. Мне страшно. Я здесь никого не знаю.

Сработал «стокгольмский синдром».

— Ты остаешься? — серьезно спросил я.

— Нет, конечно! Я же говорила.

— Почему?

— У меня парень есть, мы три года встречаемся.

— Еще тридцать три будете встречаться. Парень не жених. А Славик жених. Сегодня же станешь замужней девушкой.

— Нет.

К разговору подключилась тетушка Славика:

— Къин, къинэба сипшъашь! [Оставайся, доченька!] Унагъор, унагъо дэгъу! [Очень хорошая семья!] Будут на руках носить, как к родной относиться.

— Не могу, — замотала головой Орнелла. — Хъау! [Нет!]

— Не спеш с ответом. Сказать «нет» всегда успеешь. Славик такой хороший парень. При должности, при деньгах. Не шалопай какой. Будет шикарным мужем и отцом.

— Нет.

— Я тебе дорогое кольцо из белого золота подарю, если останешься, — в дело пошел подкуп.

— Не надо.

— Отдельно будете жить. У него своя квартира, — переходя на шепот, сказала тетушка. — «Нет» не говори. Обдумай все.

— Не хочу.

— У нас дедушка старенький при смерти лежит. Ему уже сказали, что Славик женится. Если уйдешь, он не переживет! — В дело вступила вторая тетушка жениха, она решила уговорить Орнеллу при помощи легкого шантажа.

— Нет.

Тетушки отошли к своим и тут же вполголоса стали обсуждать содержание разговора. Наверняка у них в запасе есть еще парочка приемов для воздействия.

Я склонился к уху Орнеллы:

— Хороший парень. Даю слово.

— Все вы хорошие. Пришел бы как человек, познакомился.

— Тебе уже не восемнадцать, судя по всему. Твой парень не спешит с предложением... Еще детей завести надо... Завтра он передумает или погибнет, дай Аллах ему долгих лет жизни, и ты останешься у разбитого корыта.

— Где он? Покажи хотя бы фото, — после минутного раздумья сказала Орнелла.

— Зачем фото? Мы его сюда пригласим, когда людей поменьше будет. Ты пока знакомься с родственниками. Они не кусаются. Сестра Славика — врач, вторая в Белом доме работает. Мама — педагог. Отец, правда, умер, но был порядочным, исключительным человеком. Хороший род, крепкий.

Усталость от нервного напряжения и наши совместные увещевания постепенно делали Орнеллу не такой категоричной.

— Как я могу выйти замуж за того, кого не люблю?

— Как увидишь, так сразу и полюбишь! Я тебе гарантию даю. Пока общайся, а мы с Анзором пойдем, Султана найдем. Если что, мы рядом.

Мы вышли из дома и сразу встретили дядю Пщимафа. Было ощущение, что он уже накатил пару рюмок:

— Слушай сюда. Спросите в последний раз — да или нет! Уже скоро полночь, ее родители волнуются. Надо сообщить, где она.

— Хорошо. Я как раз за этим и шел.

Снова войдя в дом, я увидел, что Орнелла вполне себе освоилась. Она болтала с сестрами жениха, пила чай и закусывала конфетами.

— Ну что?! Остаешься?

— Она хочет видеть Славика, — ответила за нее старшая сестра жениха.

— Нет проблем. Сейчас приведем нашего красавца.

Я резко развернулся на сто восемьдесят градусов и промаршировал обратно во двор. В голове роились логичные мысли. Славик был далеко не красавчик. Меня одолели сомнения. Орнелла сложила о нем представление, исходя из нашего описания. Она ожидает увидеть подтянутого, привлекательного парня с густой шевелюрой. Лопухий низкорослый Слава с лысой головой и кривыми ногами вряд ли качнет мнение девушки в свою сторону, скорее наоборот. На кону свадьба, так рисковать нельзя.

— Позовите Арамбия! — попросил я дворовых пацанов.

Арамбий жил на соседней улице. Он лучше всего подходил роль идеального жениха. Высокий зеленоглазый брюнет с греческими чертами лица и басистым голосом. Первый парень на деревне. Правда, Арамбий к тому времени был давно и счастливо женат.

Подменный жених появился во дворе через минуту, он тоже участвовал в приготовлениях к свадьбе.

— Арамбий, пойдешь к ней и скажешь, что ты Славик. Понял?

— Легко. Что еще сказать? — живо поинтересовался Арамбий-Славик.

— Просто стой и делай вид, что молчишь от стеснения... Главное — стесняйся.

— Молчать я умею.

— Зайдешь после того, как я выгоню женщин.

Я вернулся в зал и попросил тетушек, соседок и других неравнодушных покинуть помещение.

Орнелла замерла в ожидании.

— Ну все, готовься. Такого красавца ты в жизни не встречала! — начал я словесную артподготовку. — Славик! Заходи!

Через несколько секунд вошел Арамбий, встал в центре комнаты, аккуратно прямо под люстрой и... уставился на Орнеллу неморгающими зелеными глазами. «Переигрывает», — подумал я. Между ними оставалось метра три. Орнелла оглядела Арамбия, потом перевела взгляд на меня. В ее ставших томными очах разливалась лилейная благодарность. Еще немного, и она бросилась бы мне на шею.

— Славик, не смущай невесту. Тебе здесь быть не положено.

Я встал между ними и импровизированно расправил руки. Арамбий понял, что его роль уже отыграна и пора покидать сцену. Так мы остались с Орнеллой вдвоем.

— Остаешься? Последний раз спрашиваю. Если скажешь «нет», сразу везу тебя домой.

В ответ я услышал тишину и участившееся дыхание.

— Молчание — знак согласия! Ты сделала правильный выбор! Поздравляю.

Я выскочил на улицу и криками «остается!» возвестил собравшимся о начале свадебных торжеств.

Мы сообщили ее родственникам. Им надлежало приехать в дом жениха и убедиться в том, что их дочь (сестра) по доброй воле остается в новой семье. Все вокруг начали суетиться. Кто-то занялся мясом, кто-то привез огромные чаны для щипса (национальное блюдо)... лавочки, столы, скатерти, посуду и прочее, прочее, прочее... Каждый знает свой маневр.

Мы живем ради двух событий — свадеб и похорон. Так мы устроены.

Через час приехали ее родственники — трое хмурых мужчин в шляпах. Они сделали минорные лица и двинулись в дом. Увидев предсвадебные приготовления, визитеры поняли, что их родственница дала предварительное согласие. И теперь процедура будет носить формально-ритуальный характер. Но мы с ребятами все-таки выстроились плотной цепью перед дверями зала. Родичам пришлось говорить поверх наших голов.

— Орнелл, укьинэцта? [Орнелла, ты остаешься?] — спросил самый старший из них.

— Ары, кьинэцт [Да, остается], — хором ответили наши тетушки.

— Мы хотим у нее спросить. Ты остаешься?

— Ары [Да], — тихо ответила Орнелла и потупила взор.

— Тогда мы не возражаем.

Ее «да» было встречено громкими овациями, свистом и криками одобрения. Гостей начали деликатно оттеснять во двор. После этого к ним подошли наши старшие, они обсудили какие-то традиционные нюансы, пожали друг другу руки, и делегаты отправились восвояси.

Нам предстояла свадьба — долгожданная свадьба нашего перзрелого арбузика по имени Славик. Я был доволен собой.

— Ты что наделал? — Это была тетя Славы. — Она же за Арамбия согласилась выйти. Тэрээп мыр [Неправильно это]. Как ты будешь это распутывать?

— Стерпится, слюбится...

Описывать приготовления к свадьбе нет смысла. Свадьба как свадьба.

Осталось рассказать о последнем эпизоде аульской трагикомедии. Настала ночь, та, которую принято называть «первая

брачная». Нужно было заключить никах (религиозный брак) и оставить молодых наедине. В комнату невесты вошли сухощавый эфенди, Славик, я и Анзор. Эфенди сразу взял быка за рога:

— Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Орнелла, ты выходишь за Славика по доброй воле и без принуждения?

— Да, — ответила ничего не подозревающая невеста.

— Славик... — обращаясь к настоящему Славику, начал эфенди.

— Стоп, стоп! Какой Славик? — удивилась Орнелла.

— Как какой? — переспросил ничего не понимающий эфенди. — Вот этот!

— Это не тот Славик! Ведите того... другого... высокого! — воскликнула невеста и как-то недобро зыркнула на меня глазами.

— Выйдите все, — с металлом в голосе сказал Вячеслав. — Оставьте нас одних.

Мы молча покинули комнату. Дверь захлопнулась. Стоявшие во дворе побросали свои дела и замерли в ожидании.

Прошел примерно час, а может быть, и больше. Из комнаты веяло тишиной. Ни звона битой посуды, ни криков, ни проклятий, ни тем более признаний в любви... Ти-ши-на. Минуло еще несколько тягучих минут, и тут на пороге появился Слава. Он окинул нас строгим взглядом, почесал лысину, расправил плечи и, вдруг расплывшись в счастливой улыбке, сказал:

— Пщинаом шъукъедж! [Зовите гармониста!]

Улица наполнилась криками ликования, кто-то затынул «адыгэ нысэ» (обрядовая свадебная песня адыгов). Я же спокойно подошел к Славику, крепко обнял его и шепнул на ухо:

— Л1ы зак1! [Здесь: настоящий мужчина!] Последний шаг ты все-таки сделал сам.

БЛУДНЫЙ СОН

Поистине, без музыки творчество — обуза.

Все последние дни меня мучило отсутствие вдохновения — не шло письмо. По утрам, усаживаясь за компьютерный стол, я полчаса тупо всматривался в монитор ноутбука в ожидании важной мысли. Но безуспешно. Не помогало перечитывание старых черновиков и готовых произведений. И потому я бросал бесплодные попытки родить что-то стоящее: спешно вставал из-за стола и, набросив на плечи пальто, покидал дом с твердым намерением

побродить по осеннему городу в поисках гениальной зацепки для нового рассказа. Отсутствие идеи раздражало, ведь не мог же я исписаться, как великие. Мне еще рановато страдать благородными болезнями больших писателей: всего-то пара посредственных книг за плечами.

...И вот той ночью я увидел прекрасный сон — цветной, сочный, с виртуозно закрученным сюжетом. То что нужно. Радость, граничащая с эйфорией, накрыла меня с головой. Даже во сне я оценил уникальность спонтанно пришедшего на ум замысла. Из этого выйдет стоящий рассказ, достойный великих предшественников. Обычно в такие моменты я вскакиваю с постели и бегу записывать в рабочую тетрадь удачное слово или фразу, которую не мог подобрать днем. Потусторонние послания лучше сразу переносить на бумагу, иначе утром они забываются. Но тот сон был настолько ярок, понятен и прост, что я поленился выползть из-под теплого одеяла и нестись по холодному полу к письменному столу. Сон уложился в голове до мельчайших деталей. С чувством удовлетворения и абсолютной уверенности в писательской продуктивности завтрашнего дня я перевернулся на другой бок и крепко заснул.

Утром, едва открыв глаза, я понял, что все забыл. Напрочь отшибло память, словно ночная лошадь по кличке Мнема вначале выбросила меня из седла, а затем еще вдогонку вдарила по башке железным копытом. Контузия. Шум. Абсолютная пустота в голове... Ну как же так?! Куда подевался мой великолепный и столь нужный сон?! И ведь я точно знаю, что он был — в этом нет сомнений... такой полноценный, с необычной историей. Но вот о чем конкретно? Не помню, вот досада.

Что ж, не время заранее посыпать голову пеплом. Возможно, подробности всего позабытого скоро сами дадут о себе знать — самотеком, в течение дня, ведь сон неспроста родился именно в моем воспаленном творческом подсознании. «Должно быть, вспомнится после освежающего душа», — подумал я по пути в ванную комнату.

Но душ, очистив тело, не принес желаемого результата.

«Мне следует сытно перекусить и напитать мозг полезными для памяти микроэлементами» — вторая мысль, пришедшая тогда. Накинув любимый халат, я отправился в столовую, попутно прокручивая в голове потерявшиеся варианты. Нужно вспомнить хотя бы общую тему или отдельную деталь, а дальше подробности сами выстроятся в логичный ряд литературного повествования.

...Красная малосольная рыба, черный хлебушек, укрытый мягким сыром, и крепкий кофе — формула идеального завтрака для работника умственного труда. Быстро покончив с едой, я вышел во двор, закурил и, развалившись в садовом кресле, стал ждать возвращения блудного сна. Но он не спешил обратно. Незадача. Нужно закрыть глаза и притвориться, что спишь. Сон — не дурак, он может вернуться только в спящую голову. Но едва я прикрыл веки, как раздался звонок мобильного телефона.

— Алло, слушаю, — раздраженно начал я, поднося трубку к уху.

— Спишь? — на том конце провода послышался узнаваемый голос моего друга-поэта.

Он был, как и я, одинок, и потому имел привычку звонить по утрам с длинным списком лишних вопросов.

— Нет, — сухо молвил я, не открывая глаз.

— Пишешь?

— Нет.

— А что делаешь? — дежурно поинтересовался он.

— Пытаюсь вспомнить сон со смыслом. Отличный сон, с классным сюжетом...

— Забыл? А чего не записал?

— Так вышло.

— Примерно о чем? Помнишь? — живо включился в разговор мой друг.

— Нет.

— Детектив, драма... может, фэнтези?

— Погоди, — монотонно ответил я. — Ты отвлекаешь... Я в процессе, пытаюсь вспомнить...

— Ну хорошо! Не буду мешать. Но если не идет мысль, то советую сходить в аптеку и купить лекарства, улучшающие память. Там спросишь название.

— Спасибо, но в этом нет нужды. Дома есть глицин и что-то еще.

...Проведя во дворе какое-то время, я вскоре осознал неэффективность выбранного способа и решил перейти к более активным действиям. Первым делом пришлось прибегнуть к медицинскому совету поэта — в ход пошли ноотропные лекарства. Приняв ударную дозу, я вновь вернулся к письменному столу. Опять ничего. Провал в памяти. И, видимо, химические препараты тут бессильны. Стоп. Я вспомнил историю создания Периодической таблицы химических элементов — она же явилась Менделееву во сне! Было бы здорово, если бы интернет раскрыл тайну великого открытия, да

так, чтобы я смог использовать этот опыт. Но меня ждало разочарование — история оказалась «уткой». Сам Менделеев относился к ней с плохо скрываемой иронией.

Опять позвонил поэт:

— Слушай, мы накануне обсуждали фильм. Помнишь?

— Ну...

— Муж застал жену с любовником. Убил обоих, потом расчленил ручной пилой и, расовав по пакетам части тела, отвез их в лес и закопал. Но женскую голову оставил и потомпил с ней чай и дул на нее...

— Да помню! Хватит! — раздраженно буркнул я. — Это не в кино, а в рассказе.

— Не об этом был сон? — с надеждой в голосе спросил поэт.

— Не, — устало выдохнул я и снова бросил трубку.

Переведя телефон в беззвучный режим, я решил действовать рационально. Сколько всего сюжетов в литературе? Немного. Может быть, мне снилась война или что-то, связанное с ней? Я вспомнил произведения Гомера, Толстого и Ремарка. Сознательно поменяв местами героев разных романов, я окунул их в другие исторические эпохи и выстроил в уме новые сюжетные линии: отправил Болконского на Западный фронт, а Ахиллеса бросил на штурм наполеоновских редутов — во сне ведь все возможно! И снова ни-че-го. Без перемен.

А что, если любовная история? Нет, точно нет. Не мой литературный профиль. Или роман-возвращение? Тогда кто вернулся и куда? Не помню. Вообще реализм не подходит для сна, если только он не магический. Пока мы спим, мы не ограничены пространством, временем и другими земными параметрами. Древние считали, что сон подобен смерти. В нем мы общаемся с духами предков, с легкостью преодолеваем гигантские расстояния, испытываем райские наслаждения... Точно, это был сон о смерти! Извечная тема всех психологических романов. Кажется, вспоминаю, сюжет о наемном убийце с элементами мистики. Он не исполняет последний заказ, жалеет красивую девушку с ангельской девочкой-дочкой. Они вместе бегут от мафии в безлюдное место на берегу океана, искупавшись в котором девушка превращается в медузу и уплывает... Ну что за избитый штамп?! Совсем не годится. Если сон был подобным, то хорошо, что он забылся.

Вибрирующий телефон сообщил мне, что моего доброго советчика вновь озарило:

— Значит, так, — начал он с места в карьер. — Я только что говорил со знакомым сомнологом. Есть такая методика: чтобы вспомнить сон, нужно симитировать похожие условия, при которых ты уснул вчера.

— Как это?

— Зашторь окна, представь, что ночь. Ты вчера лег на голодный желудок?

— Какое это имеет значение?

— Он сказал, что сны сытого и голодного отличаются друг от друга, как и сон бедняка не равен сну богача. Например, работники физического труда, кто пашет и сеет, вообще редко видят сны. От усталости, едва сомкнув глаза, они проваливаются в безликую бездну, а утром снова бегут на работу. Для них сон просто физиологический отдых, — поэта потянуло на бытовую философию.

— Не согласен.

— Твое право. Что ты ел? — настойчиво спросил поэт.

— Омлет. И выпил чаю.

— Надо повторить. И положи рядом записную книжку, а то опять забудешь.

— Звучит сомнительно.

— Это еще не все. Я должен буду тебя резко разбудить... ну, типа, среди ночи. Шоковое пробуждение запустит нужную реакцию, и ты вспомнишь. Телефон положи возле подушки и поставь на максимальную громкость.

— Ну как же я усну днем?

— Не знаю. Выпей снотворного.

— Этого я точно делать не стану, — возразил я и вновь оборвал беседу.

Лучше выйти на воздух и пройтись по городу. Возможно, мой потерявшийся сон заблудился где-то в кварталах нашего городка. Или зацепился за бельевую веревку выпирающих балконов, а может, влетел не в то окно или превратился в дворовую собачонку. В любом случае, мне будет достаточно лишь маленького намека, и я тут же вспомню.

С такими мыслями я прослонялся по улицам до вечера, но так и не встретил ни одной подсказки. Голодный, разбитый и усталый, я ввалился в дом и, скинув башмаки, отправился в спальню. Растянувшись на кровати, взял в руки телефон:

— Алло, поэт? Я согласен. Звони после полуночи.

...Перед тем как улечься, я повторил в точности все детали предыдущего вечера. Съел омлет, выпил чашку чая, почистил

зубы (оставил тюбик незакрытым, как тогда), натянул пижаму и залез под одеяло. Часы показывали 22:00. Главное — ничего не упустить. Вроде и шторы в таком же положении, я оставил небольшую щель. Уложив рядом записную книжку и телефон, я прикрыл веки. Прошло полчаса, но сон не шел.

В голове крутились разные сюжеты из прошлой жизни. Вспомнилась мама и ее похороны, бывшая жена и общие дети. За ними — коллеги, друзья и враги. А потом — снова мама, но уже молодая, с венком одуванчиков на голове. Она смеялась и бежала по луговому полю цветов в легком развевающемся платье. Потом я увидел себя в образе маленького розовощекого малыша, сидящего на руках у бабушки. Она пела мою любимую колыбельную, поглаживая меня по голове. Какое прекрасное время, какие чудные ласковые воспоминания! Но вдруг небо заволочилось тучами, и грянул гром с грозой. Веточки молний вспышками осветили луг, и я увидел бегущую ко мне маму. Она что-то кричала нам с бабушкой, но фразы ее терялись, сбиваемые шумом непогоды... Мне обязательно надо услышать мамино послание! Но тут снова громыхнуло, затем еще раз и еще. Теперь уж точно не разобрать ее слов. Раскаты грома окончательно оглушили меня, но в этот раз каким-то другим, пронзительным звуком.

Это звонил и вибрировал у подушки проклятый телефон:

— Вспоминай! — заорал в трубку поэт.

— Пошел к черту! — ответил я и отключился.

...На рассвете стало ясно, что предложенный стихотворцем эксперимент с треском провалился. К забытому сну добавилось нерасслышанное послание от мамы. В расстроенных чувствах я покинул постель и, миновав ванную комнату, вышел во двор. «Эти сны доконают меня», — подумал я, жадно вдыхая раздутыми ноздрями прохладный осенний воздух.

Вспомнить сон не получилось ни в этот, ни в последующие дни. Прошла неделя. Поэт звонил каждый день с новыми версиями. Надо отдать должное его фантазии. За это время его взбудораженное сознание выдало несколько неплохих стихов. Но у меня дела не шли совсем.

...Воскресным утром я по традиции вышел во двор с чашечкой кофе в руке и расположился в любимом плетеном кресле. Середина осени одаривала землю последними теплыми солнечными деньками. Соседская трехцветная кошечка пришла и растянулась рядом. В небе чирикали и резвились редкие воробьи. Жизнь пока не перешла в спящий, зимний режим. На уличных

деревьях местами еще проглядывалась пожухшая листва. Легкий ветерок слегка качнул растущую за моим забором липу, и одинокий листик, сорвавшись с верхней ветки, кружась и вращаясь, отправился в свой финальный полет. «Кру-жась и вра-ща-ясь», — мысленно повторил я фразу, тут же вскочил как ужаленный и пулей бросился к компьютеру.

— Вспомнил! — на бегу крикнул я испуганной кошке, воробьям и всему миру.

Добежав до письменного стола, я принялся выбивать на клавиатуре, пока не забыл, первые слова нового рассказа:

«Поистине, без музыки творчество — обуза...»

ПЕРЕПЛЕТАЮЩИЕСЯ РЕАЛЬНОСТИ ИБРАГИМА ШАОВА

Стремительное появление Ибрагима Шаова в литературном поле Кавказа будоражило нас весь 2023 год, когда вышла повесть «Пациент № 132, или Живи здесь и сейчас», написанная в соавторстве с Асфаром Шаовым. Произведение сразу заметили, и Шаовы отправились с презентациями своей книги в настоящее литературное турне по Северному Кавказу, чего у нас давно не случалось. Сегодня Ибрагим уже самостоятельно предстает перед читателем как автор рассказов — «Адыгэ нысэ» и «Блудный сон». Это два очень разных текста, которые тем не менее ярко демонстрируют формирующуюся на наших глазах авторскую индивидуальность и уже узнаваемый стиль.

«АДЫГЭ НЫСЭ»

Представьте, что вы оказались свидетелем того, как на улице хватают двух молодых женщин и насильно сажают в джип. Вряд ли вы станете одобрять такое, даже если во всех подробностях

знакомы с обычаем умыкания невесты. С одной стороны, этот обычай выглядит бесконечно устаревшим, с другой же — он по-прежнему способен быть интригующей завязкой для рассказа. А потому не спешите с выводами и позвольте ситуации развернуться в литературной плоскости.

Референсы сюжета мы найдем в широком культурном поле — от «Бэлы» Михаила Лермонтова до «Кавказской пленницы» Леонида Гайдая. Однако самым близким к Ибрагиму Шаову в эмоциональной и культурологической позиции находится, пожалуй, Фазиль Искандер с повестью «Умыкание, или Загадка эндурцев». Их роднит ироническая интенция, которая парадоксально сочетается с почти антропологическим интересом к исследованию современного состояния этого обычая.

Парадоксальность описанной в рассказе ситуации позволяет нам расставить акценты таким образом, чтобы не только умилиться красоте обычая (который, к слову, в прошлом воспринимался скорее как отхождение от нормы, а сегодня к тому же и заметно извратился) или привычно обыграть комедию положений, но и задать вопросы самому себе о нас сегодняшних: что мы наследуем от предшествующих поколений? в каком состоянии передадим это следующим? сумеем ли вообще что-то передать? Потому что «Адыгэ нысэ» — не руководство к действию и не летопись нашего времени, а художественный образ, точка сбора, от которой мы можем оттолкнуться в этой своей рефлексии.

«БЛУДНЫЙ СОН»

Рефлексивным является и следующий рассказ в подборке, в котором автор исследует метафизику творчества.

Принимая в качестве исходной точки уже набивший оскомину писательский совет: «Если не знаешь, о чем писать, то именно об этом и пиши», —

Ибрагим Шаов создает неторопливое повествование о сочинителе, который пытается вспомнить невероятный сон, случившийся накануне, чтобы на его основе написать рассказ. Словно в ответ на методички популярных нынче школ креативного письма, Шаов скрупулезно разматывает сюжетный клубок, являя нам чудо посетившего его замысла. Он намеренно обманывает читательские ожидания той рожденной в недрах его подсознания первой строкой, которая претендует на особую поэтичность. Но это авторское хулиганство легко прощается, поскольку все остальное здесь — тщательно задокументированный писательский квест.

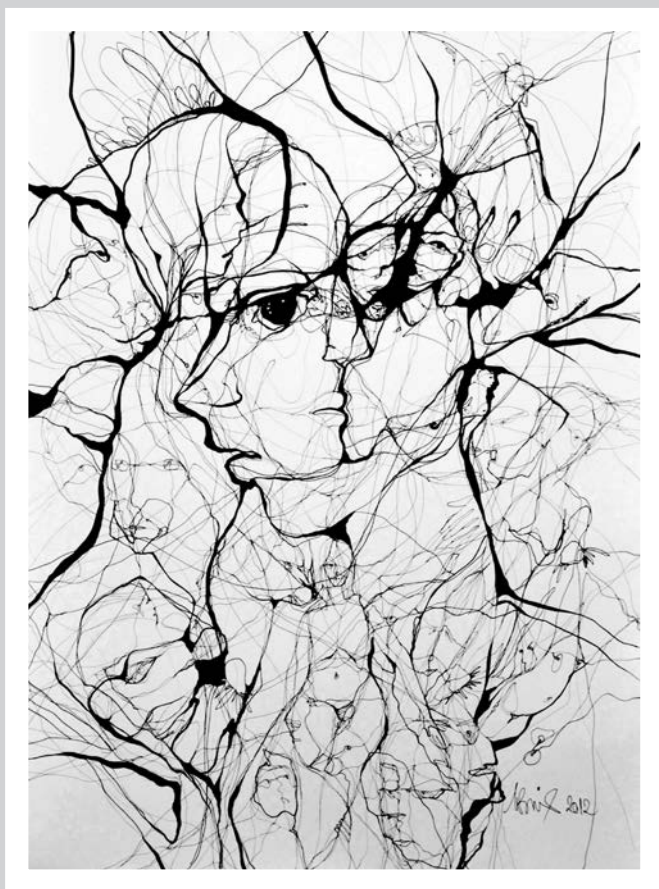
Циклическая структура рассказа с его закольцованной композицией и хождением по девяти кругам творческого ада погружает нас в ощущения сновидческих повторений одинаковых, или почти одинаковых, эпизодов. Три реальности этого «блудного сна» — обыденная, творческая и онейрическая — переплетаются в рассказе и становятся его главным художественным достоинством.

Марина Битокова

Виктория ДАЧЕВСКАЯ

«ОПЬЯНИЛА СОКОМ
РЕВЕНЯ ТРАВА...»

СТИХИ

В оформлении использован рисунок Сильвии Пелиссерио

* * *

Удар под дых, дыханье перекрыло.
Вокруг ни звука, тихо и темно.
Парное молоко в руках остыло.
У птицы скушено подбитое крыло.

Игрушечный заяц, забытый ребенком,
Не ропщет, не просит любви.
Зализан до боли коровой теленок.
Букв в имени звучных три.

Жара — избавление, зной — панацея.
Красиво на этой земле.
Но ноги устали, и нет спасенья.
Плоть — к плоти, зола — к золе.

К пристанищу праха — пепел.
И сокол быстрый — к плечу...
У погребального склепа
Расстаться с тобой хочу.

* * *

Это мой надлом и моя проблема.
Вены под давлением, пустоцветом семя.
Сталкивает с лестниц в темноте обида.
Пересчетом косточек, взводом карабина.

Разъедает солью длинные ресницы,
покрывает молью тонкие ключицы.

Вечер расчехляет черный укулеле.
И звенит по комнатам старого отеля

стук колес внутри меня — перегон вагонов,
буря, молния, гроза рвутся из загонов.
Снять с курка эмоции, подавить отчаянье
и на самый долгий срок дать обет молчания.

* * *

Я не могу простить.
Я не могу остаться.
Куст калины горит.
Сок разъедает пальцы.

Гладок и ровен лоб.
Чист горизонт и прозрачен.
Спину берет озноб.
Все ничего не значит.

Снова хвала и лесть —
Грязное покрывало.
Я не смогла учесть,
Что это было начало.

Ласточкин хрупок дом.
Мысли, как смерть, одиноки.
Ты в спальне устроил погром.
Не только дети жестоки.

* * *

Будто уже не я.
Я ведь нежней...
Будто рука моя
С горстью перстней.

Пропой мне в последний день пира
Средь чумных больших площадей.
Сарказма я жду, молодого Сатира.
Я танцев хочу. Будь смелей!

Остались имя за кадром,
Душа, что уже не та.
Плывут по морю эскадры.
Пылится костюм шута.

Разуться и вымыть ноги,
Укутаться простыней...
Всегда так бывает с дороги:
Ты в доме своем — чужой.

* * *

Душно с открытым окном.
Капают с форточки тени.
Там, за прозрачным стеклом,
Мирно пасутся олени.

Мшистые рога переплетаются.
Сердца олени смежаются.
Бегут по сочной траве.
Охотник идет — к беде...

На шее оленьей кровь,
Хлещет из раны любовь,
Сочится из раны печаль.
Охотник уходит пить чай...

* * *

Не оставляй балкон открытым,
Не зажигай огней.
На пляже пустом и размытом
Ветра порывы сильней.

Спят одинокие чайки.
Их пища — море и хлеб.
Намертво вкручены гайки.
Не разорвать душных скреп.

Песня еще поется.
Глаза еще голубы.
Тело еще смеется.
Чувства уже мертвы.

* * *

Распечатай этот аромат.
В нем укус пиявок,
Душный, мокрый яблоневый сад,
Крюк непрочный висельных удавок.

Укус выпит, не выключен свет,
Пудра рассыпана, огонь погашен.
Господи, сколько нам вместе лет...
Грим несмываемо бледен и страшен.

В детство ворота, в пропасть шаги.
Скрипом пугают створки.
Место запомни, закат сбереги.
Вторник сегодня. Вторник!

Пуговиц нет, оборван рукав,
Выцвела горловина.
Небо сурово, Создатель не прав —
Вот что я уяснила.

* * *

Покаянный канон в тишине,
Покаянный канон в темноте,
Чтоб услышать, как входит Христос —
Бледен, тонок, влюблен и бос.

В тонких жилках пульсирует кровь,
Напевает мотив про любовь.
За накрытый садится стол —
Бледен, тонок, влюблен и зол.

Скатерть белая, кровь в вине,
В хлебе плоть, а душа во мне.
Покаянной молитвы слог...
Все напрасно: уходит Бог!

* * *

Расстегни на мне рубаху,
Поцелуй порез.
Я застывшая от страха.
Сорван крест.

Кистью бледной, уставшими пальцами
Обрываю гранат.
Я склоняюсь над детскими святцами,
Вход ищу в заброшенный сад.

Разрываю землю сырую.
Окунаю лицо в водоем.
Отпускаю стрелу тугую.
Ты не знаешь, но это сон.

* * *

Горячее, горячее, горячей.
Жар мой жарче тысячи свечей.
Дух мой злее тысячи собак.
Плоть моя слабей тебя, слабак.

Остановка, перекличка, лес...
Путь неблизок, и нелегко крест.
Опьянила соком ревеня трава,
И по крови бродят горькие слова.

Для удара руку выше возведу.
И во тьме дорогу до конца пройду.
Помню песню мамину, помню колыбель.
Оттепелью раненой загрустит апрель.

Отпусти, порадуйся, помяни, пропой...
 Где-то до полуночи бродит мой покой.
 Но придет... Поплачется, проспится...
 И вино достанет намертво напиток...

* * *

И если выдернуть перо одно, другое,
 Взлететь не сможет грустный пилигрим.
 До одури, до боли сердце злое
 В груди, как нож, как холодность витрин.

Я не надеюсь, ты не веришь больше.
 Огнем сжигает этот яркий свет.
 Нам птицы не оставили ни крошки.
 Тесна кровать, и холоден рассвет.

Не вырваться из нежной морской пены.
 Шуршит по камням. И затягивает дно.
 Мы думали с тобою: перемены...
 А это одиночество пришло.

* * *

А вдруг я тоже тебе запала
 В душу или в карман?
 В следующей строчке обман.
 Не тронь острие кинжала.

Рассматривай калейдоскоп.
 В нем преломляются блики.
 Усталость раненых стоп
 Снимает сироп черники.

Рисуй на стенах нули.
 Мелом наметь пространство.
 Водю залей угли.
 Жди меня рано на станции.

* * *

Сакрально, ментально, любя,
Голову наклоня,
Веря кровожадному охотнику,
Что не убьет меня...

Кафеля разбитого острый край,
Тысячу раз склеенный.
Задачу сложную не задавай.
Будь простодушным намеренно.

Перестань просить невозможное.
Эта жизнь безумно проста.
Быть шутком, быть посланником Господа...
Выбирай! Все вокруг — суета!

* * *

Отдавать, не претендуя, — душа мала.
До любви библейской не доросла.
Говорить, не обвиняя, — высший труд.
Все излечит, все исправит божий суд.

По иконе течет мирра.
Темен белый день.
Ты любил, и я любила.
Унией благословен.

Благословенно слово,
Благословенен час.
Глухи раскаты грома.
И нет больше в мире нас.

Марклен ЦОРИЕВ

ЭТО НЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА...

РАССКАЗЫ

В оформлении использована картина Сальвадора Дали «Девушка у окна»

ПОД НОВЫЙ ГОД

Время стало каким-то расплывчато-неощутимым, как будто капли небытия начали просачиваться в бытие. Кап, кап, кап...

А поезд мчался...

Куда ехал Кир? Откуда ехал? Бог его знает.

Перед самым отбытием к товарному поезду присоединили еще один вагон — пустой, и Кир договорился, что займет его.

Сейчас путь лежал через пустыню. Ночью бывало холодно, но спасала буржуйка. Дров было навалом, еды тоже. На остановках он выбирался из вагона, бродил туда-сюда, разминая ноги, и наслаждался тишиной. «В пустыне будем стоять только пять минут: воду наберем из колодца. Смотри не потеряйся», — предупредил машинист при отбытии.

И вот пустыня. Вечереет... Остановка.

Кир спрыгнул на землю. Посмотрел в голову поезда, но ничего не увидел. Пошел заглянуть, что там за возвышенностью. Начали доноситься какие-то звуки. А ну-ка? Пробежался...

Ну и ну! Кто бы мог подумать! В сердце пустыни кино снимают. Люди в первобытных одеждах пляшут, совершают какое-то действие. Несколько молодых девушек стоят абсолютно нагие — во потеха! Шаман голосит что-то. Одну из девушек вывели в

центр круга — и раз! — голову с плеч! У Кира екнуло, он даже невольно припал к земле. Еще одну девушку... А кровящи-то! Кир остолбенел. А где камеры? А где режиссер? Э-э-э! Пульс изнутри задубасил по вискам — бум-бум-бум! Одна из девушек, стоявшая спиной к Киру и явно ожидавшая своей участи, обернулась и увидела его. Красивая. В глазах почти ничего не появилось, разве что немного печалинки, немного мольбы, немного надежды...

Кир оглянулся — поезд еще стоял. Поздравив себя с надвигающимся новым годом, который он, быть может, никогда больше не увидит, Кир достал взрывпакет, чиркнул и метнул в центр представления. Шутиха хлопнула — эффект был потрясающий, Киру даже стало стыдно за себя. Он крикнул и призывно замахал девушке рукой, та сорвалась с места и побежала. Сначала Кир было побежал ей навстречу, но, оценив скорость первобытного человека, развернулся и устремился к поезду, который уже безжалостно набирал ход. Через несколько секунд девушка догнала Кира. Сзади слышалось гиканье и свист бросаемых копий.

Сам-то он уже не раз на ходу впрыгивал в вагон, но она не сумеет. Еще несколько секунд — и машина обойдет человека. Кир подхватил девушку за талию и, закричав от натуги, вскинул ее в вагон — стал заваливаться вперед, захлебываясь в скорости. Ноги уже вертелись где-то сзади, не успевая за инерцией, и Кир, бешено размахивая руками, чуть ли не носом касался земли. Не дай бог упасть! Кир отчаянно выбросил ногу вперед, под тело, паховые связки захрустели — инерция погашена — на счастье и на беду! Еще миг — и на беду! Ноги уже не успевали переключаться с режима на режим — Кир схватился за скобы вагонной лестницы, ведущей на крышу. Руки чуть не вырвало...

Кир медленно вытягивал себя наверх и благодарил Бога за то, что мать подарила ему волчью хватку... С крыши вагона он перебрался внутрь.

Ноги дрожат, руки дрожат. Зябко как-то. Может, похолодало по-вечернему, поэтому?

Она на него смотрит, он на нее смотрит... Что бы такого сказать по-первобытному? Кир развел руками: вот мое жилище, милости просим. Она улыбнулась: мир вашему дому... От бега тело ее покраснелось и, находясь во власти неукротимой энергии, ис-

точало аромат. И в аромате этом было чуточку ветра, чуточку костра, чуточку цветов и чуточку песка. Кир коснулся ее — горячая, напряженная. Она задумчиво подергала рубашку на нем, потом задрала ее, непринужденно оцупала Кира и снова улыбнулась.

Он засмеялся — она тоже...

Где-то тут было одеяло... так, дровишек надо подкинуть... накинь, накинь одеяло.

Кир направился к буржуйке, она же опустилась на пол, кутаясь в одеяло и наблюдая за ним. Что-то сдвинулось в пространстве — Кир ощутил это и резко обернулся. Девушки не было. Никого... Он прошелся по вагону взад-вперед. Затем сел у печки и протянул руки к огню. Так и сидел. Пламя танцевало печальный танец, то рождая, то вновь поглощая гибкую фигуру девушки...

Время цепенело, только слышно было, как капли небытия просачиваются в бытие. Кап, кап, кап...

А поезд мчался...

ЭТО НЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА...

I

— Каждый раз у меня ощущение, что она живая.

— Шиза, брат, шиза, — аспирант потянулся и снисходительно глянул на Леона.

— Иди ты, чертов ученый.

— Хм, лучше настоящую бабу себе поищи, а не рисованную.

— Да при чем здесь это? — Леон отмахнулся.

— Ну, если верить незабвенному Зигмунду Фрейду...

— А!.. Старый пердун.

— Старый-то старый...

— Да ладно, не живая она, не живая!

— Ха-ха-ха! — аспирант захохотал. — Я уже собирался пригласить ее. Послушай, а откуда она у тебя?

— Да один знакомый художник подарил, — Леон кинул аспиранту яблоко.

— Небось, не продавалась, — аспирант смачно отхватил кусок.

— Да черт его...

— Ну ладно, может, оживет когда-нибудь, а пока пойду с реальными женщинами пообщаюсь.

— Это в лаборатории?! Видал я твоих женщин.

— У-тю-тю, принцесс ему подавай. По крайней мере, не такие плоские, как твоя, — одна сплошная плоскость. — Аспирант натянул плащ.

— Сам ты плоскость.

— Эх, брат, в женщине фасад не главное...

— Знаю, знаю. Передай своим бесфасадным привет, — Леон протянул аспиранту кепку.

— Ну, бывай, брат.

— Будь здоров, друже. — Леон затворил дверь.

На картине была изображена девушка. Изображена она была со спины. Ничего особенного — стоит, грациозно прислонившись к косяку двери, руки, наверное, сложены на груди, одета в плотно облегающее платье, волосы подобраны...

Леон рассматривал ее, склонив голову набок и прищурившись. «Жаль, лица не видно», — только подумал он.

II

Стоит как-то Леон на улице, позевывает. Настроение праздное. Мимо девушка прошла. «Жаль, лица не видно», — только подумал он.

— Э-э... девушка! — мозги у Леона заклинило.

Девушка, не оборачиваясь, шла дальше.

— «Прошла, и вслед ушла душа, и я застыл, едва дыша!» — пустил он ей вдогонку, освобождаясь из-под власти «тормозов».

Тут она, конечно, остановилась. Вид у него был, наверное, потешный — она улыбнулась:

— Даже так — «едва дыша»?

— Ну... просто я хотел сказать...

— «Умеющий говорить не делает оговорок», — прервала она на полуслове готового нести белиберду Леона.

— О-о!

— Угу... Всего хорошего.

Уходит! Уходит! Он еще приводил в порядок шатающиеся в голове извилины, когда она, уже сделав несколько шагов, снова появилась:

— Ну, вы идете со мной или нет?

Гармония в сознании Леона была нарушена еще на середине диалога, поэтому он только почесал затылок и сдвинулся наконец с места.

III

Иногда и коту масло. Леон таки напросился к ней в гости, а точнее, она разрешила ему напроситься к себе в гости. Знаете как бывает: мужчина думает, что он такой ловкий, а на самом деле ему просто дают возможность сыграть. Но могут не дать даже возможности.

Был момент: она подошла к двери, ведущей на балкон, и оперлась о косяк. Руки сложены на груди...

Леон забыл дышать. Сколько раз он, разглядывая дома картину, которую подарил ему скромный художник, дивился тому, как вторит искусственное естественному: если утро за окном, то и на картине утро, полдень — так полдень.

А сейчас вечер, и это не произведение искусства — это на самом деле. Все было на самом деле.

IV

— Слушай, я тебе говорю, точь-в-точь как на холсте, до мельчайшей детали.

— Иногда сознание шуточки выкидывает, — аспирант отхлебнул чая и слизнул мед с ложки.

— Шуточки?! Ничего себе! Ты сам подумай, к себе домой она меня пускает, а ко мне ни в какую. Вчера я ей говорю: «Вот мое обиталище. Раз уж дошли, давай зайдём». Как же! В другой раз!

— Может, она боится, что у тебя в доме крысы! — аспирант откинулся на спинку кресла. — Так и прыгают по кровати.

— Хохмач, ты думаешь, это все?

— Ты меня пугаешь.

— Поднимаюсь домой, а на картине никого, нет ее на картине... Что молчишь?

— Бра-а-ат, тебе развеяться надо.

— Иди к черту!

— Леон, я ясно вижу, что она по-прежнему на месте, — пропел аспирант.

— Это она потом появилась... А-а-а, безнадега, — Леон махнул рукой.

— Знаешь что. Ты в другой раз картину с собой прихвати. Только ей не показывай, до поры до времени. Потом раз, и...

В следующий момент аспирант уже пожалел о совете: Леон воспринял его всерьез.

— Да-а, — аспирант озадаченно почесал в затылке. — Ну ты и втюрился.

V

— Что это у тебя?

— Подарок, художник один подарил.

— Вот как. А посмотреть можно?

— Конечно, только на улице неохота развязывать. У тебя дома и посмотрим. Я сам еще толком не видел.

У подъезда она остановилась.

— Подожди здесь, сегодня мы не идем ко мне. Сейчас я переоденусь, и мы прогуляемся.

— Ты что, стесняться меня начала?

— Прямо. Сюрприз.

— Посиделовка какая-нибудь?

— Увидишь, — она поцеловала его, улыбнулась и вошла в подъезд.

Перед тем как окунуться в темноту проема, она глянула на Лео-на. В глазах ее пробежало что-то очень грустное. Но до Лео-на эта грусть дошла слишком поздно...

Он взбежал наверх.

В квартире все было по-прежнему, все было на своих местах. Только не хватало чего-то. Вернее — кого-то.

Леон опустил на пол и освободил картину от тесемок и бумаги...

Ничего особенного: стоит девушка, изящно прислонившись к косяку двери, руки сложены на груди, одета в плотно облегающее платье.

ДОБРАЯ ПРИМЕТА

«Семь тридцать. Самолет прибывает в семь пятьдесят. Спешить нет нужды — за десять минут спокойно дойду», — Мирон

поправил пиджак и отвел взгляд от часов. Ему было стыдно за себя: сердце, что называется, трепетало, а щеки горели. И все из-за чего? «Если опоздаешь — значит, упустил» — так она сказала. Последний раз они виделись три года назад, в том же аэропорту, куда сейчас прибывал самолет с Евой на борту. 07:31. Время плелось как побитый пес. Мирон не выдержал ожидания и вышел из квартиры.

Сбежав на первый этаж, он толкнул дверь подъезда. Та не поддавалась. Уже сколько раз Мирон говорил себе, что закажет ключ от чертовой двери. Дом был недавно построен, и в подъезде пока только обживали три квартиры. Время вздрогнуло и ускорило ход. «Чтоб тебя неладная взяла!» — Мирон уже стучался в квартиру старушки, поселившейся со своим сыном на первом этаже.

— Кто там?

— Это я, ваш сосед, бабуля. Пожалуйста, дайте мне ключ от двери подъезда, я...

— Что это за сосед, у которого ключа нет?

— Понимаете, я не успел еще заказать, а...

— Подожди немного. Это, наверное, сын подъезд снаружи закрыл. Я его за хлебом послала. Сейчас придет.

— Боюсь, что я не могу ждать... Сами не откроете? Если вас не затруднит, конечно.

Мирон знал, что вежливое обращение всегда приносит свои плоды. Но пожилая женщина за дверью не разделяла его мнения:

— Как же! Держи карман шире. Я тебя раскусила. «Бабуля!» Не до того я старая, чтоб на эти уловки попадаться.

— Какие уловки?! — до Мирона дошло, что он зря потерял время, которое уже перешло на галоп.

— Вот так ходите, честный народ обираете, гра...

— Карга! — Мирон удивился сам себе. А ноги несли его уже на четвертый этаж, к соседу, жившему прямо под квартирой Мирона.

За дверью явно что-то происходило — слышны были крик и ругань. Мирон позвонил. Дверь резко распахнулась. Мужчина выглядел угрожающе. Диалог начал он:

— Чё надо?

— Я ваш сосед...

— Знаю!

— Прошу прощения, откройте мне, пожалуйста, подъезд или дайте ключ — я сам открою и сейчас же принесу обратно. Простите меня еще раз, — выдал Мирон на одном дыхании.

Пауза...

Миرونу показалось, что он слышит, как скрипят мозги собеседника. А время, используя заминку, взлетело и перешло на планерную скорость. Мужчина то ли хохотнул, то ли хрюкнул, повернулся и крикнул в пространство квартиры:

— Эй, принеси ключи от подъезда!

— Шел бы ты! — ответствовало пространство женским голосом.

— Брат, придется тебе к кому другому обратиться, — хозяин начал закрывать дверь.

— Да не к кому! Бабка на первом не открыла. Слышишь, мужик, выручай, а? Очень надо.

— Очень в сортир надо бывает, — пролаял мужчина, и дверь затворилась.

Мирон бежал вверх к себе домой. «Придется по веревке спуститься», — успел он подумать и тут же вспомнил, что забыл ключи от квартиры, когда выходил и бодро хлопал дверью.

Время летело. Мирон чувствовал, что те слова, сказанные Евой, чистейшее издевательство. И так же точно он знал, что если опоздает, то больше не увидит ее никогда.

Мирон снова стучал в дверь сердитого соседа... нет, барабанил в ворота Рима.

— Открывай!

— Ты чего ломишься? — послышался знакомый голос. — Нет у меня никаких ключей! — В следующий момент и сам хозяин, хмурый и почему-то с фомкой в руках, появился в проеме.

— А веревка есть? Я по веревке могу спуститься.

— Чего? Какая веревка?.. Иди с крыши сигани, если сдохнуть хочешь! Еще не хватало меня в это втягивать! Фраера нашел?!

— Да никого я не нашел! — вырвалось у Мирона.

Он готов был на самом деле прыгнуть с крыши. «Так и сделаю: поднимусь на крышу, прыгну на балкон...» — сейчас Мирон осознал, что уже опоздал, но в нем уже давно заговорил дух противоречия. Три года работы в солидной фирме ответственным за связи с общественностью выдрессировали его. Но в этот момент все воспитание и вежливость улетучились. Вместе с ними исчезла и нервозность. Он мог бы попросить ломик, чтобы сбить навесной замок на люке, закрывающем выход на крышу... Сосед вполне мог не отказать ему в этом... Но инстинкт хищника уже заработал. Нет, не человеческая смелость, не геройское чувство,

не умение глядеть в глаза опасности, а самый натуральный первобытный человеческий инстинкт. Жертву нужно завалить, и все тут.

Мирон глянул на железяку и изобразил на лице разочарование:

— Ну ладно, извини, брат, — процедил он.

— Ну-ну. В сле...

Мирон ударил «жертву», не дослушав фразы, подхватил фомку, выпадавшую из волосатой руки, а самому мужчине предоставил возможность падать как тому заблагорассудится.

Поднимаясь по ступенькам, он слышал звуки беготни и женский визг, но, как ни странно, они не трогали его.

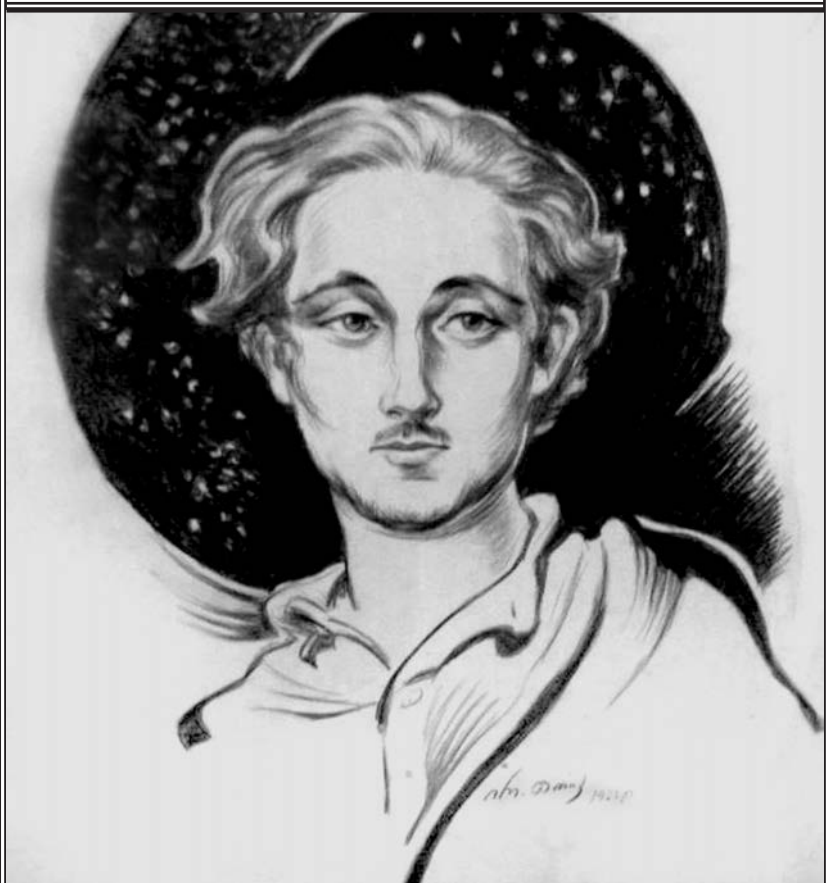
Замок поддался быстро. Мирон вылез на крышу. Потом свесился с карниза, зацепившись за него руками, раскачался и спрыгнул на балкон собственной квартиры. Часы на кухне показывали 7:40.

«Иногда за девять минут успевает произойти многое» — эта философская мысль пришла в голову, когда Мирон привязывал веревку к перилам балкона и вспоминал, что каждый раз во время свидания с Евой что-то обязательно происходило. Просто минуло три года, и Мирон это запомнил. Разумеется, Ева напомнила ему о хорошей примете.

Терентий ГРАНЕЛИ

**СЕСТРОЙ НАЗОВУ
ТИШИНУ**

СТИХИ. ПРЕДИСЛОВИЕ И ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО
ВЛАДИМИРА СВЕТЛОСАНОВА

Терентий Гранели. Художник Иракли Тоидзе. 1922 г.

Терентий Гранели. Его территория — лирика. Грани его таланта не переливаются в лучах яркого солнца. Стихия его — темнота. В стихах его тишина.

«Ара сицоцхле, ара сиквдили, арамет, рагац схва...» («Не жизнь, не смерть, нет, нечто совсем иное») — такие слова начертаны на скромном надгробии Терентия, вечного странника, человека без определенного места жительства, ангела, поэта, мученика и пророка, наперекор всем ветрам времени занявшего почетное место — рядом с Галактионом — в истории многовековой грузинской поэзии.

В 1918 году 20-летний Терентий Квирквелиа покидает родное село (Цаленджиха, Зугдидский район) и оказывается в гуще столичной жизни. Пытаясь хоть как-то прокормить семью (две его сестры — Машо и Зозия — после смерти отца остались без средств), будущий поэт устраивается сцепщиком вагонов на железнодорожном вокзале. Когда-то на том же вокзале служил тормозным кондуктором Нико Пиросмани. Однажды, в самом начале того же 18-го года, Терентий случайно встретит Пиросмани на Верийском мосту, и встреча эта определит всю его дальнейшую судьбу.

Чуть позже, работая газетным курьером, он напишет первые стихи, будет печатать их под псевдонимом «Гранели» (*granit* — зерно), познакомится с Галактионом Табидзе, другом по вечности, оценит величие его «Артистических цветов». Появление в печати стихов Гранели будут приветствовать Валериан Гаприндашвили, Константинэ Гамсахурдиа, Ладо Гудиашвили.

С 1921 по 1926 год выйдут в свет четыре книжечки: «Линии скорби» (1921), «Душа и могилы» (1922), «Memento mori» (1924) и «Стихотворения» (1926).

Отдельные его стихи будут появляться в печати вплоть до 1928 года.

И всё. Далее — тишина. И темнота. До самой своей смерти в 1934 году Терентий так и не увидит ни одной напечатанной своей строки. И это будет продолжаться долго — до 1972 года, когда благодаря усилиям литературоведа Лери Алимонаки в тбилисском издательстве «Сабчота Сакартвело» будет издан сборник стихов «Лирика», а затем — «Избранное» (1979).

И надо ли после этого удивляться тому факту, что такие русские поэты-переводчики, как Заболоцкий, Пастернак, Тарковский, Ахмадулина, Синельников, столь щедро одарившие читателей прошлого столетия великолепными переводами поэтов грузинской плеяды, прошли мимо автора «Memento mori» и «Я и Галактион»?

Осталось упомянуть, что одно из самых гармоничных творений Терентия («Весенний вечер») успел процитировать в своем «Покаянии» Тенгиз Абуладзе.

Средь многих дорог нам выбирать — какая из них ведет к Храму...

ОСЕННИЕ СНЫ

Грусть моя, словно снег, бела.
Стонет колокол в отдаленье.
Так внезапно осень пришла
И уходит, как сновиденье.

Я лежу на траве — вдали
Конь пасется, ручей струится,
На руках моих прах земли, —
Мне как будто все это снится.

Дева, вечная тишина,
Над могилой свежей рыдает,
И осенняя желтизна
Смерть безмолвную приближает.

Ворон кружится над рекой,
Вот и он улетел бесследно.
Лежа в небо гляжу с тоской
Я не первый и не последний.

Горечь сердце мое сожгла.
Одиночество, сожаленье.
Так внезапно осень пришла
И уходит, как сновиденье.

1922

БЛИЗОСТЬ ЗИМЫ

Вновь зима из мороза и снега
Голубую вселенную лепит.
Перед смертью я бледен, как небо,
Перед смертью я легок, как лебедь.

Я снежинкой блуждаю в тумане,
Выпадаю дождем и росой,
И, сгорая в огне покаянном,
Обречен на разлуку с мечтою.

Даль судьбы — ветер дует оттуда,
Бремя скорби влача молчаливо.
Легкой дымкой тбилисской окутан,
Я смешался с листвою сиротливой.

Словно листья, промозглою ночью
Землю телом своим согреваю,
Бледной тенью по городу молча,
Неприкаянный, долго блуждаю.

1922

В ТЕМНЫХ ТОНАХ

Вернулся в родные края,
Где целую вечность я не был.
Усталая память моя
Темнее осеннего неба.

Нашел в опустевшем саду
Засохшее древо желаний.
Душа, принимай темноту
И сумерки воспоминаний.

Сестрой назову тишину,
 А матерью — тьму вековую,
 На звездное небо взгляну,
 Не веря в реальность земную.

Врата мне скорее открой,
 Даруй мне, Господь, испытанье!
 Ты видишь — одна пред Тобой
 Склонилась душа в ожиданье.

1923

ТИШИНА И ТЕМНОТА

Ночные мысли сродни огню,
 Блуждает дух в облаках.
 Огнем бессонницы плоть казню,
 И ужас в моих глазах.
 Бескровно тело, душа пуста,
 И только сердце болит.
 Я там, где царствует темнота,
 Там, где тишина царит.

Один — пустыня со всех сторон.
 Ты слышишь меня, Господь?
 И я здесь временно заключен
 В земную тесную плоть.

1924

* * *

Я не знаю, почему враждует
 Жизнь со мной и в чем я виноват?
 Снова этот вечер так волнует,
 Снова в городе туманы спят.

Новый день, и небо шлет мне знаки,
 Снова я иду — молчит земля —
 От могилы с надписью «Акакий»
 К памятнику с надписью «Илья».

Я И ГАЛАКТИОН

Еще вчера в огне тифозном,
Сестра, я бредил и горел.
В Галактионе демон грозный,
Я ангел — небо мой удел.

Сейчас в саду под старым кленом
Его письмо читаю вслух.
Сама земля с Галактионом,
Я чистый бестелесный дух.

Вечерний сумрак. Ветер гонит
На улицу от дома прочь.
Лазурь в стихах Галактиона,
Стихи мои темны, как ночь.

Еще вчера в огне тифозном,
Сестра, я бредил и горел.
В Галактионе демон грозный,
Я ангел — небо мой удел.

1924

MEMENTO MORI

Заблудился я в жизни, не принял ее,
Потерялся в житейском море.
На земле будет жить только имя мое,
Остальное — *Memento mori*.

День мой — третье июня, обитель моя —
Скорбный дом, на окне решетка...
И смотрю я на небо из небытия,
Из окна, как ягненок, кротко.

Дождь по крыше стучит, лег на горы туман,
Ночь мерцает тусклой улыбкой,
Зреют звезды, стоит непроглядная тьма
На пороге вечности зыбкой.

Что мне делать? Душа моя — высохший лес.
Лягу навзничь, глаза закрою...

Я безумный талант, я посланник небес,
Ангел, вскормленный синевою.

Заблудился я в жизни, запутался в ней, —
Снова в памяти воскрешаю
Грустный вид захолустной деревни моей, —
Час мой близок, это я знаю.

Жизнь уходит — дороги не видно, темно.
Где ж ты, нежная? Скорбь во взоре.
От Гранели останется имя одно,
Остальное — *Memento mori*.

1926

* * *

Пусть розы на земле лежат ничком,
А что мечтой звалось, давно увяло,
И стало скорбным неживым цветком
Все, что меня когда-то волновало.

Сейчас иду и вижу — вдалеке
Белеют лодки, и под ветром гнется
Сухое деревце. В слепой тоске
Иду среди могил, и светит солнце.

Как некогда кружилась голова
От строк Бодлера! Время непреклонно.
Бездомному вослед летит листва,
В саду пустынном каркает ворона.

* * *

К тебе мольба без слов
Летит в небесной выси.
Одиннадцать крестов
И восемь кипарисов.

Акация цветет,
И сердце боль пронзает.
Вот деревце растет —
Зачем? — никто не знает.

Люблю печаль — она
Утешит, не обидит.
Объяла тишина
Безгрешную обитель.

К тебе мольба без слов
Летит в небесной выси.
Одиннадцать крестов
И восемь кипарисов.

* * *

Окружен одиночеством —
Пусто, холодно, ветрено.
Здесь, на кладбище, кончится
Время каждого смертного.

Здесь движение времени
Лишено ускорения.
Здесь покой и терпение,
Лишь покой и терпение.

* * *

С небом диалог
Облака ведут.
Вечно одинок,
Погибаю тут.

Тут, среди чужих
Улиц, мне блуждать;
Как бездомный жить,
Безымянным стать.

Ветер душу взял,
И кричит кинто...
Кто Гранели знал?
Неужель никто?!

Ахсар КОДЗАТИ

БАШНЯ КОЛА

ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО АРКАДИЯ ЗОЛОНОВА

В оформлении использовано фото из открытых источников

Июль 1976 года. Впятером бродим мы тропами по склонам Чесельтского ущелья: ищем башню Кола (осет. Хъола. — *Ред.*). Здесь 146 лет назад в такой же душный день произошли чрезвычайные события — русский царь протянул свои окровавленные когти к Кавказским горам, пытаясь поставить под ярмо непокорных ему горцев.

События тех дней обстоятельно исследовал профессор Марк Блиев. Он пишет, что башню Кола обороняли тридцать человек. Ее окружил двухтысячный отряд генерала Ренненкампа. Ружейный огонь и артиллерийские обстрелы ничего не давали: пули и ядра отскакивали от стен, как горох. Атака следовала за атакой — башню, непрерывно сменяя друг друга, пытались штурмовать пять сотен солдат одновременно. Все было тщетно. Многие из атаковавших пали от метких выстрелов защитников башни. Тогда решили ее взорвать. Под основание заложили взрывчатку и подорвали. Опять неудача — слишком глубоко ушли ее корни в землю. В конце концов решили поджечь хатан, жилую комнату на вершине башни.

История свидетельствует:

«Генерал-майор Ренненкампф, обложив крепость в ночное время кострами сухих дров, приказал зажечь оные со всех сторон, надеясь сею мерою заставить осажденных просить пощады, но горцы оказали примерное ожесточение: из числа защищавшихся только 10 человек, бросаясь с неизменною яростью на солдат наших, хотели открыть себе путь оружием, но были подняты на штыки, и только один из них взят в плен; все же оставшиеся в крепости, пренебрегая жизнью, сгорели посреди стен» [1].

И еще:

«Осажденные пели во всю глотку веселую песню, неустанно бросали камни, издевались над нашими усилиями и, видимо, предпочитали смерть всякой пощаде» [2].

Продолжаем искать башню. Кто-то из моих провожатых ворчит:

— Иголка она, что ли? И куда только подевалась?

После долгих расспросов и поисков находим основание башни. Оно почти сровнялось с землей. Толщина стен — метра полтора.

— Куда подевалась ваша башня?! Что за супостаты ее уничтожили?! — вопит Георгий Бестауты.

— Дома понастроили из ее камней, — отвечает Давид Кочиев. — Помнится, года два тому назад здесь вплотную к башне нужно было ставить телеграфный столб. Выкопали больше метра, а до основания ее так и не добрались. Все камни были черны от копоти...

*О, Кола!
Фарн да постучится к вам вместо меня, —
Что за беда приключилась,
В какую расщелину провалилась, канула башня ваша?
Кто разобрал ее на камни-осколки?
Не лавины, не ветры ли горные?
Кем был насильник?
Ни ветер, ни ворог, ни лавины не были тому виной...
Растащили ее по камням да по осколкам —
Свои же.
Да на заборы, да на сараи!*

*Живите в мире в жилищах ваших,
С фарном живите!
Что за беда настигла здесь отцов ваших?*

*Да не привидится вам такое даже во сне —
Камни силы на них накатывались,
Кровавые ливни обрушивались с небес!
Для всех Осетий
Аката и Бегата стали надеждой,
И воин, отдавая Богу душу, произносил:
«Создатель наш, обрати меня в камень —
Башне в подмогу!»*

И обращался он в камень!

*И тогда, если основания домов,
Где вы спите без всяких забот,
Вдруг заговорят;
Или когда они начнут рассказывать детям
Свои байки о том,
Как Осетия стала для них важнее
Собственных жизней;
Или как прошел по ним смерч
И небеса обрушились огненной смертью...*

*...Но песня гремела,
Осетинская песня — опаленная предвестница боя, —
Возносясь к облакам:
«Да не родятся больше такие, как Бега!
А родятся — пускай живут вечно!»*

*Но подобралась к песне когти огня,
Вцепились ей в горло.
Замерла башня,
Просочилась в расщелины кровь,
Запекшаяся и застывшая,
Как известковый раствор,
А из открытого горла
Потянулись к небу
Дым вместе со смрадом
И неистовый рев
Вместе с плачем и славой...*

*О, Кола!
А вот если бы основания ваших жилищ
В полночь заговорили
По-человечьи,
То вы перестали бы видеть
Ваши сладкие сны,
А младенцы ваши
Безутешно заплакали б...*

Да хранит вас от этого Бог!

*Так и я пожелаю вам:
Да не родятся больше такие, как Бега!
А родятся — превращаются в камни,
В победителей вечности!*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею. Тифлис, 1866. Т. VII. С. 359–365.
2. Чудинов В. Окончательное покорение Осетии. Кавказский сборник. Т. XIII. Тифлис, 1889. С. 11.

ГУБИАН

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

РАССКАЗ

В оформлении использована картина Аркадиуша Шиманека

Вы когда-нибудь вдыхали аромат яблоневого сада? Горьковато-сладкий, обволакивающий с ног до головы, проникающий во все клеточки, он может вознести человека на вершину счастья...

Увы, у меня этот аромат вызывает только ноющую боль в груди.

Учеба в столичном вузе подходила к концу; чтобы поставить финальную точку, необходимо было сделать дипломный проект. С темой я определилась благодаря своей лучшей подруге и сокурснице Афсане. Афсана была осетинка, и пироги, которыми она щедро угощала весь курс, оказались не только потрясающе вкусными, но и натолкнули меня на мысль провести небольшое исследование с целью изучения их сакрального смысла. Всякие этнокультурные вылазки поощрялись у нас на кафедре, и, недолго думая, я решила съездить на родину Афсаны, чтобы собрать материал, что называется, из первоисточника. Тем более Афсана не раз и не два звала меня погостить.

Путешествие мое началось необычно. Микроскопическая республика, которую я вздумала посетить, была обломком некогда огромной мощной страны. Ныне эта республика имеет аббревиатуру, которая в произношении местных жителей звучит как «ЮАР». Уверяю, никакого отношения к африканскому континенту это не имеет, разве что в горячности жителей и той и другой земли можно найти нечто общее.

Уже смеркалось. Тем, кто не бывал в этих широтах, могу сказать, что интервал между вечером и ночью

настолько мал, что сложно уловить момент перехода, когда иссиня-серые сумерки превращаются в крошечную тьму.

Вокзалы никогда не любила, царящая там суэта напрягала. На душе было беспокойно. Добраться до места назначения я могла только на такси: общественный транспорт уже не ходил. Но найти согласного таксиста оказалось проблематичным — все шарахались от меня, как только слышали адрес: нет, нет, туда, мол, только днем.

Я уже было отчаялась, но тут один таксист сжалился и сказал, что по этой дороге в столь позднее время может поехать только Профессор. Что за Профессор, спрашиваете? А вон в том кафе сидит.

Заглянув в кафе, я увидела человека, который был одет в потрепанный костюм-тройку с галстуком. Рядом сидела женщина преклонного возраста в такой же винтажной одежде, с театральным биноклем в руках. Время от времени она рассматривала через этот бинокль посетителей. Парочка мне показалась странной, но на звание профессора из присутствующих больше никто не тянул.

Подойдя к столику, я тихо спросила, не он ли Профессор. Мужчина кивнул, и, осмелев, я тут же изложила суть своей просьбы. Профессор согласился отвезти меня, но предупредил, что с нами поедет его мать — и показал глазами на пожилую женщину с биноклем. Оставлять ее, видимо, было не с кем, вот Профессор и брал ее с собой на работу.

Возражать я и не думала.

Загрузив мой чемодан в багажник старенькой «Волги», Профессор ласково подозвал мать и стал уговаривать ее сесть в автомобиль. Она какое-то время отказывалась, пока ей не сказали, что Алоиз уже внутри и ждет ее. Тогда она кокетливо посмотрела в салон через бинокль и с кряхтеньем забралась на заднее сиденье. Поймав мой взгляд, Профессор пояснил, что Алоиз Альцгеймер давно дружит с матерью и потому он, Профессор, не может оставлять ее одну, а близких родственников нет: померли.

...Ехали молча. Профессор угрюмо смотрел на дорогу, я — на проносящиеся вереницей дома, деревья, палисадники. В какой-то момент мать Профессора спросила вдруг тонким жалобным голоском:

— А мы скоро увидим Салли?..

Последние слова прозвучали едва слышно: бедная женщина уснула, не договорив.

Последовавшее за этим тягостное молчание поспешил разбить Профессор. Для начала он представился Георгием и пояс-

нил, что до войны преподавал в местном университете, из-за чего и получил свое прозвище. Видимо, на лице у меня было написано некое облегчение — что не осталось незамеченным для Профессора. Он шутиливо поинтересовался:

— А вы думали, лица кавказской национальности только помидоры могут продавать?

Мне даже совестно стало, ведь, хотим мы того или нет, мы находимся под властью стереотипов. Легче принять нечто готовое, чем напрягать собственные извилины.

Диалог у нас не сказать чтобы клеился: говорить моему собеседнику хотелось неизмеримо больше, нежели мне, поэтому получался скорее монолог. Профессор излагал свою точку зрения на современную жизнь витиевато и излишне литературно, филолог в нем еще жил и здравствовал, слушать было интересно. Свой уход из преподавания он объяснил тем, что литература сегодня не востребована.

— Кому она нужна, изящная словесность? — разглагольствовал он. — Поменялись люди, ценности, даже лексика!.. Меркантилизм завладел человечеством. Все стоит денег: хорошее отношение, дружба, работа, сама жизнь... Никто не стремится постичь глубинных знаний. В вечной борьбе низменного и возвышенного низменное одержало верх. Инстинкты вместо разума. Старина Фрейд ликовал бы нынче. Даже любовь — самое красивое чувство, на которое способен человек — стала одноразовой, как пластиковый стаканчик...

Незаметно сумерки сгустились, и на землю огромным одеялом опустилась ночь. Дорога освещалась только фарами автомобиля, мы видели всего несколько десятков метров перед собой. И навстречу никто не ехал. В душу закралась тревога. Через открытое окно в салон врвался дурманящий, горьковато-сладкий аромат — им хотелось дышать и дышать, что я и делала. Потом спросила:

— Чем это пахнет?

— Тут справа яблоневые сады, — ответил он.

Не успев ничего осмыслить, я вдруг услышала нечто.

Звук, длинный и тоскливый, напоминал не то волчий вой, не то стон раненого человека, но не физически раненного, а душевно. Не могу точнее описать; мне просто подумалось, что такое могло раздаваться где-нибудь в преисподней: стон леденил душу, вынуждал вспомнить то, чего вспоминать не хотелось.

Увидев мое искаженное страхом лицо, Профессор произнес со вздохом:

— Вот поэтому никто и не хотел везти вас в такой поздний час. Мирно посапывающая мама Профессора вдруг проснулась. Сложно сказать, что ее разбудило — яблочный ли аромат, стон в ночи или голос сына. Она спросила тоненько:

— Жорик, мы у Салли? Мы приехали?

Стон между тем все отдалялся и вскоре сменился эхом, которое быстро замерло. Внутри у меня будто что-то оборвалось.

Яблоневые сады закончились, впереди замаячили городские огни. По-видимому, мы приближались к месту назначения. Молчание в салоне нарушала только пожилая женщина — она все кричала, все повторяла:

— Салли, Салли, девочка моя...

В начале нашего путешествия я успела объяснить Профессору цель своей поездки и назвала имя подруги, а потому адрес ему не понадобился: в маленьком городе все друг друга знали.

Остановились у двухэтажного особняка. Когда я принялась рыться в сумочке в поисках кошелька, Профессор остановил меня жестом:

— Не надо, — сказал он. — Будем считать, что это мой вклад в вашу дипломную работу.

— Благодарю, — отозвалась я и, помолчав немного, попросила объяснить, что это был за стон у яблоневых садов.

Он хмыкнул и пообещал рассказать все на обратном пути.

Судя по светлым окнам и суматохе, случившейся за воротами, хозяева дома меня ждали. Как только я выбралась из машины, из ворот выскочила Афсана, заключила меня в объятия и защебетала, заваливая все новыми и новыми вопросами: как доехала? все ли в порядке? не устала? голодна? а как вообще тебе наш край?..

Тут же рядом возникли два ее младших брата. В отличие от сестры они были более сдержанны — подхватили мой багаж и понесли во двор, не забыв при этом тепло поздороваться с Профессором и настоятельно приглашая его следовать за ними. Профессор поблагодарил, но отказался, объяснив тем, что мама устала.

Затем вышла мама Афсаны, тетя Фари. С ней я уже была знакома: каждую сессию она приезжала к нам, и именно тогда я попробовала осетинские пироги. В руке у нее был пакет, видимо с гостинцами, который она положила на переднее сиденье машины Профессора.

Я не переставала изумляться отношению осетин друг к другу. Была в этом умирительная теплота и простота — что явно спорило со столичными порядками.

Профессора так и не удалось уговорить остаться. Когда его «Волга» отъехала, все зашли в дом. Обстановка там была простая, но уютная. Посередине комнаты стоял трехногий стол, уже накрытый по определенным канонам: три пирога, мясо и прочее, приличествующее моменту.

Афсана предложила помыть с дороги руки и садиться. Когда я вернулась из ванной комнаты, она шепотом сообщила, что уже можно фиксировать все, связанное с тремя пирогами. В предвкушении чего-то необычного я приготовила диктофон и фотоаппарат. К столу присутствующие подходили не спеша, каждый знал свое место, поэтому никаких заминок не случилось. Все шло по раз и навсегда заведенному порядку. Тема выходила довольно сложной, я уже засомневалась в том, что справлюсь, но отступить было поздно...

В конце концов все молитвы были произнесены, ритуалы соблюдены, и можно было вставать из-за стола. Женская половина собрания ушла в комнату Афсаны, мужчины же высыпали во двор и стали бурно обсуждать какие-то спортивные достижения своего земляка. Помимо меня, Афсаны и тети Фари в комнате находились еще три соседки, которые вели себя так, будто я им давно знакома. Общались на разные темы, но я не могла сосредоточиться ни на чем: все мысли были заняты тем стоном в яблоневом саду. Как только я спросила про него, наступила гробовая тишина. Одна из соседок изложила версию, что это неупокоенная душа, которая при жизни много грешила, а теперь витает над развалинами, оставшимися после войны. Версия тети Фари немного отличалась: по ее мнению, это стонет человек, которому вырвали сердце, и теперь он ищет его. Я понимала, что все это не более чем современное мифотворчество и должно быть какое-то разумное объяснение.

...С Афсаной мы проболтали всю ночь и опомнились, только когда тетя Фари позвала нас к завтраку. Наскоро подкрепившись, мы пошли гулять — Афсана хотела познакомить меня с городом. За пару часов мы обошли его вдоль и поперек. Город оказался небольшим, тихим, малолюдным и странно знакомым. Если б не следы недавней войны, встречавшиеся почти на каждом шагу, можно было бы подумать, что очутились мы в советской эпохе. Везде стояли частные двухэтажные дома, перед каждым — аккуратный палисадник.

Ближе к полудню Афсане стали названивать братья: они решили свозить меня за город на пикник. Пришлось возвращаться домой. У ворот нас уже ждала машина; мы расселись и поехали.

Нашли небольшую поляну в нескольких километрах от города и расположились на пикник. Город был как на ладони. Дома утопали в садах, радующих яблочным, вишневым, грушевым цветом. Воздух пьянил... Идиллическую картину портили только следы отгремевшей войны.

Я и не заметила, как наступили сумерки. Время мы провели замечательно. Братья Афсаны оказались веселыми ребятами, с прекрасным чувством юмора, и поэтому от первоначальной неловкости не осталось и следа.

Домой возвращались уже близкими друзьями. Как все мамы, тетя Фари слегка пожурила нас за поздний приезд. Дети не восприняли ее слова всерьез, улыбались, шутили, а мне вдруг стало тоскливо, ведь завтра придется прощаться с этими милыми добродушными людьми. Даже если бы меня очень попросили задержаться, ничего бы не вышло: билеты на самолет были невозвратные.

...Следующим вечером к моему чемодану добавилась гигантская сумка с гостинцами, собранная тетей Фари еще утром. Я поняла, что возражать не имеет смысла. Тепло попрощавшись, я загрузилась в «Волгу» Профессора, который заранее подъехал к воротам и ждал меня, не глуша мотора. Как и в прошлый раз, на заднем сиденье посапывала его мама, только теперь она была без бинокля.

Когда мы выехали из города, Профессор без напоминания продолжил свой грустный рассказ. Видно было, что ему тоже было необходимо с кем-то поделиться.

— Салли, — говорил он, — это моя единственная любовь. Мы были одноклассниками. Красивая добрая девочка... Но, увы, она выбрала не меня — влюбилась в моего друга Нико. Чувства у них оказались взаимными, и я не стал лезть в это — просто спокойно отошел. Хотя нет, вру, совсем не спокойно. Мне было больно и обидно. Но несмотря на это, я все же согласился быть свидетелем на их свадьбе. О моих терзаниях знала только мама. Было очень больно, но я слишком любил Салли и не стал омрачать ее счастья. Она о моих чувствах так и не узнала... Потом у них родился сын, и его в мою честь назвали Георгием. Салли и Нико были представителями двух братских народов. Когда они поженились, и в страшном сне никому не могло присниться, что на почве межнациональных отношений два братских народа могут превратиться в заклятых врагов. Вчерашние друзья в одночасье стали недругами. Смешанные семьи рушились, как карточные домики на сквозняке. Зачастую жизнь и судьба зависели от того,

принадлежишь ты к «правильной» относительно данной территории национальности или нет.

Населенный пункт, где жили Салли и Нико, раньше утопал в яблоневох садах, а во время войны оказался чуть ли не центром националистического движения. И это безумное, бесчеловечное движение под названием фашизм, по-другому и не скажешь, превратившись в огромную машину, прокатилось катком по человеческим судьбам. Раздавило многих как в прямом, так и переносном смысле.

Сегодня там лишь яблоневые сады да руины некогда благополучных домохозяйств.

Георгий, хоть и не был моим сыном, тоже оказался однолюбом. Так же, как и я в свое время, влюбился в свою соседку — одноклассницу Аниту. Они росли вместе, учились вместе, мечтали вместе. Ни у кого не возникало сомнений в том, что они созданы друг для друга. Пока они были маленькие, над ними подтрунивали, если вдруг кого-то из них видели одного. «Где твоя половинка?» — спрашивали. Вторая половинка, как правило, сидела на скамейке под большой яблоней.

К моменту страшных событий им было по семнадцать лет. Они собирались вместе поступать в столичный медицинский вуз. Так называемый штаб фашиствующих группировок находился недалеко от дома Аниты. Эти нелюди приметили красивое юное создание, нагрянули ночью в их дом, отца расстреляли, а Аниту забрали с собой. У меня не хватит сил описать то, что с ней сотворили. Утром в яблоневом саду сельчане нашли Аниту повешенной. В этом саду Анита и Георгий часами просиживали после уроков, обсуждая свои планы на будущее.

Сельчане собрались, выкрикивая угрозы в адрес душегубов. С лопатами и палками кинулись вершить суд. Но фашисты, brave перед беззащитным созданием, оказались теми еще трусами и до рассвета успели покинуть свой так называемый штаб. Они бежали в сторону столицы, туда, где было их осиное гнездо.

Мать Аниты обнаружили в доме уже мертвой: не выдержало сердце.

В суматохе никто не обратил внимания, что исчез Георгий, но когда вспомнили, было уже поздно. Его обнаружили повешенным на яблоне, под которой была их скамейка. Безжизненное тело раскачивалось, как маятник, будто отсчитывая свое пребывание в брeнном мире. Там, под яблоней, зародилось огромное красивое чувство. Там две чистые души мечтали о будущем. И там же закончилось будущее, так и не начавшись.

Самый устойчивый архетип — этнический. Вот его и эксплуатируют кукловоды, причем нещадно. Скажите, какое теперь имеют значение для двух молодых людей, висящих на яблоневых деревьях, идеи превосходства одних над другими? Они хотели жить и любить. Они больше никогда не увидят ни восхода, ни заката, не почувствуют аромата цветущих яблонь. Любовь не имеет никакого ценза, ни имущественного, ни этнического, никакого...

По щекам Профессора текли слезы.

Знакомый аромат давно наполнил салон машины... вместе с леденящим душу стоном.

По тому, как все явственней делался этот стон, я поняла, что мы приближаемся к его источнику.

Мама Профессора проснулась и спросила:

— Сынок, мы приехали?

— Да, мама, — был ответ.

Машина остановилась. Когда я вслед за Профессором вышла, то заметила исходящий откуда-то слева мерцающий свет. Профессор сейчас же двинулся в ту сторону, и я поняла, что он тут уже бывал.

Под деревом, рядом с развалинами дома, стояла хижинка — переплетение сухих веток, выцветшие полосы материи, используемые для крепежа вместо веревок. Именно такую хижинку, по словам Профессора, построили себе когда-то Георгий и Анита, играя в домики под яблоней.

Под навесом хижинки на сооружении, отдаленно напоминающем трон, восседало существо, некогда бывшее женщиной.

Существо... или все-таки женщина... да, конечно, женщина... была одета в лохмотья; длинные неухоженные волосы трепал ветер. Перед ней на земле в грязном блюде горела свеча, на коленях она держала портрет в рамке. Время от времени женщина сильно прижимала портрет к себе и, раскрыв черный рот, издавала тот самый стон. Видимо, смешиваясь с дуновением ветра, стон приобретал зловещее звучание.

Мама Профессора незаметно выскользнула из машины, порывисто приблизилась к женщине и обняла ее. Та продолжала сидеть, неподвижная, как статуя.

— Здравствуй, моя красавица! — пролепетала мама Профессора. — Здравствуй, Салли! Совсем скоро мы зашлем сватов — еще немного, и будешь с Георгием...

По отрешенному лицу Салли пробежала тень какой-то эмоции — то ли радости, то ли удивления... а может, даже отчаяния.

— Георгий, сыночек, я здесь, — промолвила она еле слышно и крепко прижала портрет к груди.

Глядя на нее, Профессор продолжил свой рассказ:

— В наш прагматичный век самое красивое чувство разложили на атомы и молекулы, но счастливей не стали... И какая, к черту, разница для Салли, к какому народу принадлежал ее единственный сын?! Так и хочется повторить цитату из фильма: «Люди, вы звери!» Это на картинах и в кино страх и отчаяние, ужас и смерть облагорожены, а в жизни все совсем иначе. В жизни страх и отчаяние отвратительны. Любое красивое лицо превращается в мерзкую маску. И смерть не бывает красивой. Смерть смердит...

С этими словами Профессор подошел к Салли и заботливо накиннул на ее плечи плед. Она не шелохнулась.

Потом мы втроем вернулись к машине. Усадив пожилую женщину на ее место, Профессор жестом показал мне, что пора ехать. Погрузились, тронулись. Какое-то время молча смотрели на дорогу.

Выдавливая из себя каждое слово, я вдруг спросила:

— А нельзя как-то... помочь Салли?

Профессор недовольно покосился и ответил:

— Трижды увозил ее оттуда, она сбегала и возвращалась.

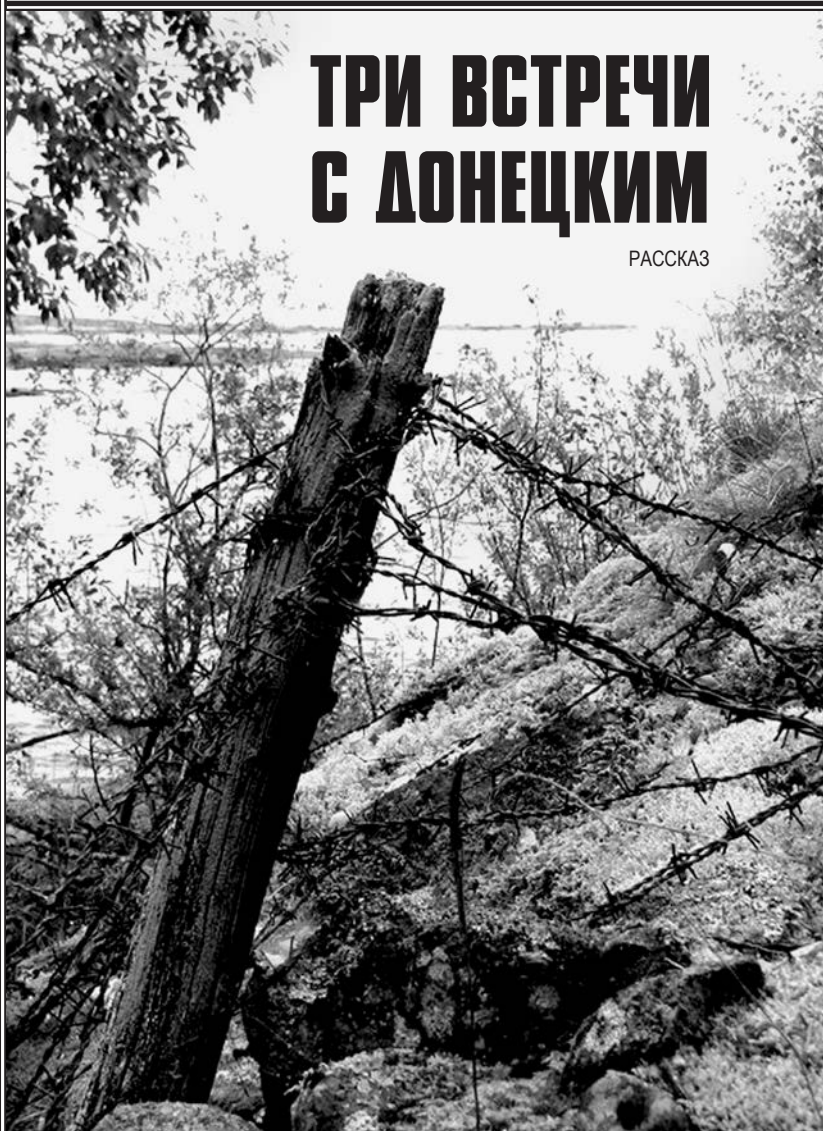
Снова раздался стон, но теперь он напоминал мольбу.

Свет фар разрезал темноту. Яблоневоый аромат приправлял своей горечью свежий весенний вечер. Стон длился и длился, никак не кончаясь. У меня возникло стойкое ощущение, что я побывала в некоем параллельном мире.

Александр РЫБИН
(1983–2024)

ТРИ ВСТРЕЧИ С ДОНЕЦКИМ

РАССКАЗ

В оформлении использовано фото с острова Оборонный, взятое из открытых источников

Справка. Поселок Донецкий расположен в настоящее время на территории Луганской Народной Республики (ЛНР). Основан в начале XX века шахтерами, добывавшими в окрестностях уголь. В 1963 году стал поселком городского типа, были построены пятиэтажные дома, школа, фельдшерско-акушерский пункт. С февраля 2015 года до весны 2022-го вдоль северной окраины Донецкого проходила линия фронта, сам населенный пункт контролировался батальоном «Призрак» народной милиции ЛНР.

ОСТРОВ ОБОРОННЫЙ, ВАЛААМ — весна 2021 года

С Диньчей мы поехали туда на второй день моего пребывания на Валааме. Идея принадлежала Диньче. Мы попили чай в ее комнате. Затем собрали в рюкзак газовую горелку, книжки (одну ее, про образы юродивых на русских иконах, и одну мою), кофе, сахар, котелок и пачку печенек.

Солнечный день. Ни намек на облака. По каменному мосту над зданиями водоочистных сооружений, мимо двухэтажной пожарной части вышли на Главную монастырскую дорогу. Дорогу регулярно ровнял трактор, поэтому ни луж, ни выбоин, где они могли бы скапливаться — одно удовольствие идти прогулочным шагом. Минут через десять нас догнал УАЗ «буханка». «Ваня, наверное...» — сказала Диньча и махнула водителю, чтобы остановился. Машина затормозила, водитель — да, знакомый Диньче Ваня — без лишних слов кивнул: забирайтесь, мол, в кабину.

Первое, что привлекло мое внимание внутри, — наклейка с символикой батальона «Призрак», ополченческого формирования Луганской Народной Республики. Вампирская улыбка на

черном щите. «Ты из Алчевска?» — спросил я Ваню. Алчевск являлся основным местом базирования «призраков» в 2015 году, когда я помогал батальону в информационной деятельности. Летом 2014-го я воевал в составе ополчения в Луганске, народно-освободительный батальон «Заря», минометный взвод. Летом 2015-го активных боевых действий не велось, война превратилась в неподвижную линию фронта с ежедневными обстрелами, народное восстание тонуло в болоте позиционной гражданской войны. Я делал сюжеты и писал статьи о ситуации в зоне ответственности «Призрака» — в том числе на иностранных языках, чтобы объяснить за пределами русскоязычного мира, что творится на Донбассе.

«Из Кировска», — ответил Ваня. В Кировске дислоцировалось «призраковское» подразделение, которым командовал местный — Сергей Ночёвка, позывной Семьдесят седьмой. За глаза его позывной сокращали. «С Сим-симом знаком?» — спросил я Ваню. «С Сим-симом? С Семьдесят седьмым, что ли? Мой командир».

Ваня присоединился к «Призраку» осенью 14-го. Выяснилось, что я приезжал в поселок Донецкий, линия фронта, километра четыре севернее Кировска, когда возле него Ваня с тремя другими бойцами Сим-сима подорвался на mine. Ровно в тот же день. Я отлично помню ситуацию. В Донецком с двумя девчонками, которые приехали со мной из Алчевска — одна оператор, другая корреспондент, лицо сюжетов о «Призраке» на английском языке, — я стоял возле штаба ополченцев и разговаривал с несколькими из них. Штаб располагался в бывшем здании фельдшерско-акушерского пункта, порядком обветшавшем задолго до войны — за время независимой Украины. Деревянные косяки ходили ходуном, краска лоскутами сползла со стен. Зато крепкие стены — главное при вражеских обстрелах. Вдруг из-за поворота вылетел зеленый уазик и остановился перед нами. На капоте крупная эмблема «Призрака». Резко распахнув дверцу, с водительского места выгнулся Сим-сим: «Готовьте медиков, быстро! У нас двухсотый. И, кажется, не один!» Он столь же резко захлопнул дверцу, и машина рванула в сторону линии фронта.

Ополченцы засушились, зашипели рации. Кто-то заговорил о возможной атаке со стороны противника. Из-за соседнего здания выкатили БМП. Бронемашина переместилась ближе к направлению, с которого могло произойти нападение группы вражеских диверсантов. Минут через пятнадцать примчался Сим-сим. В салоне с ним — двое раненых. Один из них — теперь я знаю — Ваня. Группа из четырех бойцов подорвалась на mine, которую устано-

вили сами же ополченцы «Призрака». Сим-сим отдал какие-то распоряжения и умчался в Кировск, в больницу, с фельдшером бригады, которая дежурила в Донецком. Позже другой УАЗ привез «двухсотых» — два тела, завернутые в брезент. Наружу торчали две пары ног в грязных берцах. Брезент пропитался кровью, она капала на землю, когда погибших перегружали из машины на деревянный помост. «Клеенку, клеенку надо подстелить! Сейчас доски замажете, потом не отмоете». Трое подняли брезент. Кто-то принес из штаба объемный кусок толстого полиэтилена — в моем детстве таким накрывали грядки с помидорами, чтобы они ночью не померзли. Разом помрачневшие ополченцы старались не наступить в те места, куда успела капнуть кровь погибших.

«Один из “двухсотых” с Владивостока. Знаешь? Недолго в “Призраке” прослужил», — Ваня кратко обернулся ко мне. Никого из подорвавшихся вместе с ним я лично не знал. Шел мой первый месяц в «Призраке». Большую часть времени я провел в Алчевске. В день, когда они подорвались, я оказался в Донецком во второй или даже в первый раз. Лишь шапочко к тому моменту успел познакомиться с Сим-симом во время одного из кратких заездов в Кировск.

За две недели до того, как на своей же mine подорвался Ваня и еще трое наших, у противника на своих минах подорвалось пять их военнослужащих. Мы узнали это из украинских новостей. Солдаты ставили мины напротив Донецкого, вдоль автодороги «Бахмутка», где находились их позиции. Сначала подорвался один. Когда его попытались вытащить четверо других, то тоже подорвались на своих минах. Итог: четверо погибших, один — тяжелораненый. «Да, я тоже читал в новостях, что они на своих минах подорвались. Потом вот мы на своей. Коварство войны, чё», — философски прокомментировал Ваня, не отрывая взгляда от дороги.

Он почти полгода пролежал в больнице после ранения. Родственники, из-за войны перебравшиеся на Валаам, позвали к себе — «временно поработать». «Считай, пять лет уже здесь — временно работаю. Кручу баранку, — сказал Ваня. Потом добавил: — А чё, войны, считай, нету. Сидим, как дураки, друг напротив друга в окопах. Этим по нам стрелять можно, нам по ним — нельзя. Да подрываемся на своих минах. Я в ЛНР вернусь, если только нормальная война опять начнется — как в 2014-м».

Мы свернули с Главной монастырской и ехали теперь по ухабистой дороге в сторону Оборонного. Ване надо было почти до этого острова. Вез для строителей материалы и инструменты — на

Емельяновский остров в Авраамиевский скит. Между Оборонным и Валаамом три острова: Лиса, Емельяновский и Царская Кухня. Лет десять назад они были полноценными островами — добраться можно исключительно на лодке или катере, по воде завозили продукты и прочее необходимое монахам. Позже их соединили мостами, поэтому фактически они стали частью острова Валаам, успела мне объяснить Диньча, пока нас не нагнал Ваня на «буханке».

Деревянный широкий мост на бетонных опорах — мы заехали на Лису и по такому же мосту на Емельяновский. Ваня развернулся перед церковью, оплетенной строительными лесами. Два жилых модуля, на поддонах мешки со строительными смесями, жужжание болгарок и перфораторов. «Спасибо, Иван». — «Хорошо погулять». Он зашагал в сторону жилых модулей. Мы с Диньчей спустились к мосту, перешли на Царскую Кухню. «Финская колючая проволока сохранилась. Идем покажу», — сказала Диньча. По периметру острова, зацепленная за столбы или деревья, вросшая в деревья, толстая темно-рыжая проволока. Иглы ее ступили ветры, осадки и перепады температур за восемьдесят лет. И все равно проволока не истлела настолько, чтобы ее порвать рукой: дернул — не получилось. Требовались инструменты, чтобы ее перекусить.

Царскую Кухню с Оборонным соединял подвесной мост. При входе на мост табличка: «Проход не благословляется». В переводе с церковного на обычный русский: проход запрещен. На Оборонном перед мостом недостроенная белая церковь в лесах. «Андрея Первозванного. Новая, в царские времена на острове не стояла церковь. Только пустынька». Строители перевозили материалы в тачках. В стороне от церкви бревенчатые дома с окнами-витринами и мансардами. «Для элитных гостей монастыря». Подход к домам для элиты охраняли два лысоголовых шкафоподобных типа. Из-за макушек сосен и лиственниц высывался скошенный бетонный пенал. «Финская наблюдательная вышка». Мы направились к вышке. Охранники коровьими взглядами сопровождали нас.

Башня узкой стороной обращена к озеру, откуда финны ожидали прибытия советских войск — по Валаамским островам в 1930-х проходила линия Маннергейма. В верхней части башни торчали плотными рядами загнутые прутья арматуры — словно колючки у ежа. Вход внутрь открыт — ворот просто нет. Сохранились мощные металлические косяки с внушительного размера петлями. Сумрачно, три глухих стены — я подсветил фонариком телефона.

Деревянная лестница на следующий верхний уровень. Мы поднялись. Снова три глухих стены; в стене, обращенной в тыл, широкое окно. Поднялись по следующей лестнице — третий уровень. Бетонный круглый мощный стол в центре помещения. В стенах в сторону «советского нападения» узкие амбразуры, направленные под углом, чтобы возможные пули или осколки застревали в них, рикошетили, не попали в наблюдателей. Мы разглядывали озеро через амбразуры. Вдали по озеру мигрировали белые ледяные поля — две недели до Пасхи, середина апреля. За ними темно-синие волнистые линии — материковый берег озера. Где-то там город Приозерск, из которого я приплыл днем ранее на Валаам. На озерной воде точки чаек. Позади нас в стену вмурована металлическая лестница на крышу. Я поднялся: срезанный конус в окружении толстого бетонного воротника. Видимо, к срезанному конусу крепилась зенитная установка, а ворот защищал зенитчиков от возможного обстрела с земли или с воды.

«Давай попьем здесь кофе? Моднейшая валаамская кофейня “Наблюдательная башня” приглашает вас», — предложил я, когда Диньча тоже поднялась на крышу. Взял котелок и спустился, чтобы набрать воды в озере. Темная гладкая, как стекло, вода. У берега — прозрачная. По темной гранитной плите спустился к урезу. Немного не по себе, что надо разрушить гладь воды. Столько гармонии и спокойствия. Нарочито широко размахнулся и хватанул в котелок воды, брызги в стороны. Потревожились ближайšie чайки. Закричали. Одна захлопала крыльями по воде, но взлетать не стала.

Когда вернулся в башню, Диньча развернула горелку и присоединила к баллону. Газ с шипением выходил и сгорал под котелком. Диньча засыпала кофе, отрегулировала пламя. Мы расстелили куртки и легли на них, чтобы греться на солнце.

Когда мы отправились обратно в сторону монастыря, Ваня уже уехал. Переходили по мосту через пролив между островом Лиса и Валаамом. В проливе набились льдины, неподвижно висели на воде. «Гляди — лебедь». Шея буквой Г, в профиль к нам, плыл деловито вдоль берега, огибая льдины. Крикнул — значит, где-то второй, вторая... другая половина пары. Отклика не последовало. Лебедь одним быстрым движением развернулся и стал удаляться от берега. Он постепенно сливался с одним из ледяных полей, мигрировавших по Ладоге.

ДОНЕЦКИЙ, ЛНР — весна 2023 года

Прошло ровно два года с тех пор, как вместе с Диньчей мы жили и трудились на Валааме. Очень многое изменилось за эти два года. Диньча больше не со мной. Случилось 24 февраля 2022 года. Диньча в настоящее время работает фельдшером в военном госпитале среди руин Мариуполя. Кофе больше мы с ней не пьем и крайне редко перекидываемся короткими сообщениями в социальных сетях. Вернулся ли после 24 февраля в ЛНР Ваня — не знаю.

В апреле нынешнего, 2023-го я с двумя ребятами из моего родного города Кимры повез гуманитарку для подразделения, воюющего в ЛНР. Подразделение это занято радиоэлектронной борьбой. Своего места постоянной дислокации военнослужащие не раскрывают. Мы договорились встретиться в городе Стаханове — в 2014–2015 годах он являлся «столицей» луганских казаков, которыми командовал бывший каменщик Павел Дрёмов, убитый при весьма странных обстоятельствах в декабре 2015-го. После смерти командира казачий полк его распался, «столица» самоупразднилась. В Стаханове весной 2023-го дислоцировались различные подразделения российской армии и добровольческие формирования. Город регулярно подвергался обстрелам — обычно до него долетали ракеты, выпущенные из американских HIMARSов.

В ЛНР мы заезжали на своей машине через переход (хотя формально границы не было, ЛНР вошла в состав России, всех выезжающих и въезжающих в республику регистрировали российские пограничники) в селе Изварино. Мои спутники раньше в ЛНР не бывали, поэтому я вступил в должность штурмана. По республике я ездил в 2014-м и в 2015-м и поэтому дорогу от Изварино до Стаханова отлично представлял. Мы проехали через Краснодар и Молодогвардейск до Луганска, затем через весь Луганск по улице Оборонной (на углу Оборонной и Краснодонской в 2014-м находилось основное расположение батальона «Заря», в 2023-м — база луганских подразделений российской армии) до улицы Советской и повернули налево. На въезде и выезде из Луганска, бывшей столицы бывшего независимого государства, — блокпосты российских военных. Однако нас не останавливали. Мы доехали до Алчевска, проехали через весь город — бывшую вотчину батальона «Призрак», где я провел значительную часть лета 2015-го, и через Брянку добрались до Стаханова.

Стаханов я знал плохо — бывал там только проездом в 2015-м. Однажды в темноте мы ездил в штаб Дрёмова. С самим каза-

чьим командиром-атаманом встретиться не довелось, общались с его заместителем. Я помнил, что штаб его располагался в некоем ДК или напротив некоего ДК.

Пользуясь навигатором, мы с кимрскими пацанами плутали по Стаханову, чтобы добраться до кафе «Ника», где нам назначили встречу те, для кого мы везли гуманитарку. Проезжали мимо, как показывал навигатор, ДК имени Горького — здание было порядком разрушено: видимо, в него попала одна из ракет тех самых HIMARSов, а может, и больше, чем одна. Обрушенная наполовину крыша, разбитая стена второго этажа, словно выломанная гигантской рукой. Может быть, это тот самый дворец культуры, где когда-то располагался штаб дрёмовских казаков? Я не смог вспомнить точно.

Поворот, еще поворот — мы выехали на площадь с памятником шахтеру-ударнику Стаханову. Позади него — кафе «Ника». Мы выгрузились и отправились в кафе. Двухэтажное стеклянное здание, никак не пострадавшее от долгих лет войны. Ни царапины, что называется. Внутри на первом этаже просторный зал, к которому примыкает кухня. За столами мужики в военной форме и при оружии и подростки в нарядах яркой расцветки — девочки и мальчики, которые беззаботно болтали и показывали что-то друг другу в телефонах.

Мы воспользовались местным вай-фай (бесплатным, без паролей) и сообщили, что на месте. Пацаны из подразделения радиоэлектронной борьбы ответили, что придут через час. Мы заказали кофе и стали ждать, разглядывая и обсуждая местных подростков, которые, казалось, жили так, словно под боком у них не происходили жестокие бои с десятками убитых каждый день, словно их город не подвергался регулярным обстрелам ракетами противника.

Спустя час военные отписались, что задерживаются и нам предстоит подождать еще час. Через час они действительно прибыли. Два пацана в форме стандартов НАТО, на плечах — шевроны-липучки с русской символикой. Оба не старше 25 лет. Мы поздоровались, познакомились и принялись обсуждать гуманитарку, которую привезли им. На улице, как принято было писать в классической русской литературе, смеркалось. «Пацаны, мы по темноте не хотим обратно ехать. Поможете с размещением?» — обратился один из моих кимрских спутников к военнослужащим. Им требовалось получить на это разрешение. Минут через тридцать удалось связаться с командиром — он дал добро. «Погнали».

Ребята загрузились в немного помятую «Газель» зеленого цвета. Они поехали впереди, мы следом. Плутили по Стаханову. Выехали в сторону Кировска — я сверялся с навигатором. «Едем в знакомые мне места», — сказал я своим спутникам. Въехали в Кировск, но там не остались, поплутали по городу и выехали в сторону... «Не может быть, неужели поедем в Донецкий?»

Стемнело, но все равно различимы были конусовидные силуэты терриконов по обеим сторонам дороги. Проехали мимо разбитой, брошенной на обочине бронемашины. Никуда не сворачивали — да, ехали напрямик в Донецкий. Остановимся ли в поселке или дальше? Вот мост через речку Лугань. Поворот направо — въезжаем в Донецкий. После визита в тот день, когда Ваня и трое других «призраков» подорвались на mine, я много раз бывал в Донецком, оставался иногда на неделю или больше. Поэтому географию поселка отлично себе представлял. Проехали мимо школы — даже в темноте легко понять, что ее разнесли в руины артиллерией и ракетами. В школе дислоцировалось одно из подразделений «Призрака»; когда поселок оказался на линии фронта в 2015-м, его покинули почти все жители, объекты гражданской инфраструктуры перестали функционировать, и их под свои нужды освоили бойцы батальона. Доехали до дворца культуры — руинированного за время независимой Украины — и остановились. Из «Газели» вышел один из бойцов и подошел к нашей машине: «Нам сюда». «Вот это да, неожиданно. Я снова в Донецком восемь лет спустя!» — не удержался я. Мои кимрские спутники не знали, что я в свое время бывал в этих местах.

Мы разгрузались в темноте. Заносили наши грузы в расположение подразделения. Объясняли что к чему. Потом был долгий ужин — почти до полуночи. Нам рассказали, что несколько дней назад подразделение потеряло двух бойцов — подорвались на растяжке на передовой в северной части ЛНР, оба погибли. Моих спутников отправили спать на койки, где спали в свое время погибшие, а меня определили в комнату заместителя командира — сам он отсутствовал. У стены в его комнате сложены бронежилеты, стрелковое оружие, цинки с патронами, каски, на столике возле койки стояли две гранаты.

Рано утром, пока все спали, я вышел, чтобы прогуляться по поселку. Честно говоря, я ожидал, что за годы нахождения на линии фронта его разнесли гораздо сильнее. Нет, многие дома оставались целыми, даже окна не разбиты. Совсем не пострадало здание фельдшерско-акушерского пункта, где располагался штаб местного подразделения «Призрака». В нем снова работа-

ли врачи, принимали местных жителей. Траншеи, в которых в свое время приходилось прятаться от обстрелов, заросли травой. Фронт сместился на северо-запад от Донецкого весной 2022 года. Где находилась теперь передовая, было отлично слышно — в 40 километрах без перерыва ухала артиллерия: шестой месяц продолжались тяжелые бои за Артемовск. Немного в стороне от поселка двойками пролетала штурмовая авиация.

В самом поселке, если сравнивать с тем, что я видел в 2015-м, была... как бы это сказать... почти нормальная жизнь. Да, по-другому, пожалуй, и не скажешь. Я увидел десятки жителей на улицах — они куда-то шли по своим делам, ждали маршрутный автобус до Кировска, возились в огородах. Обычная поселковая жизнь на фоне отдельных разрушенных домов, зданий и беспрестанного уханья артиллерии и разрывов вдали.

Я дошел до северной окраины, откуда мы высматривали через бинокли восемь лет назад позиции противника вдоль автодороги «Бахмутка». От трассы Донецкий отделяло поле шириной метров двести. Идти через поле я не решился — где-то на этом же поле, к востоку от Донецкого, подорвался Ваня, а за две недели до него — пять военнослужащих противника. Кто его знает — все ли мины сняли?

Захотелось позвонить Диньче и рассказать, где я оказался. Однако решил, что она ничего не поймет. Она-то про Донецкий знает лишь по рассказу Вани, ее с этим поселком совершенно ничего не связывает. Я постоял еще несколько минут, пытаюсь разглядеть, есть ли теперь движение по «Бахмутке», но так и не увидел ни одного автомобиля или танка. Возможно, за годы наши обстрелы раскрошили полотно дороги до полной непроходимости. Или же саперы не очистили дорогу и обочины от мин. За спиной нарастал шум просыпающегося поселка, мне надо было возвращаться к своим.

Валаам — Бурково, 2021–2023

Анна КАБИСОВА

«СПАСИБО ЗА ПРОСВЕТЛЕНИЕ»

Памяти забытого художника Вячеслава Тетцоева

ДЕТИ ВОЙНЫ

Вячеслав Тетцоев — художник поколения Магрэза Келехсаева и, кстати, его однокурсник — они вместе учились в Цхинвальском художественном училище им. М. С. Туганова. Как молодой человек, который родился и вырос в Дигоре, в Северной Осетии, оказался в Цхинвале — история умалчивает, но в 1967 году, когда Вячеславу Тетцоеву было тридцать лет, он возвращается с Юга и начинает творить. Точнее, продолжает. Его ранняя работа «Дети войны» показала, что училище

он окончил уже зрелым художником, готовым говорить со зрителем на серьезные темы. Этим его дебют сродни почину режиссера Андрея Тарковского с фильмом «Иваново детство», новаторство которого заключалось в том, что войну мы увидели глазами ребенка. Новаторство же Тетцоева, чьи поиски формы и собственного визуального языка еще были впереди, заключалось в том, что он показывал трагедию войны без вещественных доказательств — будь то разрушенные взрывами дома, военные самолеты в небе или раненые солдаты на поле боя. Его образ войны лаконичен, сух и беспощадно правдив: мальчик с лицом взрослого человека одет только в телогрейку с чужого плеча, ноги у него босы, а в руках он держит перевернутую солдатскую каску, которая сперва кажется миской, в которой мальчик несет то ли воду, то ли подаяние добрых людей... В будущем художник еще не раз будет возвращаться к этому образу — некоторые детали будут добавляться или убавляться, но неизменным останется этот аскетичный фон и мальчик с лицом взрослого человека.

КОСТА

На удивительной картине «Коста», написанной Вячеславом Тетцоевым в 1989 году, поэт изображен в своей мастерской. На нем нет привычного парадного костюма — он одет по-домашнему просто, и мы вместе с ангелом за его спиной, который с волнением следит за поэтом, наблюдаем творческие муки Коста. Работа была в подборке картин, которые художник подавал при вступлении в Союз художников. А это означает, что он сам считал ее одной из лучших. Попробуем понять почему. Год написания — конец эпохи Советского Союза, но официально впереди еще два года жизни, а значит, действует запрет на исповедание веры. Если посмотреть изображения Коста, созданные за советский период в краске и камне, то мы увидим величественного поэта, сильного, гордого революционера. Это уже в XXI веке скульптор Владимир Соскиев «посмел» изобразить Коста немощным, хрупким, полным страдания и печали (чем вызвал горячие споры в обществе, как мы помним, вплоть до пожелания представителей фамилии Хетагуровых спрятать скульптуру где-нибудь в музее).

Но, как оказалось, о драматизме жизни и творчества Коста еще до Соскиева решил рассказать Вячеслав Тетцоев. Что сподвигло художника написать Коста в таком уязвимом, интимном виде и практически иконографической форме, проявляющей христианские мотивы в поэзии и живописи Коста (о чем умалчивалось в советское время), и по праву считать картину одной из самых лучших, мы сегодня уже не узнаем — Вячеслава Тетцоева не стало в 2002 году. В текстах искусствоведов, которые писали о творчестве художника, эта работа в таком ключе не исследуется, родные Тетцоева никаких разъясняющих сведений не имеют (кроме того, что сам Вячеслав Тетцоев не был верующим человеком), и мы даже не знаем сегодня, как выглядела картина в цвете, потому что нахождение ее неизвестно. Все, чем мы располагаем, — это черно-белая фотография картины. Возможно, что через такое восприятие произведения еще глубже читается главная мысль художника — показать Коста не пламенным революционером, не знающим страха и сомнений, а живым, израненным страданием поэтом и художником, который доходил в своих творческих поисках до отчаяния. Может быть, поэтому ангел за его спиной с такой тревогой наблюдает за тем, что Коста пишет на холсте. Ключ к тайне этой картины заключается не только в том, что художник Тетцоев словно ощутил биение сердца Коста — о чем оно болит и тревожится, и смог передать это на холсте, но и в том, что мы, зрители, смотрим на происходящее глазами ангела. Мы, как и он, из-за ширмы времени вдруг погружаемся в святая святых, где происходит таинство создания нового произведения. Коста «думает», что он один, рядом никого нет и можно быть самим собой — не делать вид, что все хорошо и жизнь прекрасна, а, сняв вместе с буркой и черкеской маску общественного этикета, остаться наедине с самим собой. Так и нам кажется, что если рядом нет никого из людей, то нас настораживающих никто не видит...

Наверное, такой же душевный посыл можно проследить и в серии автопортретов Вячеслава Тетцоева. Как и Коста, художник прожил непростую жизнь, полную отчаяния и надежды, горя и радости, успеха и забвения. Искусствовед Татьяна Остаева в своей статье «Портрет мастера», опубликованной к 60-летию художника, делает вывод, что восприятие жизни у Тетцоева было драматическим: «Можно сказать, что Тетцоев

склонен к драматическому мировосприятию, что проявляется в напряженности цвета, пастозности, “подвижности” мазка, противопоставлении внутренней динамики и внешней статичности изобразительного материала в романтическом пафосе его произведений».

Если смотреть в целом на его картины разных периодов и жанров, то однозначно такой вывод сделать нельзя. Большинство работ полны лиризма, радости жизни, доброго юмора, воспевания красоты во всех ее проявлениях — образе человека, пейзаже, домашнем уюте.

АВТОПОРТРЕТ

Поздний автопортрет художника, совершив эволюцию от многоплановых, сложнокомпозиционных декоративных работ, на которых художник (часто это собирательный образ) выглядит этаким божественным философом и даже сюрреалистом, замурованным в стену, начисто лишен живописных эффектов и сложной структуры: лицо написано крупным планом, освещено «рембрандтовским светом», и в нем нет ничего лишнего —

Студенты Цхинвальского художественного училища им. М. Туганова.
Вячеслав Тетцов — крайний справа

только внимательный взгляд художника, и от этой ясности и выстраданной простоты берет оторопь.

Своеобразным автопортретом можно считать и работу, на которой изображен домик в старой части города, где работал художник. Ракурс сверху вновь отсылает нас к внешнему наблюдателю, будь то ангел или сам Создатель, который смотрит на чисто выметенную улочку, обрамленную деревьями с нежной весенней листвой и ярко-синим небом, которому вторят окна мастерской. Художнику неинтересен реалистический пейзаж — важно передать свое внутреннее состояние, психологизм, познать через живопись, цвет и форму суть вещей, как это делал Сезанн, которому казались тесными и поверхностными открытия импрессионистов, научившихся запечатлевать ускользящий и зыбкий свет. Для Сезанна было важнее познать через мгновение вечность. Может быть, поэтому художник так мучительно долго писал — например, для портрета Воллара понадобилось 115 сеансов, в конце которых «одиноким упрямец из Экса» произнес: «Я не могу сказать, что недоволен передом рубашки». Некоторые пейзажи Тетцовева напоминают об этой цели — и формальными поисками, и содержанием.

ПЕЙЗАЖИ С ТАЙНОЙ

Так, на пейзаже с кипарисами женская фигурка застыла, словно очаровавшись увиденным — лошадь на вершине холма, мальчишками под деревом, праздничностью жаркого яркого летнего дня. Словно ей не хочется идти по тропинке, ведущей к кающемуся чуждым природе современному бетонному зданию. И во всем разлита тайна — одновременно с безмятежностью присутствует тревога, как у Антониони в фильме «Фотувеличение».

Невысказанное горе — главный мотив картины с тремя молодыми женщинами, которые, словно забыв обо всем окружающем, углубились в печаль — одну на всех. Будто, окончив все труды, позволили себе вспомнить о тех, кого ждут с войны...

А потом эти женщины перешагнули в следующую композицию — уже портрет, а не пейзаж, где мы видим, как после

ежедневных сельскохозяйственных работ они отдыхают с песней. О том, что это послевоенное тяжелое время, говорят их печальные изможденные лица, напоминающие уже упомянутую работу художника «Дети войны».

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Галерею замечательных портретов продолжает образ семьи, скорее всего позирующей фотографу, — это читается по краю белого фона (так обычно снимали фотографы в то время, устанавливая на улице за портретируемыми фон из ткани) и испуганным лицам детей. В этой работе художник наконец позволяет себе радоваться и даже шутить. Уловив состояние детей, которых действительно обычно силой приходится заставлять позировать фотографу, автор одновременно показывает семейную гармонию через образ яблони, под сенью которой родители и дети мирно стоят, а рядом — корзина, в которую уже сложены собранные яблоки.

К теме семейной идиллии можно отнести и две работы с пожилыми мужем и женой, которые также запечатлены под яблоней. Они остались вдвоем, дети выросли и разъехались, а яблоня все так же плодоносит каждое лето. Библейским выглядит образ стариков, которые безмятежно сидят под яблоней, украсившей красными плодами зеленую траву и словно говорящей о том, что первородный грех Адама и Евы искуплен. Вот он — вновь обретенный Рай.

ОДУХОТВОРЕННЫЕ НАТЮРМОРТЫ

Рассыпанные на земле плоды художник собирает, чтобы включить их в натюрморты. Этот жанр занимает особенное место в его творчестве. Минималистичные и сложносочиненные, орнаментальные и документальные натюрморты Вячеслава Тетцоева рассказывают нам о жизни и ее красоте не менее полно, чем картины других жанров. Как полнокровно и живописно выглядит натюрморт с тремя хлебами и молодым чесноком на синем фоне! Virtuозное владение цветом и особенный «вкус» к жизни. Особенность натюрмортов Тетцоева отмечала и искусствовед Татьяна Остаева: «Натюрморт

“дышит”, живет в полотнах живописца, который воспринимает окружающий мир и даже предметы, созданные руками человека, как одухотворенную материю».

«ТОТРА». КАРТИНА ПРОДАНА В ИТАЛИЮ

Одухотворенный взгляд художника на мир касался не только будничных предметов, но и близких друзей. Так, героем множества портретов стал друг художника — Тотра. Тетцоев изображал на картинах и мясника на базаре, и сельского почтальона, отдыхающего после трудов на спиленном дереве и выкурившего не одну сигарету. И вновь поражает психологизм образа — решенный в доминирующем цвете и некоторой условностью письма. Одновременно с этим Тотра очень легко представить себе «живьем» — наверно, его было бы легко узнать, встретив где-нибудь на улице. Первая версия почтальона Тотра была приобретена коллекционером из Италии, где, как известно, искусством пронизан каждый сантиметр, что говорит о признании Вячеслава Тетцоева как живописца. К слову сказать, картины художника уехали также в Германию, Голландию и тогда еще Югославию.

ЭПИЛОГ

В 1994 году в Дигоре, родном городе художника, проходила его персональная выставка. Один из отзывов, оставленных посетителями, звучит одновременно и печально, и радостно. Констатируя некую безнадежность того времени, его автор Майя Калаева не теряет надежды на светлое будущее: «Спасибо за то, что в Дигоре есть еще какое-то просветление».

Подарив надежду людям, художник сам вскоре ушел из жизни после длительной болезни и постепенно был забыт. Мы надеемся, что этот очерк и публикуемые работы послужат тому, чтобы напомнить общественности о замечательном художнике Вячеславе Тетцоеве и к его 90-летию организовать выставку, которая даст возможность современному поколению познакомиться с творчеством самобытного живописца.

Натюрморт (фрагмент)

ТВОРЧЕСТВО

МИР ИСКУССТВА

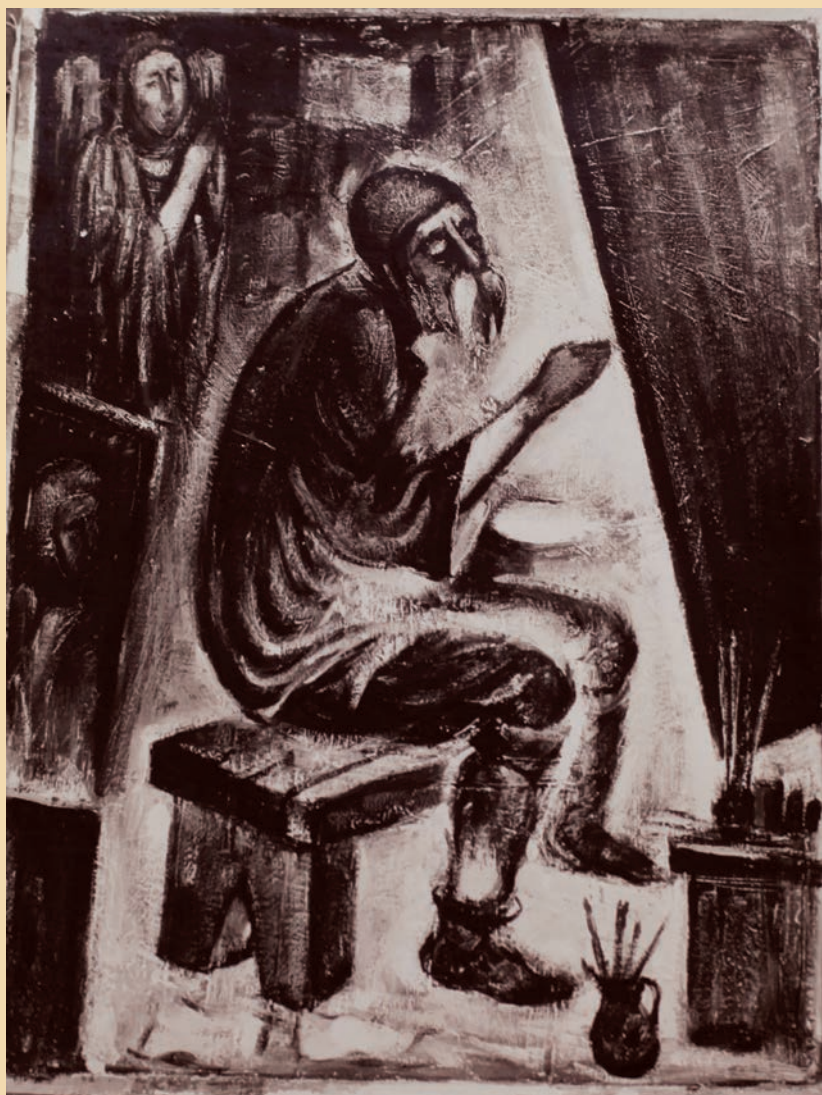
«ДАРЬЯЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ВЯЧЕСЛАВ
ТЕТЦОВ
ЖИВОПИСЬ
С. 122-128

Автопортрет

ВЯЧЕСЛАВ ТЕТЦОЕВ ЖИВОПИСЬ

Коста

Портрет Мераба Чочиева

Дети войны

Семья, позирующая фотографу

Кочегар

Мясник

Обретенный Рай

Песня

Семейная идиллия

Автопортрет

Сельский почтальон после трудового дня

Печаль

Натюрморт

Кувшины

Натюрморт

Натюрморт с хлебом и молодым чесноком

Кошка на пороге дома

Осень

Натюрморт

Натюрморт

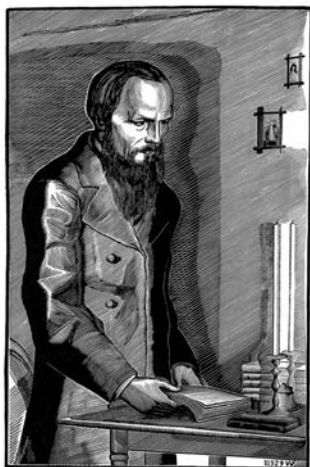
Лавочка

Домик в старом Владикавказе

Пейзаж с кипарисами

Федор Достоевский. Гравюра
Владимира Фаворского. 1929 г.

«И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...»

*Ф. М. Достоевский.
«Преступление и наказание» (1866)*

Александр КРАМЕР

СТРАЖ

РАССКАЗЫ

В оформлении использовано фото из свободного доступа сети Интернет

БИЛЕТ

— Уважаемые пассажиры, ваш полугодовой полет завершен. Наш космолет, совершающий рейс номер четырнадцать двадцать восемь по маршруту Земля — Farout, через тридцать минут совершит посадку в космопорте планеты Farout VG18. В соответствии с местными правилами все без исключения пассажиры проходят досмотр на таможне. Зеленого коридора не существует. Просим покинуть борт космолета, начиная с последних комнат, и пройти на таможню. Багаж вам доставят к автобусу после таможенного досмотра.

1

— Инспектор таможенной службы андроид три дробь четыре. Готов досмотреть ваши вещи и документы. Ручную кладь поставьте, пожалуйста, перед экраном. Будьте любезны снять куртку, часы и достать туристический паспорт. Все положите непосредственно передо мною. Искренне вам признателен. Вы сделали все отлично. Большое спасибо.

Андроид-таможенник был отменно любезен и аккуратен. Через пару минут все было дотошно проверено, в паспорт Галибина поставлена виза и выдан талон на получение багажа.

— Инспектор претензий к вам не имеет. Вы можете забрать свои вещи и следовать дальше. Но, прежде

чем куда-то отправиться, вам, согласно существующим правилам, необходимо приобрести билет на обратный рейс. Вы обязаны улететь пунктуально, в соответствии с выданной визой и датой в билете. Никакие внешние обстоятельства не могут и не должны помешать вам воспользоваться купленным в кассе космопорта билетом. Электронный билет, который вы приобретете, нельзя потерять, уничтожить, передать другому лицу, обменять на другое число. Злостное нарушение правил считается преступлением и наказывается уголовно. Кассы находятся перед выходом из космопорта. Без штампа о покупке билета вас не выпустят за территорию космопорта и не посадят в автобус. Приятного вам посещения планеты Farout VG18.

2

— Здравствуйте, уважаемый пассажир Галибин, прибывший с Земли рейсом номер четырнадцать двадцать восемь. Андроид-кассир приветствует вас на территории кассы. Мы будем рады вас обслужить и продать билет на обратный рейс в соответствии с вашей визой. Сегодня четверг — день плановых скидок и предложений. Будет прекрасно, если каким-то из наших рекламных сервисов вы решите воспользоваться. Например, только по четвергам билет «туда и обратно» стоит дешевле билета «только туда» на тридцать процентов. С нетерпением и удовольствием ожидаем вашу заявку в письменной форме. Мы выполним с радостью любое ваше желание.

— Отлично! Вы приняли замечательное решение и сэкономили себе время и деньги. Ваш космолет по заявке «туда и обратно» вылетает на Землю двадцать второго по вашему календарю, ровно через семь дней, на семь часов раньше обычного одностороннего космолета и прибывает в вашу земную столицу в пять часов после полудня — чудесное и удобное время. Односторонний прибудет после полуночи, что связано для пассажира с трудностями дальнейшего передвижения к дому. Приятного вам полета и возвращения.

3

Звонок в квартире Галибина раздался в четыре тридцать утра. На пороге, к его крайнему удивлению, стоял андроид в форме работника космопорта планеты Farout VG18.

— Скажите, пожалуйста, вы пассажир Галибин, прилетевший на Землю месяц назад, двадцать шестого числа рейсом пятнадцать тринадцать?

— Да. А в чем дело? Я что-то забыл в космолете?

— Исключено. Все перед выходом проверяется самым тщательным образом. Дело в другом. Месяц назад вы купили билет на обратный рейс четырнадцать двадцать восемь до планеты Farout VG18. Вы обязаны им воспользоваться. У вас есть три с половиной часа на сборы. Жду вас внизу, такси уже возле подъезда.

— Постойте! Но мне совершенно не нужно лететь обратно. Мне предложили очень приличную скидку, и я согласился. Поймите, я просто решил сэкономить. Никуда лететь мне не нужно.

— Исключено. Вы добровольно купили в кассе билет на обратный рейс, чему есть письменное подтверждение. Все формальности по оформлению документов соблюдены. Место зарезервировано. Вы использовали экономический и трудовой ресурсы нашей планеты. Поэтому вы обязаны собрать сейчас вещи и отправиться вместе со мной в космопорт. В случае неподчинения вас ждет принудительная депортация и уголовное разбирательство по законам планеты Farout VG18. Времени у вас не так много. Собирайтесь немедленно.

4

— Уважаемые пассажиры, ваш полугодовой полет завершен. Наш космолет, совершающий рейс номер четырнадцать двадцать восемь по маршруту Земля — Farout, через тридцать минут совершит посадку в космопорте планеты Farout VG18.

— Прежде чем куда-то отправиться, вам, согласно существующим правилам, необходимо приобрести билет на обратный рейс. Вы обязаны улететь пунктуально, в соответствии с выданной визой. Никакие внешние обстоятельства не могут и не должны помешать вам воспользоваться купленным в кассе космопорта билетом. Электронный билет, который вы приобретете, нельзя потерять, уничтожить, передать другому лицу, обменять на другое число. Злостное нарушение правил считается преступлением и наказывается уголовно. Кассы находятся перед выходом из космопорта. Без штампа о покупке билета вас не выпустят за территорию космопорта и не посадят в автобус. Приятного вам посещения планеты Farout VG18.

СТРАЖ

1

Давно у нас дело к разводу шло, но в тот вечер стрелка к красной черте подпрыгнула: мы с бывшей моей снова здорово погрызлись, но уже так, что чуть не до мордобоя; я с вешалки куртку рванул — аж петлю оборвал, да, за окно не глядя, свалил к чертям из дому. А на дворе — темень промозглая, с неба мерзкое что-то сыплется, ветер залпами по мордасам хлещет... Полный, в общем, атас. Я от такой катавасии остудился немного да прикидывать стал, куда б мне теперь податься. Ну не оглобли же поворачивать! Когда смотрю, под навесом на детской площадке наш чудила-дворник сидит. Ладно, думаю, чем в такой час по слякоти шастать или в темном подъезде столбом стоять, лучше с подметалой пересидеть. Идти-то все равно некуда. Ну и подсел.

Чудной, честное слово, был у нас дворник. Как звать-величать — вряд ли кто знал, потому как он сроду двух слов ни с кем не сказал. Слепоглухонемые и то пообщительней будут. Зато образ жизни здоровый вел — не пил, не курил. Оттого, наверно, по-серьезному выглядел — крепкий такой, здоровенный; ему б не метлой, а кувалдой махать, но это, как говорится, не чужого ума дело, каждый сам выбирает. Главное, чтобы на совесть вкалывал. А чего еще?

А этот к тому же не только метлой махать был горазд. Если попросит кто, мог во дворе что угодно наладить да отремонтировать. Но это если попросят. Только цветы на клумбе всегда по собственному почину высаживал, хоть это к его делам совершенно не относилось. А к остальному чему — сам бы ни-ни, даже и не прикоснулся, обязательно попросить надо было. Нет, не унижаться там или выпрашивать, но непременно подойти и сказать: «Пожалуйста, сделай то-то и то-то». Тогда делал сразу же, без разговоров; и если уж делал, то не придерешься — золотые руки были у мужика, да и башка тоже, видно, варила, потому что не лишь бы что, а с полезными всякими выкрутасами мастерил.

Его иногда домой зазывать пытались, но только все знали — напрасное это дело, по пальцам пересчитать можно, когда согласился...

А еще имелась у чудика нашего заморочка: вечером на лавку усядется или посреди двора встанет, руки поднимет, голову заде-

рет, в небо уставится и часами сидит или стоит — будто окаменел ненароком, и так в любую погоду. Нет, когда звезды на небе, луна и другая всякая красота — тогда ясное дело, а когда как в тот вечер — хоть глаз выколи, да к тому же льет — тогда с какой стати и радости? В общем, с придурью подметала был, но только, как во дворе балабонили, с придурью в плюс, а не в минус, так что и не заикался никто.

2

Ладно, дальше поехали. Ну, сидим мы так и, понятное дело, молчим. Сколько сидели — не знаю. Время в такой обстановке иначе движется, да и злой я был, взбудораженный — тоже учитывать надо. Думаю, точно с час просидели, когда дворник неожиданно ожил, ни с того ни с сего поднялся, еще сильнее башку к небесам запрокинул и пробасил-прогудел так, что шкура у меня мурашками вся пошла:

— Смерть летит. Здесь скоро будет. В этот раз могу и не остановиться.

Ну, думаю, хоть и вел образ жизни здоровый, а все одно — приплыл-таки мужичок. Звать, что ли, скорую для душевнобольных?

А он, рук не опуская, как струна прямо натянулся весь да жутким басом как заревет:

— Держу-у-у-у!

А потом медленно стал оседать возле лавки; и последнее, что сказать успел, когда я к нему наклонился:

— Удержал. Пролетит. Кто после меня...

С этим и отошел. До скорой еще.

А через несколько месяцев читаю в центральной газете:

«29 января ... года двухсотпятидесятиметровый астероид 200724, по счастью, на этот раз пролетел мимо Земли. По расчетам астрономов, до нового сближения с ПОО (потенциально опасным объектом) в ... году остается всего пятнадцать крошечных лет. Столкновение считается маловероятным, но чем на самом деле закончится новое сближение — ученым пока неизвестно. Известно только, что расстояние между Землей и, на этот раз двухсотсемидесятиметровым, астероидом будет даже несколько меньше, чем в этом — благополучном — году».

Я, почему неизвестно, сразу про дворника нашего покойного вспомнил. И мне отчего-то так ясно сделалось, что между ним и

этим «благополучием» — сто процентов — какая-то связь имеется. Что это он тогда астероид чудовищный отвернул. А вот метет ли сейчас где-то двор новый чудак какой-нибудь, который через пятнадцать лет снова на себя беду примет — вопрос.

КОНТАКТЕР

Городок у нас хоть и маленький, провинциальный, но все-таки город! Даже общественный транспорт имеется. Да! Целых четыре маршрута автобусов с раннего утра и до позднего вечера ходят. Но провинция — это провинция, не мегаполис, где народищу... прямо как блох на дворняжке. И если у нас что необычайное вдруг происходит, то, разумеется, безо всяких там СМИ всем и каждому моментально известно становится.

Так что, когда диковинный бородатый «факир» в городке у нас объявился, посмотреть на то, что он вытворяет, толпа целая весь день на остановках стояла. Прямо как на балаганное представление собиралась!

Старик, как я уже и сказал, появился внезапно. Однажды утром возник будто из воздуха на остановке второго автобуса. В своих живописных левантийских одеждах — голубом, золотом расшитом халате, белоснежной чалме и джутти — он выглядел экзотично, загадочно, даже несколько инопланетно. И, разумеется, не запомнить его, один раз увидев, было просто невозможно.

Обычно поутру он появлялся на остановке незадолго до прихода первого в этот день автобуса, садился на тротуаре на квадратный маленький коврик так, чтобы оказаться у водителя прямо под носом, но так, чтобы и пассажиры тоже могли его видеть. В правой руке он неизменно держал многоконечную голубую звезду, а в левой — яркий плакатик с надписью: «Я уже здесь». И сидел неподвижно до тех самых пор, пока автобус не трогался с места.

После этого происходило нечто совершенно невероятное и необъяснимое. Старик начинал вдруг вибрировать всем телом — все сильнее, сильнее, сильнее... Пока неожиданно не отрывался от земли вместе с ковриком, не набирал в доли секунды безумную скорость... и, превратившись в вибрационное облако, не скрывался из виду. И когда автобус подъезжал к следующей оста-

новке, старик, возникнув из ниоткуда, как ни в чем не бывало сидел на коврике, держал перед собою звезду и плакатик и невозмутимо разглядывал водителя и пассажиров.

Первое время все, кто эту проделку видел, даже пугались, когда старик возникал на очередной остановке. Потом понемногу привыкли, успокоились, даже спорили, успеет ли восточный дед добраться до места, если скорость, к примеру, немного прибавить. Успевал, разумеется.

А через неделю большинство горожан уже относились к этой истории почти равнодушно. Но находились и те, кого эта проделка отчего-то раздражала, злила, вызывала непонятную ненависть. Мало того, на него жаловались в полицию, но поскольку старик не нарушал ничего совершенно, то никто даже и не пытался что-то с ним сделать.

Так недели две или даже три продолжалось. Но однажды какой-то псих засел где-то с винтовкой и, как только старик появился на остановке, выстрелил и попал ему в ногу. Старик страшно вскрикнул, отшвырнул от себя плакатик, завибрировал с поразительной скоростью и исчез — безвозвратно.

Его потом долго искали. Думали, что он где-то рану свою залечивает. Где-то отлеживается. Но так и не отыскали. Никаких следов даже не было. Оказалось, что он за все это время нигде в городе не останавливался. Ни в одно заведение общепита никогда не заглядывал. В гостиницах не ночевал. Даже одежды свои удивительные нигде не снимал и не чистил. А они у него ежедневно находились в безукоризненном виде, будто только что из магазина или химчистки. Так по сей день тайной его посещение и остается.

Теперь снова все, как и раньше, безо всяких загадок. Наверное, кто-то очень доволен — без шарад оно как-то спокойнее. Кому-то, должно быть, до лампочки — ну нету и нету. А мне очень жаль! Потому, что чудо редкостное в нашем городе происходило и больше его не будет. Понимаете, никогда больше не будет! Все будет по-старому, вяло и монотонно — провинциально.

Ведь никто так и не попытался с ним контактировать. Близко не подошел. А может, он именно этого ждал. Ведь недаром на плакатике странном было написано: «Я уже здесь». Может, он нас о чем-то оповещал таким образом. Передать, может, что-то хотел... Теперь, впрочем, догадки можно до бесконечности строить. Что это было — уже все равно не узнать.

А больше всего мне досадно, что я точно такой же, как все, оказался. Ведь и мысли не было подойти! Даже не возникало!

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ФОМАЛЬГАУТ

1

Однажды Каха Ардзинба сидел вечером дома и пил в одиночестве чай с баранками. То ли дверь у него была не заперта, то ли еще каким образом, но только внезапно перед его глазами предстал тощий желчный субъект, одетый довольно странно и даже диковинно — непонятно с каких таких дел, по моде викторианской эпохи. Мало того, и фрак с длинными фалдами, и атласный жилет, и чулки, и брюки, и галстук — все было ярко-зеленым, даже длинноносые туфли с пряжками; впрочем, цилиндр на субъекте был красный, с черной муаровой лентой.

Несмотря на веселенькое облачение, всем своим безнадежным обликом незнакомец напоминал снулую рыбу, отчего Каха сперва абсолютно нелогично подумал, что тот (в зелененьком!) агент какой-то похоронной компании и намерен его уговаривать совершить какую-нибудь идиотскую сделку. Поэтому он, не раздумывая ни секунды, заревел страшным голосом:

— Во-о-он по-шел! — и стал в бешенстве выбираться из-за стола, проливая из чашки чай и рассыпая из стеклянной вазы баранки.

Незнакомца такая встреча нисколько не обескуражила и не напугала; и пока нерадушный хозяин до него пытался добраться, чтобы вышвырнуть к чертовой матери, он торжественным, громким и раскатистым голосом записного глашатая возвестил:

— Вы хотели связаться с экзопланетой Фомальгаут b!

Каха Ардзинба, не успев даже выкарабкаться на свободу, так и застыл (даже рот не захлопнул) в неестественной позе, совершенно ошеломленный услышанным.

Да, правильно, третьего дня снился Кахе странный-престранный сон. Будто стоит он в унылой комнате перед огромным столом какого-то важного чиновника и повторяет, как заведенный, одну и ту же идиотскую фразу:

— Прошу-с выдать мне визу для посещения экзопланеты Фомальгаут b.

— Прошу-с выдать мне визу для посещения экзопланеты Фомальгаут b.

— Прошу-с выдать мне визу...

И так до бесконечности. И почему-то непрерывно униженно кланяясь. Будто он, спаси и помилуй, холуй какой-нибудь.

Бедный Каха проснулся тем утром усталый, совершенно разбитый. Только к вечеру наконец отошел и бредовый сон из памяти выпал. А теперь перед ним стоял какой-то зеленый шут гороховый и орал во все горло про эту самую экзопланету Фомальгаут b. Это уже вообще... выходило за всякие рамки.

Неизвестно из-за чего, мгновенно и бесповоротно сникнув, Каха буквально рухнул обратно на стул и в полном недоумении на зеленого субъекта уставился; а тот как ни в чем не бывало продолжал возглашать зычным голосом:

— В соответствии с тридцать четвертым параграфом уложения о мигрантах и визах, а также параграфа восемнадцать пункта семнадцатая прим точка шесть о целенаправленных видениях и кошмарах, вам надлежит не позднее двадцати четырех часов явиться на центральный таможенный пункт экзопланеты Фомальгаут b.

Для получения дозволения на перемещение и прохождение таможенного контроля вам должно посетить отделения четырех земных филиалов фомальгаутской таможенной службы, а именно: перемещений, виз, охраны здоровья и занятости. Адреса и порядок работы земных филиалов прилагаются.

В соответствии с действующим законодательством все услуги, равно как и перемещение на экзопланету Фомальгаут b, предоставляются заявителю безвозмездно.

В случае несвоевременного исполнения предписания или неявки без уважительных причин на центральный таможенный пункт Фомальгаута b вы подпадаете под ответственность о ложных межгалактических ходатайствах; и в соответствии с параграфом триста тринадцать пункт два точка десять уложения о наказаниях подлежащие двухчасовой общественно-показательной экзекуции. Точка.

Дата: ноль пятое ноль седьмое года две тысячи двенадцатого.

Подпись: П.Т.Ж.Ю.К. А-Ц.

Засим персона в зеленом положила на стол бирюзовый бювар с роскошно оформленной фомальгаутской официальной бумагой, церемонно откланялась и торжественно удалилась. А Каха Ардзинба остался неподвижно сидеть за столом в полном недоумении и протрации.

2

Отчего-то, несмотря на всю ирреальность и сомнительность происходящего, Каха Ардзинба перетрусил невероятно. До того

струхнул, что на нервной почве начались кишечные колики. Ночью не спал вовсе, все вертелся, крутился и, чуть рассвело, кинулся искать первый адрес, указанный в документе. Нашел черт знает где, на другом краю города, в престарой одноэтажной щитовой развалюхе, на двери которой висел огромный зеленый плакат, славянскою вязью написанный: «СЛУЖБА ПЕРЕМЕЩЕНИЙ».

А перед развалюхой впечатляющая очередь выстроилась — от двери до дороги, метров тридцать, не меньше. Ну, деваться-то Кахе некуда было, так что пристроился он в самый конец хвоста и стал, на часы поглядывая, продвигаться к заветной двери.

Но вот и для Ардзинба загорелась над обшарпанным входом зеленая надпись: «СЛЕДУЮЩИЙ». Каха бодро вошел и очутился в какой-то приемной; вот только в комнате почему-то никого не оказалось. Тогда от нечего делать стал Каха осматриваться: зеленый вертящийся стул, двухтумбовый письменный стол с анахроничной печатной машинкой, на стоячей рожковой вешалке — макинтош допотопный, под вешалкой — старомодные женские боты на красной подкладке, на правой стене — портрет какого-то тощего мрачного бородача в зеленых тонах, возле письменного стола — дверь с табличкой «РУКОВОДИТЕЛЬ»... И воздух в комнате затхлый такой, тяжелый, нежилым отдающий сильно...

Пока Каха осматривался, так никто в комнате и не появился. Зато наконец-то над начальственной дверью загорелось: «ВХОДИТЕ». Каха поспешно к двери приблизился, рывком ее на себя потянул, заскочил, дверь за спиной его тут же с жестким лязгом захлопнулась... и он попал в сумрачный, длинный, ведущий неизвестно куда коридор. Каха сначала опешил и стал рваться назад, в приемную, но только ручки с его стороны никакой не оказалось. Тогда он вдруг ужас до чего разъярился и стал бешено колотить в окаянную дверь ногами и кулаками, но только на грохот, понятно, никто не реагировал: ведь не было там никого! Куда было деваться? Утих Каха, смирился и отправился в путешествие по коридору. Долго довольно-таки скитался, минут, наверное, двадцать, когда вдруг услышал шум улицы, ветерком потянуло, и забрезжил отчетливо вдали солнечный свет... Каха прямо бегом устремился к этому свету. Выскочил, весь взбудораженный, возбужденный, и внезапно уткнулся в спину дородного дядьки, за которым в проклятой очереди перед этим чуть не два часа выстоял. Бред!

Но не успел еще Каха как следует изумиться, как подскочил к нему мужичонка вертлявенький в робе зеленой (дворник? грузчик?) и стал в ухо жаркой скороговоркой нашептывать:

— Двести всего. Подумаешь, всего двести. А я справочку тут же отдам, прямо тут же. Вы только имя свое в нее впишете — и готово, сдавать можно. Всего двести, делов-то. Ну что, отойдем маленько? А? Отойдем?

Ну что было делать? Вздохнул Каха печально, отошел с вертлявым в какую-то подворотню, отдал деньги, получил свою зеленую справку и бегом к стоянке такси направился, потому что время ощутимо уже поджимать начинало.

3

«Служба виз» отыскалась на такой же окраине, в таком же захолустном районе, в получасе езды от «Службы перемещений». Помещалась она в современном шикарном дворце из стекла и бетона, и баннер зеленый с названием службы за версту углядеть можно было. А вокруг дворца трущобы стояли такие — куда там фавелам! Ну ладно.

Зато очереди — никакой совершенно! Но охранник стоял — здоровенный детина, который бедного Каху чуть не догола раздеться заставил, во все мыслимые отверстия позаглядывал и на разных приборах просветил вплоть до внутренностей.

Ну впустил все-таки. Вошел Каха в приемную-ультра, а там сидит в кресле роскошном секретарша в прикиде оливковом, с волосами русалочьими и будто не работает за компьютером, а музицирует; а рядом тумбочки подкатные, лотки офисные, на стене телевизор плазменный... И аромат духов в комнате — мать моя рódная! И цветы повсюду в вазах шикарных, и картины в тонах малахитовых все стены увешали... Обалдел Каха от этого зрелища, слова молвить не в силах. Тут русалка компьютерная, улыбаясь, машет нежною ручкой с ноготками коралловыми, на дверь матового стекла показывает: заходите, мол, заходите.

Вошел обалдевший, оробевший Каха бочком в кабинет начальственный и видит: сидит перед ним чиновник вальняжный, барственный, одетый (к этому он уже начинал привыкать) во все зелененькое с иголки, с манерами безукоризненными... и из трубки дым ароматный пускает.

— Присаживайтесь, господин Ардзинба, — говорит чиновник приветливо. — Присаживайтесь, пожалуйста. Ждем вас, ждем. Чай? Кофе? Виски?

Поздоровался Каха, сел в широкое низкое кресло, руки на коленях сложил, ожидает, что дальше будет: раз чиновник и так его

знает, так уж тем более известно ему, зачем он явился. А должностное лицо и вправду продолжило:

— Трудности у нас, понимаете ли, господин Ардзинба, серьезные сложности. Никак мы из этих трудностей-сложностей, никак, знаете ли, не выберемся. Скандал скоро будет крупный — такие сложности. Двести.

И голову, по последней моде остриженную, набок склонил и сладчайшей из всех мыслимых улыбкой осклабился...

Взыграла тут в Ардзинба кровь кавказская, взвился он в ярости из шикарного кресла чуть не до потолка, но только лицо должностное нисколько такой реакцией не обескуражилось (видно, не в первый раз такое и, даст бог, не в последний) и выйти из-под контроля ситуации не разрешило:

— Ну что вы, честное слово, любезнейший, ну честное слово! Ведь совсем пустяковая сумма, ведь совсем пустяковая. Ну честное слово. И не надо, пожалуйста, смотреть на меня таким тоном. Ну не надо, пожалуйста, — закончил чиновник ласково и в упор, не стерев улыбку, на Каху уставился.

Молчит Каха, кулаки сжимает и разжимает, желваки так и ходят — вот-вот не терпит, взорвется. Тут же понял чиновник стреляный, что дело может плохо закончиться, и немедленно гордость кавказскую Кахину и охладил:

— Ну не буду я с вами спорить, любезнейший. Ну не буду. Не хотите — не надо. Заходите, милейший, завтра. Часиков в десять. Как раз к этому времени — безвозмездно, как по закону — все и оформим. Инструкция позволяет, приятнейший, позволяет. Охрану позвать? Но на всякий случай, дорогой вы наш, последний раз вам предлагаю: двести!

Вынул тоскливо ошельмованный Каха две бумажки по сто, расплатился, получил свою справку болотную и подался, скукожившись, в службу «Охраны здоровья».

4

Служба «Охраны здоровья» находилась в барачном поселке бывшей текстильной фабрики. Фабрика лет пять уж как разорилась, а поселок остался, и в нем народ обездоленный горе мыкал. Вот в одном из таких двухэтажных барачков и пеклись о здоровье фомальгаутских путешественников. А перед входной дверью в службу стояла толпа и о чем-то промеж собою скандалила. Может, толпе совсем и не в эту дверь надобилось, может, она просто случайно именно здесь собралась, но физиономии у бузящей пу-

блики были такие, что Каха и узнавать ничего не стал, даже приблизиться не решился, а отыскал наметанным уже глазом дядьку в балахоне зеленом и шарфике алом и напрямик к нему устремился.

— Сколько? — потребовал с ходу Каха, не вдаваясь в подробности.

— Двести, — ничуть не удивившись, сказал рыжий дядька и хитренько ухмыльнулся.

— Много. Давай слегка скинем. Поиздержался.

— Нормально. По таксе. Ну ладно, последнее слово: сто девяносто.

— Черт с тобой, — согласился решительно Каха и смачно сплюнул под ноги. — Подавитесь вы все, подлюки!

На том и расстались.

5

А время к закату пошло и уже поджимало так сильно, что Каха, весь мокрый от пота, запинаясь, назвал удачно подвернувшемуся «бомбиле» последний адрес, а тот, до чего приятные люди бывают, сказал, что улица эта всего в двух минутах езды отсюда находится, и даже подбросил бесплатно.

Но только не улица это совсем оказалась, а пустырь обыкновенный. Дом, куда Каха Ардзинба попасть намеревался, недавно снесли до фундамента, но зеленый плакат между двух деревянных столбов висел, как и положено. А на плакате чуть не аршинными буквами было написано: «В связи с неустранимыми техническими неполадками коридор Земля — Фомальгаут закрывается на период до тридцать первого октября две тысячи двести пятьдесят третьего года. При повторном открытии коридора вам надлежит немедленно возобновить оформление соответствующих документов».

И дата стояла недельной давности: двадцать шестое ноль шестое года две тысячи двенадцатого.

И знакомая подпись имелась: П.Т.Ж.Ю.К. А-Ц.

С тех пор Кахе Ардзинба никакие вещи сны больше не снились. И новые гости в зеленом тоже не появлялись.

Олег ВАЩАЕВ

ТЕПЛОХОЛОДНОСТЬ — ЖИВОПИСЬ ДУШИ

СТИХИ

В оформлении использована картина Виктории Стояновой

СТИХОТВОРЕНИЕ ЭТО...

Не просто так.
Не по трафарету.
Это особая форма выражения
особо ценного содержания,
с предвкушаемой начинкой
удивительного значения.
Это сгусток энергии,
в котором сначала едва заметны,
а потом ясно видны очертания.
И, если взглядеться,
проступают образы.
Стихотворение — это история,
может быть, несбыточная,
но история!
Это событие,
может быть, неслучившееся,
но событие!
Стихотворение рождается
из собственного опыта
сострадания:
начинается не с бухты-барухты,
а с мысли.
И обязательно получится,
если будет успешно услышано
и удачно записано —
под ангельскую диктовку.

* * *

Как буквы в тексте — пятна глубоки.
На глаз, на ощупь движется картина,
соединяя лучшие куски —
пейзаж гуашью, а портрет сангиной.
Теплохолодность — живопись души.
Ничто иное, некто или нечто.
Размазывать не надо, — покажи
о том, что зримо, но о том, что вечно.

ДИАЛЕКТИКА ДЖАЗА

От темы до коды —
раскачанный ритм,
аранжировка в квадрате.
Язык, акцент, фольклор, колорит.
Готовность быть на подхвате.

Душа его — блюз,
а стержень — звук
на кончиках пальцев, цепкий.
Лундстрем Олег, Эллингтон Дюк.
Импровизация, лепка.

Джаз устарел? А вальс устарел?
Ну так осовременьте!
Хмелел и свистел, ревел и хрипел!
Джаз идеален в моменте.

* * *

Снег в конце апреля —
свет в конце тоннеля.
Сонная аллея словно колея.
Снег еще быстрее.
Спится тяжелее.
И приходят мысли из небытия.
Это удивляет,
но не утомляет.

И не отдаляет то, что впереди.
Наше поколение
жаждет обновления?
Снега по колено, некуда идти...

Ничего не скроешь,
если не узнаешь.
Как себя настроишь,
так и заиграешь.

ЙЕ-О, ХО-ХО

Выпусти пар, капитан Америка,
и отвали в туман.
Скрылись вдали очертания берега,
где тосковал Бен Ганн.
Остров сокровищ парит на облаке,
кладоискатель спит.
А по соседству, в тенистом округе,
бродит притихший Флинт.
Мститель испанских морей по прозвищу
Черная Борода.
Боком вышли ему сокровища,
осточертела вода.
Страшный суд его не касается.
Веселый Роджер со дна
своей братве ядовито скалится,
слюна шипит, как волна!

* * *

Белошекая казарка
на реке Глухарке
поселилась в Петербурге
в детском экопарке.
По весенним свежим тропам
в Арктику транзитом.
Небо осенью в Европу
птицам не закрыто.

СИСТЕМА НИППЕЛЬ

Как ни откладывай завтра — оно придет.
Переведут на автонастрой, штрих-код.
Который едва понятен, но вездесущ.
Который мало приятен, но всемогущ.
Явная подоплека и тайный знак.
Тяжко в плотном потоке тому, кто наг.
Любо в гуще событий тому, кто фат.
Но человек — не рыба, хотя не факт.

СЕТЬ

Раньше мы «совещались» с Богом,
теперь отвечает «бот».
В белом круге, на красном фоне,
паутину паук плетет.
Кого на игру подсадила,
кого приучила красть.
Зависимость — злая сила.
Жесткий контроль и власть.

* * *

Хотел «закрепиться» в Сочи, у парка «Ривьера».
Но с прикупом — невезуха, и карта бита.
Живу на окраине Питера, у Шуваловского карьера.
И душа моя, как этот карьер, изрыта.
Камня на камне не оставила капля за каплей.
Насмешникам-злопыхателям от смеха тошно.
Бумеранг возвращается даже к переступившим грабли.
И отказаться от этого практически невозможно.

* * *

Хочешь дозу депрессии,
несовместимую с жизнью?
Сваливай в Питер, займи угол
в коммунальном капкане,

где обитают гастарбайтеры и студенты,
а прописаны сумасшедшие местного залива.
И будет тебе доза «с приходом»
по полной культурной программе!

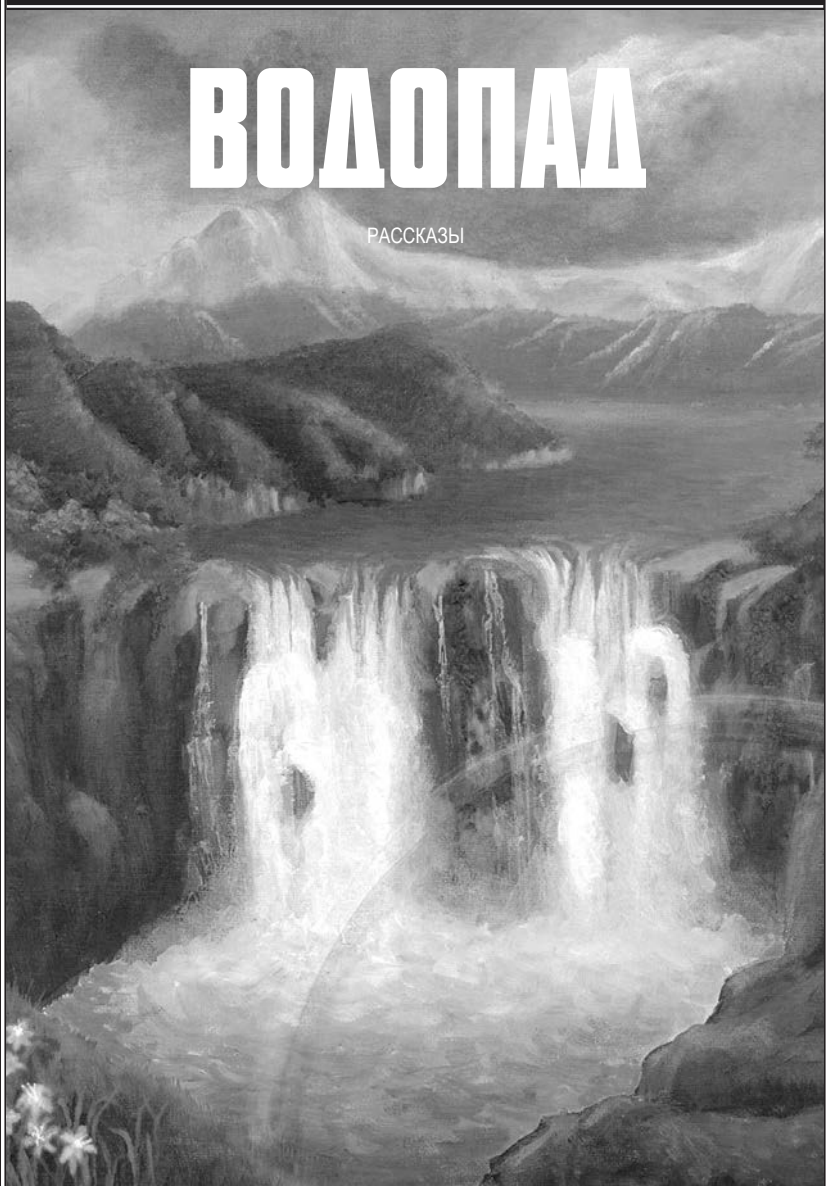
* * *

Небо — это чудо. Море — это тайна.
Между ними суша выросла случайно.
Облачные выси, пенные раскаты.
Посреди пустыни — синие стигматы.
Пурпурные пятна, бурые до дрожи.
Ангельские лики дьявольски похожи.
Левия Матфея и Левиафана.
И от Сотворения все идет по плану.
Быстрые течения, заросли-капканы.
А потом — Галея. И конец романа.
Крымского разлива жалкая крепленка.
«Солнцедар» для смеха и «Агдам» для понта.
Свора високосных — шустрая порода.
Те, кто в девяностых вышел из народа.
Завелась и сникла жалкая элита.
Кормовая база у потребкредита.
Верили ушами, притянули кризис.
Урки с торгошами замутили бизнес.
Буду слушать небо. Буду слушать сушу.
Отвяжусь от тела, положусь на душу.
Если не химера, стало быть, основа.
Маленькая вера, Верка Соколова.

Лев АВИЛКИН

ВОДОПАД

РАССКАЗЫ

В оформлении использована картина Томаса Аюле

БАЙКАЛ

Поезд Москва — Пекин нес меня к моей давнишней мечте, к Байкалу. Я сел в этот поезд в Перми, в прицепной вагон Москва — Улан-Удэ, а выйти мне надо было на станции Слюдянка, на самой юго-западной оконечности озера Байкал.

В вагоне было тесно, ни одного свободного места. Проходить в вагон-ресторан через китайские купейные вагоны можно было свободно, и я видел, что они были пустыми. В открытые двери некоторых купе было видно сидевшего в одиночестве китайца, рассеянным взглядом смотревшего в окно вагона и слушавшего китайскую музыку. Весь путь в поезде транслировалась только китайская музыка. Правда, однажды звучала финальная сцена Татьяны и Онегина из оперы Чайковского «Евгений Онегин», но на китайском языке.

Поезд шел быстро, остановок было мало. Первая остановка от Перми была в Свердловске, затем Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск и Слюдянка. Остановки были долгими, не менее 25–30 минут, и на каждой остановке китайские проводники щетками на длинных палках мыли борта и окна своих вагонов, что никогда не делали наши проводники. Проводниками во всех китайских вагонах были только мужчины.

Интересно было в течение трех суток пути наблюдать из окна вагона за сменой пейзажа. Вскоре после Свердловска Уральские горы остались позади, и почти до самого Новосибирска поезд шел по безбрежным степям Западно-Сибирской низменности. Ни деревца, ни кустика не видно до самого горизонта. Поезд идет будто корабль по спокойной морской глади.

Но вот перед Новосибирском постепенно равнинный ландшафт сменяется на горный, а после Иркутска поезд шел только по горной местности. Странно было видеть, как несколько ниже параллельно нам шел другой поезд, который через несколько минут оказался на встречном пути, а наш поезд, спускаясь вниз и сделав поворот, пошел в обратную сторону. И наконец из окна вагона я издали увидел цель своего вояжа — озеро Байкал. Поезд подходил к Слюдянке.

Байкал давно манил меня своей уникальностью. Это самое глубоководное пресноводное озеро в мире. Его максимальная глубина более полутора километров. Окруженный горами, Байкал занимает гигантскую тектоническую впадину и находится на высоте 456 метров над уровнем мирового океана. Его длина 636 километров при средней ширине 48 километров. Таким образом, занимая площадь 31,5 тысячи квадратных километров, озеро Байкал вмещает в себя воды больше, чем все Балтийское море. Двадцать процентов всей пресной воды на Земном шаре содержится в Байкале. В него впадает 336 рек, и только одна река, могучая Ангара, из него вытекает.

Прозрачность и чистота воды Байкала уникальны. Озеро к тому же самоочищающееся. Уникальны флора и фауна Байкала — некоторые их виды не встречаются более ни в одном водоеме мира. Именно такими являются байкальский омуль и байкальский тюлень нерпа.

Слюдянка — районный город Иркутской области. Сойдя с поезда, я без труда нашел единственную в городе гостиницу и занял единственный в гостинице одноместный номер. Этому способствовала телеграмма, которую я отправил еще из Перми с просьбой забронировать номер. Меня предупредили, что в многоместных номерах есть телевизор, а в одноместном нет, но я приехал на Байкал не для того, чтобы смотреть телевизор, а исключительнознакомиться с озером и его окрестностями. Так я хотел провести отпуск в 1982 году.

Из всей мебели в одноместном номере были узкая солдатская кровать, стол и один стул. Шкафа для одежды не было, его заменил гвоздик на стене. Но меня это устраивало, так как я чувствовал себя туристом и приехал не с чемоданом, а с рюкзаком, как и положено туристу. В одноместном номере я имел возможность в любое время спокойно отдыхать после утомительных прогулок по окрестностям Байкала.

На другой день, прогуливаясь по берегу Байкала, я увидел маленький ручеек, лениво несущий свои воды в озеро. Ручеек был

настолько мал, что его легко мог переступить ребенок, не замочив ноги. Мне объяснили, что это и есть та самая река, имя которой носит город, что меня сильно удивило. Однако мое удивление многократно возросло, когда я дня через три, будучи на том же месте, ручейка не обнаружил.

— А где же ручей Слюдянка? — спросил я местного жителя, проходившего мимо.

— Он пересох, — ответил абориген. — Вот пройдет дождь, и увидите его снова.

— И в честь такого крохотного ручейка назван город? — удивленно воскликнул я. — Ну дела!

— А вы пройдите вверх по высохшему руслу. Там его и увидите, — получил я ответ.

И я пошел. Пройдя несколько десятков метров вдоль пересохшего русла, я увидел ну уж совсем маленький ручеек, который где-то здесь и терялся, уходя в землю. Я пошел дальше вверх по течению. Вскоре я увидел, что ручеек стал увеличиваться. Он скатывался с горы хребта Хамар-Дабан, обрамляющего юго-восточное побережье озера Байкал. Я стал подниматься в гору. Гора была покрыта густым лесом, в котором громко щебетали птицы. И чем выше я поднимался, тем полноводнее становился ручей. Вскоре ручей, как по волшебству, стал превращаться в речку. Поднявшись еще выше, я увидел перед собой бурную горную реку, которую не только перейти было невозможно, но даже войти в нее было опасно. Ее бурные волны, дробившиеся о скользкие и острые утесы, могли сбить с ног любого смельчака, отважившегося на безрассудный поступок перейти реку вброд. И чем выше и дальше я поднимался вдоль реки, тем она становилась шире, полноводнее и сильнее. Вокруг был густой таежный лес, оглашаемый звуками бьющихся о скалы волн бурной горной реки и громкими криками лесных птиц. Нельзя было даже подумать о том, чтобы вброд перейти эту реку. Поднявшись еще немного вверх, я вдруг увидел большой стенд с надписью: «Стойте! Взрывные работы!»

Позднее я узнал, что здесь, в верховьях реки Слюдянки в горах хребта Хамар-Дабан, издревле велась добыча слюды, этого породообразующего минерала, обладающего высокими диэлектрическими свойствами и термостойкостью. Здесь же велась и добыча поделочного камня, такого как лазурит и мрамор.

Увидев стенд с запрещающей дальнейшее движение вверх надписью, я понял, что все равно до истока реки мне не добраться, да к тому же это опасно, и я стал спускаться вниз.

Мне стало понятно, почему город назван в честь этой сильной горной реки.

Меня несколько удивил тот факт, что река набирает силу от устья к истоку. Как-то привычнее считать, что чем ближе к устью и дальше от истока, тем река полноводнее. Классическим примером этому служит самая крупная река Европы Волга, берущая начало где-то в лесах Валдая из маленького ключика, превращаясь в полноводную транспортную магистраль, обеспечивающую водой и энергией много крупных городов и промышленных предприятий.

На окраине города, у подножия гор, стоит и функционирует камнеобрабатывающий завод. Мне захотелось посмотреть на технологию обработки мрамора, и я решил посетить это предприятие. На заводе не было никакой охраны, и я свободно вошел в цех, где велась обработка мрамора.

Я обратил внимание, что все станки, как и все оборудование, были итальянского производства. В большом станке я увидел зажатую крупную глыбу мрамора размером в высоту и ширину не менее 2,5 метра, распиливаемую автоматическими пилами на узкие двухсантиметровые пластины. Пластины эти в других станках распиливались на прямоугольные куски. Затем поверхность прямоугольных кусков обрабатывалась на многочисленных шлифовальных станках, на которых работали только женщины. Стоя позади одной из шлифовальщиц и наблюдая за ее работой, меня поразил низкий уровень техники безопасности на этой операции. Весь рабочий день руки женщины-шлифовальщицы находились под сильной струей холодной воды, обильно смачивающей поверхность куска мрамора, который женщина держала и переворачивала. При этом она была в резиновых перчатках. Не мудрено при таких условиях работы приобрести профессиональное заболевание типа ревматизма. Вот о чем надо бы подумать, когда мы испытываем эстетическое наслаждение при осмотре московского и петербургского метро.

К достопримечательностям города следует отнести и единственное в мире здание железнодорожного вокзала, построенное из нешлифованного белого мрамора.

Однако целью моей поездки на Байкал было не проживание в Слюдянке, а само озеро и его окрестности. Поэтому я решил съездить на поезде по старой железной дороге в поселок городского типа Байкал, расположенный в 89 километрах от Слюдянки у самого истока реки Ангары. Именно здесь Ангара вытекает из озера.

Я употребил выражение «старая железная дорога». Правильное же ее название — Кругобайкальская железная дорога (КБЖД). Эта дорога долгое время была основным ходом Транссиба, но со вступлением в 1949 году в строй новой ветки, идущей от Иркутска до Слюдянки не по берегу Байкала, утратила свое стратегическое значение, превратившись в дорогу только местного значения. Несмотря на это, Кругобайкальская железная дорога не утратила своей уникальности. Все ее 89 километров пути тянутся по берегу озера, у самого уреза воды, проходя через 38 тоннелей общей длиной более 9 километров. Самый длинный тоннель имеет протяженность 777 метров. КБЖД проходит через несколько населенных пунктов, главными из которых являются Култук, Маритуй, Ангасолка, Шарыжалтай, Шумиха и Уланово. Поселок Байкал — конечный пункт этой дороги. Пассажирский поезд по этой дороге от Слюдянки до поселка идет около 7 часов, ныряя из тоннеля в тоннель. Из окна вагона хорошо видна зеркальная ширь озера и город Байкальск с его целлюлозно-бумажным комбинатом, расположенным на другом берегу озера в нескольких километрах восточнее Слюдянки.

Зимние пейзажи этой КБЖД в течение нескольких секунд можно видеть в художественном фильме «Адмирал». Правда, непонятно, почему постановщики фильма включили именно КБЖД в тот эпизод, когда адмирал Александр Васильевич Колчак едет на поезде из Омска в Иркутск. Ведь перегон Омск — Иркутск лежит западнее Кругобайкальской железной дороги.

Приехав на конечный пункт, то есть в поселок Байкал, я прежде всего пошел осматривать вытекающую из озера Ангару. Бурные воды этой красавицы-реки с шумом изливались из озера Байкал и неслись сквозь сибирскую тайгу в Енисей и далее в Ледовитый океан.

На другом, правом берегу Ангары стоит поселок Листвянка. А прямо посередине истока реки можно видеть Шаман-камень, служивший ориентиром и границей между Байкалом и Ангарой. Много легенд сложено об этом камне. По одной из них, самой красивой, старик Байкал бросил этот камень вдогонку непослушной своей дочери Ангары, сбегавшей от него к красавцу-богатырю Енисею.

Поселок Байкал самый крупный порт на озере. Однако нельзя сказать, что здесь было много плавсредств, что в нем бурлила жизнь. Оживленно работала только паромная переправа порт Байкал — Листвянка. Грузовых операций не наблюдалось. И вообще, судоходство по озеру хоть и ведется, но слабое. Это и понятно: озеро надо беречь. Грузовых судов мало. Я даже не видел

их совсем, кроме того, на котором я в дальнейшем совершил круиз по Байкалу. Пассажирское сообщение между портом Байкал и Нижнеангарском, самой северной оконечностью Байкала, осуществлялось двумя судами на подводных крыльях типа «Метеор» и всего одним небольшим пассажирским водоизмещающим судном «Комсомолец». Только эти три судна и курсировали между населенными пунктами, расположенными у озера.

Я хотел было совершить поездку по Байкалу на «Комсомольце», но не получилось — билеты были давно распроданы. Поездка на «Метеоре» меня мало привлекала, так как на судах на подводных крыльях нет возможности в полной мере насладиться озерными пейзажами, что не соответствовало моим целям.

Назад я возвращался ранним утром. Солнце уже взошло, и его блики переливались всеми цветами радуги на перламутровой глади озера. Хорошо было видно, как резвится байкальская нерпа, радуясь новому дню.

Весь обратный путь я находился под впечатлением увиденных красот байкальской природы.

Вместе со мной в вагоне ехала одна молодая пара, с которой у меня завязалась беседа. Как выяснилось, это были молодые супруги, которые работали специалистами-экологами на байкальском целлюлозно-бумажном комбинате. Я завел с ними разговор об экологии. Дело в том, что такое предприятие, как целлюлозно-бумажный комбинат, требует очень большого количества воды, и такое же количество выбрасывается загрязняющих природу веществ. Байкальский ЦБК, вступивший в строй в 1966 году, построен на берегу самого чистого в мире пресноводного водоема с целью обеспечения нужд военного авиастроения целлюлозной продукцией. Загрязняющие сбросы этого предприятия могут превзойти возможности самоочищения Байкала, несмотря на пути создать замкнутый цикл водопользования. Мои новые знакомые только пожимали плечами на мое возмущение по этому поводу — они были бессильны противостоять ЦК КПСС, взявшему курс на милитаризацию страны.

Рассказ о моей поездке на Байкал был бы неполным, если бы я не упомянул о своем путешествии на грузовом судне по всему озеру, от самой южной его точки до самой северной — от Култук до Нижнеангарска.

В этот период шло активное строительство знаменитого БАМа — Байкало-Амурской магистрали, новая строящаяся ветка которой начинается в Усть-Куте и проходит по северному

берегу Байкала через Северобайкальск и Нижнеангарск на Дальний Восток. С южного берега Байкала, из поселка Култук, грузовое судно, груженное стройматериалами для строительства БАМа, совершало рейсы до Нижнеангарска. Этим я и решил воспользоваться. Представившись как капитан морского флота в отпуске, я попросил взять меня на один рейс до Нижнеангарска, где я надеялся (и, как оказалось, напрасно) по новостроящейся железнодорожной ветке добраться до Усть-Кута, откуда уже можно было пассажирским поездом выехать в Пермь. Капитан грузового судна не отказал мне в просьбе и даже предоставил свободную каюту. Я давно обратил внимание на доброжелательность и гостеприимство людей, живущих вдалеке от цивилизации.

Заручившись согласием капитана, я быстро «сгонял» в Слюдянку (благо Култук находится в трех-четыре километрах от Слюдянки), сдал номер в гостинице и переселился на грузовой теплоход.

Рейс начался. Мы с капитаном и его помощниками довольно быстро нашли общий язык — вели разговоры о морском и озерном судовождении или же просто обменивались профессиональными байками.

Радиолокационная станция (РЛС) на этом судне была речная «Р-722», которая выдавала расстояние не в морских милях, а в километрах. Как раз в этом рейсе эта РЛС дала сбой, перестала определять дистанцию, хотя обзор горизонта давала исправно, но без дистанционных кругов на экране. Я немного разобрался в этой РЛС, так как преподавал технические средства морского судовождения в пермском речном училище. Попросив разрешения, я заглянул в РЛС и обнаружил, что не работает одна электронная лампа. Заменяв ее, я ввел РЛС в строй, чем капитан остался очень доволен.

За все время рейса (двое с половиной суток) мы не встретили ни одного судна, и только один раз на очень большом расстоянии нас обогнал один «Метеор».

Грузовое судно идет без остановок и заходов в населенные пункты, да мне все это было и не нужно. Я с удовольствием разглядывал проплывающие мимо берега, горы, которые, несмотря на большую ширину озера, были видны с обоих бортов.

Весь путь я наслаждался красотами байкальской природы. Особенно меня восхитил самый большой остров Байкала — Ольхон. И очень жаль, что мне не удалось увидеть западное побережье острова, имеющее несколько природных ландшафтных памятников. Зато я хорошо разглядел мыс Хобой — северную оконечность острова. Самая выдающаяся часть мыса представляет

собой эффектную столбовидную скалу, внешне напоминающую острый клык. А на самом краю мыса возвышается скала, которую местные называют Дева, так как она имеет ярко выраженные очертания женского профиля. По одной из бурятских легенд, боги превратили женщину за стяжательство и зависть в камень со словами: «Покуда на земле будут зло и зависть, будешь камнем!»

На других огромных валунах вблизи мыса Хобой было видно немногочисленное лежбище нерпы. Однажды я даже попытался заняться ловлей рыбы. Для этого выпустил блесну на спиннинге, буксируя ее с кормы теплохода. Но опыт не удался. Блесна в скором времени, попрыгав немного по поверхности воды в кильватерной струе судна, оторвалась, и я смотал на катушку спиннинга пустую леску, без блесны. Но рыбалка все-таки состоялась. Тут-то и начинается один из самых примечательных моментов моего вояжа на грузовом теплоходе по Байкалу.

Пройдя самый большой и живописный остров озера Ольхон, теплоход повернул влево, подошел к берегу и носом уткнулся в него. Его машины продолжали работать, создавая за кормой кильватерную струю. На корму высыпали все члены команды, и рыбалка началась. В кильватерную струю запускались спиннинговые лески с цветной пластмассовой изоляцией от электропроводки на крючке. Никаких блёсен, никаких наживок, насадок больше не было. Одну за другой вытаскивали рыбу. Не успевали забросить леску, как ее уже надо было тянуть. Шел крупный байкальский хариус. В самом центре кормы рыбачил сам капитан. Слева и справа от него расположились другие члены экипажа, притом, чем выше чин члена экипажа, тем ближе было его место к капитану, то есть к центру кильватерной струи. По бокам рыбачили «нижние» чины, но и у них получалось совсем не плохо. Сверкая блеском серебра, упруго извиваясь на крючке, хариус ловко снимался с него, и с этой же самой насадкой-изоляцией крючок забрасывался вновь. Я тоже приткнулся со своим спиннингом, но уж где-то совсем в стороне. Никто не захотел уступить мне место ближе к кильватерной струе. Но и здесь мне все же удалось подцепить несколько рыбин — всего лишь несколько, в то время как в центре рыба шла одна за другой.

Улучив момент, я спросил у капитана:

— А что, не боитесь рыбоохрану? Ведь это же, по-моему, в какой-то степени браконьерство.

— Какая здесь рыбоохрана! — ответил капитан. — Не вздумай сойти на берег, не то выйдет из тайги медведь или рысь. Вот тебе и вся рыбоохрана. Тайга кругом.

Наловив достаточное количества хариуса, кок экипажа распотрошил несколько рыбин и положил их в морозильную камеру холодильника. Такой замороженный хариус они называют «расколodкой», потому что рыбу раскалывают и едят прямо сырой. На тарелку насыпают соль, обильно смешивают ее с перцем, кусок отколотого замороженного хариуса макают в эту смесь и... в рот. Я тоже отведал этого необычного блюда. Изумительно вкусная, надо сказать, еда, как никакая подходит закуской к рюмке водки.

Вот наконец и небольшой порт Нижнеангарск, и теплоход становится под разгрузку. А я стал прощаться с экипажем и собираться домой.

Сойдя на берег, я увидел, что Нижнеангарск живет активной жизнью. Мне объяснили, что регулярного железнодорожного сообщения с Усть-Кутом нет, но до него можно добраться на рабочем поезде, состоявшем только из товарных вагонов и открытых платформ. Местные прозвали этот поезд «бичевозом», потому что на нем ездили всякого рода безработные личности, приехавшие на БАМ в погоне за длинным рублем. А слово «бич» — это якобы аббревиатура словосочетания «бывший интеллигентный человек». Но это неверно. В данном случае слово «бич» взято из морской терминологии. Так, например, моряки, оставшиеся без работы, говорили, что они в настоящее время сидят «на биче» (от англ. *beach* — морское побережье, пляж), то есть на берегу. А уж отсюда безработных стали называть «бичами».

И вот я решил воспользоваться этим «бичевозом», чтобы добраться до Усть-Кута, откуда уже можно было пассажирским поездом выехать в Пермь. Очень скоро я увидел, что это бессмысленно. У «бичевоза» не было никакого расписания. Он шел то вперед, то, остановившись где-то и нагрузившись, в обратную сторону. Вагоны были загружены всякими строительными материалами, и ехать можно было только на открытой платформе в обществе «бичей». Отъехав несколько километров от Нижнеангарска, я пожалел, что связался с «бичевозом». Сошел с поезда и решил вернуться назад. Но как? «Бичевоз» в Нижнеангарск не шел, и мне пришлось эти несколько километров идти пешком. Вскоре стемнело, и стало жутковато — вокруг тайга, кишущая всякой дичью. Устроившись под развесистым кедром, я стал дожидаться утра. Как только забрезжил рассвет и стали хорошо видны шпалы железной дороги, по которым только и можно было идти, я продолжил свой путь. Шел быстро, без остановок, несмотря на усталость, так как боялся опоздать на теплоход.

Добежал вовремя — теплоход уже готовился к отплытию. Ни капитан, ни другие члены экипажа не отказали мне, взяв в обратный рейс. Я был спасен.

Весь обратный путь я снова любовался байкальскими пейзажами, которые приводили меня в полный восторг. Уже очень далеко, у самой линии горизонта, нам навстречу попало пассажирское судно.

— Вон «Комсомолец» идет, — показал мне на него капитан.

Вскоре солнце зашло за горизонт, и стало стремительно темнеть. Я обратил внимание, что мы идем без включенных навигационных огней. Ни бортовые отличительные, ни топовые, ни гакабортные огни не горели.

— А почему без огней идем? — спросил я капитана.

— А зачем они нужны? — получил я ответ. — Видишь, никого нет. С «Комсомольцем» разошлись пару часов назад. «Метеоры» ночью не ходят. Вот они и не нужны.

Такой ответ для меня был более чем странным. Что в море, что на наших реках движение судов без ходовых огней не представляется возможным.

Сразу же по прибытии в Култук я распрощался с гостеприимным экипажем, выпил с капитаном рюмку водки, закусив расколдой, и сошел на берег.

Часа через три скорый поезд мчал меня в Европу.

ВАЛДАЙ

Волга берет начало в лесах Валдая Тверской области и впадает в Каспийское море, имея длину более трех с половиной тысяч километров. Являясь главной речной магистралью России, Волга несет свои воды мимо крупнейших городов России, таких как Тверь, Кострома, Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Ульяновск, Самара, Саратов, Волгоград и Астрахань.

Замечено, что все крупные города на Волге, имеющие названия женского рода, расположены на ее левом берегу, а города с названием мужского рода — на правом. Так, Кострома, Казань, Самара, Астрахань находятся на левом берегу Волги, а Рыбинск, Ярославль, Нижний Новгород, Ульяновск, Саратов, Волгоград — на правом.

В довоенный период, когда Волга не была перекрыта каскадом плотин и водохранилищ, ее течение было значительным. Трудно было человеку, вошедшему в воду, стоять, не сопротивляясь

течению. Щепка, брошенная в реку в самом ее верховье, достигала Каспийского моря через 2–2,5 месяца. Сейчас на перекрытой каскадами плотин Волге течение не ощущается совсем. Эта же самая щепка, брошенная в верховье, достигает устья реки через несколько лет. Стоит вода в Волге. В теплое время года она покрывается густым слоем водорослей, что очень хорошо видно с теплоходов, идущих по Куйбышевскому водохранилищу. Как по болоту идут суда по этому водохранилищу, рассекая форштвенем зеленые от водорослей массы воды. Видно даже, как по поверхности воды мечется больная рыба, не способная уйти на глубину. Поиск научно обоснованных путей восстановления экологического режима Волги до сих пор не дает ощутимого результата.

По своему экономическому значению Волга, как транспортная магистраль, занимает особое место среди рек России. Каналами Волга соединена с Балтийским, Азовским и Белым морями.

Являясь самой крупной рекой Европы, Волга берет начало из крошечного ручейка на Валдайской возвышенности, лежащей на высоте 321 метр над уровнем Мирового океана, и впадает в Каспийское море-озеро, уровень которого лежит на отметке 28 метров ниже уровня Мирового океана. Таким образом, перепад уровней Волги от истока до устья составляет 349 метров.

Летом 1964 года я решил съездить на мотоцикле к истоку Волги. Путь мой к нему пролегал из эстонского городка Пярну через Псков и далее на Валдай. Но доехать до самого источника реки даже на мотоцикле мне не довелось из-за бездорожья. Последние несколько километров пришлось пройти пешком, оставив мотоцикл в какой-то окрестной деревне. Но... все по порядку.

Стояло жаркое лето. Ранним июльским утром мы с сыном выехали на мотоцикле чешского производства CEZET, на багажнике которого была надежно закреплена раскладная брезентовая палатка.

В Пскове мы остановились на ночлег у моего старого приятеля Анатолия Лукина, однокурсника по институту. Утром мы двинулись дальше.

Исток Волги находится у самой западной границы Калининской (ныне Тверской) области, поэтому наш путь пролегал по Псковской и Новгородской областям.

Ох уж это знаменитое российское бездорожье! Стоило только свернуть с главной автодорожной магистрали Псков — Остров, как начались наши дорожные мытарства. По грунтовой дороге ехать на мотоцикле еще, конечно, можно, но подчас огромные выбоины, колдобины, глубокие колесные колеи тяжелых грузовиков

под силу одолеть только тракторам да тяжелым машинам, но никак не мотоциклам типа CEZET, предназначенным для езды по асфальтированным дорогам.

К вечеру мы, уставшие от езды по ухабам, добрались до Старой Руссы. Проехав этот небольшой старинный российский городок и реку Ловать, несущую свои воды в озеро Ильмень, мы остановились на ночлег на ее берегу на окраине какой-то деревни, за которой начиналось чистое поле с пасущемся на нем стадом коров. Разбили палатку. Поймали несколько плотвичек и стали готовить ужин.

В надежде купить немного картошки и лука для ухи я пошел в деревню. У крайней избы я увидел старушку, возившуюся в своем огороде. Подойдя к забору, я обратился к ней со словами:

— Здравствуйте, бабушка! Нельзя ли у вас купить несколько картофелин для ухи и, если возможно, пару луковиц?

Старушка оставила свою работу, подошла к забору и говорит:

— А ты кто такой, милоч? Ты куды путь держишь и где остановился?

Я объяснил старушке положение и сказал, что остановился в палатке на берегу речки.

— А не хочешь ли молочка, милоч?

Я ответил, что с удовольствием куплю и немного молока. Старушка попросила меня подождать и направилась в избу. Через некоторое время она вынесла в плетеной корзине несколько картофелин, большой пучок зеленого лука с головками, кринку молока и говорит:

— Вот, возьми, милоч. Только корзинку да кринку мне принеси назад.

— Спасибо, бабушка, — поблагодарил я. — Сколько я должен?

— Да ничего не надо, милоч, — ответила старушка. — Все равно ведь добро пропадает. Молоко свиньям сливаем.

— Почему свиньям? — удивился я. — Разве нельзя излишки молока сдавать куда-то государству, в какой-то приемный пункт?

— Как же нельзя? — отвечает старушка. — Можно. Приемный пункт есть, да он отсюда версты три, поди, будет. А у нас с моим стариком сил нет носить туды излишки. Старые стали. Вот и сливаем молоко свиньям.

— Так надо сказать, чтобы к вам приезжали с приемного пункта, — говорю я старушке

— Э, милоч, сто раз уж говорили. Да кто нас послушает, стариков, — отвечает старушка. — Не приезжают, и все тут. Да бог им судья, хозяйственникам нашим. А ты бери молочко, бери, лук

бери, картошку. Кушай на здоровье. Не забудь только корзинку мне вернуть.

Ничего не поняв, я взял корзинку и пошел к своей палатке. Рыбешка была уже почищена, костер разожжен.

Стоял теплый июльский вечер. Ярко вызвездило небо. От реки тянуло приятной прохладой. Поужинав ухой, мы с удовольствием устроились на ночлег в палатке и быстро уснули под убаюкивающий стрекот кузнечиков и кваканье лягушек.

Часов в пять утра, когда солнце стояло уже высоко, нас разбудил оживленный разговор целой толпы женщин с ведрами, бидонами и флягами, которые направлялись в поле. Я поинтересовался, куда это они идут в такую рань. Они ответили, что им надо подоить коров, которые пасутся в поле.

Проводив женщин, мы собрали палатку и двинулись дальше. Дорога становилась все хуже и хуже. Она шла то через лес, то через поле, а иногда через какие-то болотистые места, и тут уже приходилось слезать с мотоцикла и толкать его руками. В скором времени стало совсем невозможно передвигаться на мотоцикле. К вечеру мы добрались до какой-то деревни, состоявшей буквально из нескольких домов, и попросили у местных разрешения оставить мотоцикл на некоторое время в одном из дворов. Здесь же мы переночевали на сеновале и утром пошли пешком.

Оказалось не так-то просто найти деревню с названием «Волговерховье». Блуждая по лесу, мы сбились с пути. Вышли к какой-то небольшой деревушке и спросили у первой встретившейся нам женщины дорогу к Волговерховью. Она сказала, что сама собирается идти туда, как только покормит ребят, которые вот-вот должны вернуться из леса. Мы решили подождать ее, тем более что изрядно устали. Отдыхать сели на завалинку под окном ее избушки. Вскоре мы увидели троих маленьких ребят, выбежавших из леса. Два мальчика и девочка. Их рты были густо измазаны черникой.

Сидя под открытым окном, мы хорошо слышали, как мать их кормила. Дети явно ссорились из-за куска хлеба. Я отчетливо слышал, как один мальчик с обидой в голосе сказал: «Ей-то больше молока налила!» И меня больно поразил контраст между этой деревней и той, где молоко выливают свиньям. Там молоком кормят скот, а здесь его не хватает детям.

Покормив детей, женщина вышла, и мы все вместе отправились в деревню Волговерховье. Дорога шла через лес. Завязался разговор, в ходе которого я спросил, где ее муж, отец детей.

— А он упился, — спокойно ответила она. — Вот уж третий год, как похоронили.

— Что значит «упился»? — не понял я.

— Крепко выпил, — ответила она, — и на третий день нашли его в лесу уже мертвым.

Мне как-то стало неловко продолжать эту тему, и я замолчал. Но идти молча так себе удовольствие, и я вновь завел разговор:

— А что ж мужиков в полях не видно? Вот я сколько еду, все вижу и на сенокосе, и на других работах — одни бабы. Где мужики-то?

— Да их и не осталось почти, — отвечает она. — Одни старики в деревнях. А молодые разбежались кто куда. Да и что с них взять-то, с тех, кто остался. Из них ведь кто тракторист, кто механизатор какой. Вот и возятся со своими тракторами, сеялками да комбайнами. И пьют хорошо. Вот их и не видно нигде. А на работу их не загонишь.

Так, с разговорами, мы подошли к Волговерховью. Деревня оказалась очень маленькой, всего несколько дворов. Жителей почти не видно.

Деревня стоит на невысокой водораздельной возвышенности, от которой на северо-запад текут два малоизвестных маленьких ручейка, впадающих в реку Пола, несущую свои воды в озеро Ильмень и далее в Волхов, Ладожское озеро, Неву и Балтийское море.

На юго-востоке этой возвышенности берет начало очень маленький ручеек, который и принято считать началом Волги, самой крупной реки Европы. Этот ручеек протекает через систему Верхневолжских озер Малые и Большие Верхиты, через более крупные озера, входящие в эту же систему, Стерж, Вселуг, Пено и Волго.

Сам исток этого ручейка находится примерно в 250 метрах от деревни. Здесь стоит деревянный домик-часовня, на фронтоне которого имеется надпись: «Исток великой русской реки Волги». В центре домика в полу вырезано круглое отверстие, находящееся как раз над источником. Похоже на колодец. Из него можно даже зачерпнуть воду.

Войдя в этот домик по деревянному настилу (ибо домик стоит на болоте), мы достигли цели своего путешествия. Заглянув в колодец, мы увидели довольно мутную воду, что и неудивительно: домик с колодцем стоит на болоте. Однако мы ясно видели, как в колодце мелькнула крохотная рыбка-малек. Мы вышли наружу, желая посмотреть на ручеек, именуемый Волгой. Вокруг домика было довольно сухо, так как стояло жаркое лето. Никакого ручейка мы не нашли.

Вернувшись в деревню, я спросил у двух старушек, сидевших возле избушки на лавочке:

— А где же сам ручеек-то, который называется Волгой?

— Так он пересох, — отвечают бабки. — Если хотите на него посмотреть, то ступайте версты две вон туды. Там его и увидите. Только чаво на него глядеть-то? Ручей как ручей. И чаво ходят люди? И шастают, и шастают!

Получив такой ответ, я был немало удивлен, так как никого из туристов ни у домика, ни в деревне видно не было.

Современный читатель может удивиться такому положению, однако в описываемое время было именно так. И домик был убогим и ветхим, и туристов я не видел. Это только в 1974 году вышло постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных богатств в районе озера Селигер, а также развитию зоны отдыха в этом районе».

Обратной дорогой мы торопились. День клонился к вечеру, а нам надо было по незнакомым лесным дорогам до наступления темноты добраться до той деревни, в которой оставили мотоцикл. Было уже темно, когда мы, усталые и голодные, наконец добрались до места. Переночевав на сеновале, утром мы двинулись в обратный путь.

Обратный путь мы выбрали через Ленинград, поэтому нам следовало выехать к Валдаю, городу, который стоит на главной автодорожной магистрали Москва — Ленинград. Сам черт, наверное, создавал дороги в этом краю. Постоянно приходилось слезать с мотоцикла и толкать его руками. Вконец измученные, мы все-таки выбрались на шоссе. С каким удовольствием мы катились по асфальтированной дороге! На ночлег устроились в кемпинге под Новгородом, а утром, отдохнувшие и бодрые, поехали в этот старинный город.

Новгород! Великий Новгород! Один из древнейших городов России. Сюда, на Новгородскую землю, был призван легендарный князь Рюрик. Здесь зародилась российская государственность. Именно здесь в 1862 году в царствование императора Александра II скульпторами Микешиним и Шредером напротив Софийского собора воздвигнут памятник «Тысячелетие России». Установленные на шаре-державе (символ царской власти) ангел с крестом, олицетворяющий православие, и преклоненная женщина, олицетворяющая Россию, венчают памятник. Семнадцать фигур вокруг шара-державы символизируют различные периоды истории России. Нижний ярус памятника занимают сто девять фигур исторических деятелей России.

Величествен Софийский собор, воздвигнутый в 1045–1050 годах. На кресте центрального купола собора сидит свинцовый голубь — символ Святого Духа. По легенде, в 1550 году царь

Иван Грозный так жестоко расправился с жителями города, что прилетевший голубь, который сел отдохнуть на крест собора, окаменел от ужаса, увидев страшное побоище. Легенда гласит, что этот голубь послан в утешение городу, и пока он не слетит с креста, город будет им храним.

От стен этого собора дружины русских воинов под предводительством Александра Невского шли на войну с рыцарями Тевтонского ордена, которых разгромили в битве на Чудском озере, которая вошла в историю под названием Ледовое побоище.

После Новгорода наш путь пролегал уже по хорошей асфальтированной дороге на Ленинград и далее в Эстонию, на Таллинн. Авто-трасса Ленинград — Таллинн еще лучше, чем Москва — Ленинград. Большая часть трассы выложена железобетонными плитами. Хорошая дорога! Но одно обстоятельство все же поразило меня. Уже за Нарвой, то есть на территории Эстонии, мы остановились отдохнуть в какой-то маленькой деревушке, расположенной прямо у трассы. Разговорились с местными жителями. Нам рассказали, что одна девочка за отличную учебу и активное участие во всех пионерских мероприятиях получила путевку в общесоюзный пионерский лагерь «Артек» и сейчас собирается в дорогу. Девочка на меня произвела приятное впечатление. Видно, что умница и хорошо воспитана, но по-русски почти не говорила. Но самое главное, чему я был несказанно удивлен, так это то, что в этой деревне между Ленинградом и Таллинном, стоявшей на оживленной автотрассе, не было электричества. И это в 1964 году, во второй половине XX века! Поразительно! Трудно в это поверить, но было именно так!

В дальнейшем мы без приключений завершили свой вояж.

ВОДОПАД

*Шуми, шуми, о водопад!
Касаясь странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!*

Г. Р. Державин. Водопад

Природа создала много замечательных естественных памятников, среди которых исключительное место по своей красоте и величию принадлежит водопадам.

Воды высочайшего в мире водопада Анхель на реке Чурун в Венесуэле низвергаются с высоты 1054 метров с горы Рорайма. Но не этот водопад, самый большой на Земле, привлекает огромные толпы туристов. Значительно большей популярностью пользуется Ниагарский водопад. Его создала бурная река Ниагара, вытекающая из озера Эри и впадающая в озеро Онтарио. Эти озера принадлежат к Великим озерам Северной Америки. Их уровни находятся много выше уровня Атлантического океана. Почти на 100 метров разнятся и уровни этих озер. Таким образом, река Ниагара, имея длину всего 54 километра, в своем течении преодолевает падение почти на 100 метров, а в среднем течении создает этот знаменитый водопад, низвергаясь вниз с высоты 51 метра. По Ниагарскому водопаду, как и по реке Ниагара, проходит государственная граница между США и Канадой. Водопад делится островом Козьим на две части. Одна часть, шириной около 300 метров, принадлежит США, другая, шириной 800 метров, — Канаде. Под американской частью прорыт тоннель, открытой частью выходящий под падающий поток воды, благодаря чему туристы могут видеть водопад изнутри.

Кроме этого великолепного зрелища, большим спросом у туристов пользуется водопад Виктория на реке Замбези в Южной Африке на границе Замбии и Зимбабве. Это, пожалуй, самый широкий водопад в мире. Падая с высоты 120 метров, река Замбези в этом месте имеет ширину 1800 метров.

Кроме этих знаменитых водопадов, на планете Земля есть еще несколько величественных водопадов, таких как Тугела в Южной Африке, имеющий высоту 853 метра, Йосемитский в США (высота падения воды 739 метров), Сатерленд в Новой Зеландии и другие. И все эти водопады обозначены на географических картах мира.

Между тем есть водопады, которые не найти на картах. В северной части Атлантического океана между Шетландскими островами и Исландией лежат Фарерские острова, принадлежащие Дании. Острова этого небольшого архипелага вулканического происхождения возвышаются над океаном более чем на 800 метров. Берега островов отвесно уходят вглубь океана. На судне можно почти вплотную подходить к таким отвесным берегам.

На западном берегу одного из таких гористых островов с высоты нескольких десятков метров прямо в океан низвергается поток кристально чистой воды. По ширине этот водопад небольшой, не более десяти-двенадцати метров, но падение с большой высоты да прямо в океан — зрелище удивительно красивое. Серебряные

струи падающей пресной воды приковывают внимание моряков проходящих мимо судов. Шум этого водопада слышен очень далеко от него.

Фарерские острова находятся в районе интенсивного промысла рыбы. Промысловые суда многих стран мира ведут здесь лов сельди, пикши, трески и другой рыбы, а местное население занимается и китобойным промыслом.

Промысловики отдаленных от Фарерских островов стран используют этот уникальный водопад для пополнения запасов пресной воды. Поставив на палубу в носовой части своего судна несколько бочек, подходят носом под водопад и таким образом наполняют их пресной и исключительно чистой и вкусной водой.

Но для того чтобы полюбоваться замечательным зрелищем падающей с высоты воды, совсем не надо ехать в такую даль, как Африка или Северная Америка. Не надо даже ехать во Францию, где на северном склоне Пиренейских гор воды реки Гав-де-По низвергаются вниз с высоты 422 метров. Не менее замечательный памятник природы есть и в России — в Карелии, на реке Суна.

Суна несет свои воды в Кондопожский залив Онежского озера. Она берет свое начало из озера Кивиярви, что расположено на Западно-Карельской возвышенности. Река порожистая, протекает карельскими лесами через несколько озер, образуя в своем течении одиннадцатиметровый трехкаскадный водопад Кивач. Это самый большой водопад европейской части России. Он находится недалеко, всего в семидесяти километрах от столицы Карелии Петрозаводска.

Незабываемое зрелище представляет собой этот водопад. Красоту его еще в XVIII веке воспел в своей оде «Водопад» Гаврила Романович Державин. Пушкин назвал эту оду лучшим произведением Державина. Действительный статский советник, правитель Олонецкой губернии (губернатор Карелии) Державин любил, оседлав коня, скакать лесной глухоманью в самые отдаленные поселки губернии, вскрывая злоупотребления местных властей. В таких поездках Гаврила Романович любил останавливаться возле этого водопада, любясь красотой окрестной природы. Именно здесь он черпал вдохновение для своей поэзии.

Не утратил своего великолепия водопад Кивач и в наши дни. Все так же величественно воды Суны тремя каскадами с одиннадцатиметровой высоты обрушиваются вниз, окропляя брызгами прилегающие утесы. Шум падающей воды слышен далеко в лесу, что метко подметил в своей оде Державин:

*Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече реет в лесу гремит.*

* * *

В 60-х годах прошлого века я со своим сыном, школьником-шестиклассником, из Эстонии, где я жил в то время, поехал на мотоцикле полюбоваться этим замечательным творением природы. Маршрут мы выбрали, прочитав о водопаде Кивач в энциклопедии, где было написано, что это самый большой водопад в европейской части России.

Прихватив с собой палатку и рыболовные снасти, ибо известно, что Карелия богата озерами, мы двинулись в путь.

Наш маршрут из эстонского города Пярну в Карелию пролегал через Таллинн на Ленинград и далее на Петрозаводск. Но мы выбрали другой путь: через эстонский город Валга на Псков, из Пскова на Лугу и далее на Ленинград. Поступили мы так потому, что хотели поближе познакомиться с природой Эстонии. И не пожалели. Изумительно красивые виды, а также климат Прибалтики, несомненно, в лучшую сторону отличаются от природных особенностей южных краев, где нет хвойных лесов, а пальмы, покрытые слоем пыли, не могут конкурировать с сосновым бором, воздух в котором вдыхается легче и приятнее любых парфюмерных ароматов.

Между прочим, я упомянул эстонский город Валга, а мог бы и назвать латышский город Валка. Это один и тот же город. Граница между двумя республиками проходила по одной из улиц города. Одна сторона улицы принадлежала городу Валга (Эстония), а другая — городу Валка (Латвия). Так было, когда Эстония и Латвия были республиками одного государства. Как они поделили этот город, когда стали суверенными государствами?

Приблизительно такая же картина наблюдается на границе Эстонии и Ленинградской области. Но именно приблизительно, так как город Нарва (Эстония) и Ивангород (Ленинградская область) разделены рекой Нарвой. Сообщение между этими городами осуществляется через мост.

Вблизи города Выру мы остановились на ночлег, разбив палатку на берегу какого-то небольшого ручейка. Развели костер,

поужинали и легли спать. Но прежде чем лечь спать, я опустил в этот крохотный ручеек тонкую леску с насаженным на крючок червячком. Каково же было наше удивление, когда, проснувшись утром, мы обнаружили бившуюся на крючке значительных размеров рыбку весом 250–300 граммов. Мы тут же сварили уху, позавтракали и двинулись дальше.

К вечеру мы прибыли в Ленинград и, отдохнув пару дней, продолжили наше путешествие.

Реку Свирь переехали на пароме в районе Лодейного Поля. Дальше наш путь лежал на столицу Карельской АССР город Петрозаводск.

Карелия издревле принадлежала Киевской Руси, а с XII века входила в состав новгородских владений. С присоединением Новгорода в 1478 году к Москве она вошла в состав Русского централизованного государства, но постоянно была объектом шведской агрессии, в результате чего часть ее, Карельский перешеек и северное Приладожье, в самом начале XVII века отошла к Швеции. В 1721 году по Ништадтскому миру, победно завершившему Северную войну, Олонецкая земля, как Карелия называлась в то время, была возвращена России.

В советское время Карелия до 1940 года носила статус автономной республики в составе РСФСР, а с 1940 года до 1956 года — союзной республики и называлась Карело-Финской ССР. Таким образом, в СССР до 1956 года было шестнадцать союзных республик, а с 1956 года до самого развала СССР — пятнадцать, так как Карело-Финская ССР была вновь преобразована в Карельскую АССР. Причиной тому послужило то обстоятельство, что республика перестала отвечать одному требованию. Только при соблюдении трех определенных условий она могла получить статус союзной: во-первых, наличие государственной границы; во-вторых, население должно быть более миллиона; в-третьих, национального населения должно быть более половины. Вот как раз третьему требованию она перестала соответствовать, поэтому и лишилась статуса союзной республики.

Как только мы оказались в Карелии, мы сразу отметили приветливость и дружелюбие местного населения. Куда бы мы ни обращались, у кого бы ни спрашивали дорогу, везде встречали понимание и желание помочь.

Город Петрозаводск произвел на нас большое впечатление своим изяществом, великолепным ансамблем построек в стиле классицизма XVIII века. Ровесник Петербурга, Петрозаводск был основан в 1703 году и уже через 74 года, то есть с 1777 года, получил статус города и столицы Олонецкой губернии.

Петрозаводск стоит на берегу Онежского озера, одного из самых чистых озер в Европе. По чистоте это озеро может сравниться разве что с Байкалом. Прозрачность воды Онежского озера уникальна. Второе по величине пресноводное озеро в Европе, оно имеет глубину до 127 метров. В Онежское озеро, кроме множества мелких рек, впадают Вытегра, Водла и Суна. Вытекает из него большая судоходная река Свирь, являющаяся частью глубоководного Волго-Балтийского пути. В северной части Онежского озера, у поселка Повенец, берет начало знаменитый Беломорско-Балтийский канал. На одном из островов озера, находящемся неподалеку от Петрозаводска, расположен всемирно известный музей-заповедник деревянного зодчества Кижи. Его деревянные постройки, возведенные без гвоздей, такие как 22-главая Преображенская церковь 1714 года постройки, Покровская церковь 1764 года и шатровая колокольня 1874 года, составляют редкий по красоте ансамбль.

Вдоволь налюбовавшись красотой города, мы отправились к цели нашей поездки, на реку Суна, к водопаду Кивач. По красивейшим местам Карелии, по этому царству озер и лесов нам предостояло проехать около семидесяти километров. Какое же великолепное зрелище эти «остроконечные сосны-ресницы над голубыми глазами озер»!

Подъезжая к водопаду, мы увидели стенд с объявлением: «Заповедник “Кивач”. Сбор грибов и ягод запрещен, появление с удочкой в радиусе пяти километров считается браконьерством!»

С волнением, издали услышав шум падающей воды, подъезжали мы к водопаду. И вот наконец пред нами открылся водопад во всем своем величии, производя на нас незабываемое впечатление. Мы расположились вблизи водопада и, завороженные грохотом низвергающейся с одиннадцатиметровой высоты воды, долго сидели молча, наслаждаясь приятной прохладой и подставляя лицо освежающим брызгам.

Вот какое чудо смогла сотворить малоизвестная река Суна, которая протекает на севере России! И как же прав был Г. Р. Державин, когда в своей оде назвал эту реку матерью водопадов:

*И ты, о водопадов мать!
Река, на севере гремяца,
О Суна! Коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяца,
Кипишь и сеешь дождем
Сафирным, пурпурным огнем, —*

*То тихое твое течение,
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,*

*И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.*

Давно подмечено, что шум воды, будь то морской прибой, порожистая река или водопад, успокаивающе действует на нервную систему человека. Сидя вблизи водопада Кивач и слушая его шум, я поймал себя на мысли, что не хочется думать ни о чем плохом.

Порожистая река Суна, принимая воды водопада, с шумом несла их дальше, в Онежское озеро. Было видно, как в реке плескалась форель. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь «сосны-ресницы», игриво блестели в серебряных струях воды.

Мы и не заметили, как солнце опустилось за горизонт. Скоро начнет смеркаться. Пора было подумать и о ночлеге. Памятуя о предупредительном стенде, мы отъехали от водопада на расстояние более пяти километров, нашли укромное местечко на берегу одного живописного лесного озера (благо озер в Карелии тьма), разбили палатку и стали устраиваться на ночлег. Наловив с легкостью окуньков, мы сварили уху, поужинали и легли спать.

Стояла пора белых ночей. Та самая пора, когда, по выражению Пушкина, «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса». В четыре часа утра солнце уже поднялось над лесом и отражалось пурпурными бликами на зеркально-гладкой поверхности озера. Зарядившись утренней свежестью летнего дня, мы на мотоцикле помчались к водопаду. Палатку оставили несобранной. По мере приближения к цели, только заслышав шум водопада, я почувствовал какую-то необъяснимую тревожную радость в груди. Как выяснилось, мой сын тоже испытывал подобное чувство. Любуясь красотами водопада, мы не спешили вернуться в палатку.

Жили мы здесь целую неделю. Ловили рыбу, собирали в лесу ягоды. В основном это была черника, и наши рты приобрели

устойчивый синий цвет. К водопаду ездили ежедневно, проводя возле него по несколько часов.

Однажды неподалеку от нас расположилась приехавшая на машине молодая пара. Мы познакомились. Это были жители Петрозаводска. Было воскресенье, и они решили отдохнуть в выходной день, половить рыбку. Мы вместе варили уху, вместе ездили к водопаду, вместе любовались природой.

Как-то в разговоре я обмолвился, что мне нужно завулканизировать запасную камеру для колеса. Валерий, так звали нашего нового знакомого, дал мне адрес своей работы и сказал, чтобы я заехал к нему, когда буду в Петрозаводске. К вечеру они уехали.

Через несколько дней мы стали собираться в обратный путь. Пора было возвращаться домой, в Эстонию. В последний раз съездили к водопаду, бросили в поток бурной реки монетку и стали собирать палатку. Перед отъездом мы написали записку, указав в ней свои имена и дату посещения этого места, запечатали ее в пустой бутылке, и все это добро зарыли в землю.

Приехав в Петрозаводск, мы без труда нашли транспортное предприятие, на котором Валерий, как оказалось, работал главным инженером. Он тут же распорядился завулканизировать мою мотоциклетную камеру, и спустя полчаса работа была сделана.

Весь обратный путь мы находились под впечатлением, произведенным на нас Карелией, этим красивейшим уголком Земли, и ее приветливым и гостеприимным населением.

Александр КОЖЕЙКИН

НА КЛАВИШАХ ЦВЕТА

СТИХИ

В оформлении использовано фото из сети Интернет

НА КЛАВИШАХ СВЕТА**ИГРАЕТ ДУША**

Пять органов чувств
мир представит для нас,
он будет велик и глубок.

Предметы искусств
будут радовать глаз,
и вновь заалееет восток.

Откроет планета
красу. Не спеша
природа отбросит вуаль.

На клавишах света
играет душа,
а мир для нее — как рояль.

Пойдут чудеса
по лесам и морям
мелодией яркой без слов.

Расправь паруса,
поднимай якоря,
плыви в океан из цветов.

КРАСНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Кровавый закат
распалил небеса,
и в цвете подобном смешались

азарт игрока,
неземная краса,
любовь и невинная шалость.

Горит красным крест,
веселит лепесток,
вином размягчаем беседу.

Мы в красном невест
видим счастья залог,
а в знамени — нашу Победу.

Осенней порой
нас порадует сад,
но видим багровые тени,

расплав озорной,
королевский наряд
и кровь отшумевших сражений.

ОРАНЖЕВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Неоновый город
и магма планет
наполнены светом лучистым.

Энергией молод
оранжевый цвет,
он символом стал «оранжистов».

Оранжевым светом
зажгли над столом
тугие бока апельсины.

Повеяло летом,
загаром, теплом,
вареньем из ягод рябины.

Цвет этот недаром
так радует глаз —
ведь в нем отражается лето,

а яшма с опалом
порадуют нас
огнем негасимого света.

ЖЕЛТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Желтеющий диск
повисел и пропал,
как будто его не бывало.

За труд и за риск
тот же желтый металл —
как много на желтом совпало!

Летит колесница
в последнем пике
с обрыва — все это лишь снится,

но, может быть, птица
на желтом песке
внезапно предстанет жар-птицей?

По листьям и лету
пройду, чуть шурша,
застенчиво в солнце влюбленный.

По желтому цвету
не плачет душа,
когда ей по нраву зеленый.

ЗЕЛЕНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Что может быть проще:
лететь с ветерком
в машине знакомой дорогой?

Зеленая роща
шепнет о былом,
поляна напомнит о многом.

Ничуть не забыл,
как трава шелестит,
и эти глаза не забуду,

как яркий берилл,
как лесной малахит,
как пихты зеленое чудо.

Березкам и кленам
мысль будет ясна.
Скажу откровенно и смело,

что цветом зеленым
Россия сильна,
хотя по полгода вся в белом.

ГОЛУБОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Растут на полях
голубые цветы:
не зря их зовут «незабудки».

У всех на устах
эталон красоты,
но этот — неброский и чуткий.

Ирисов наряд
для души словно плот,
что вынесет к острову Веры.

Но трубы чадят
в голубой небосвод,
и небо становится серым.

Лишь взгляд из «окна»
на борту корабля
напомнит о том, что забыто,

какая она,
голубая земля,
красивая — с нашей орбиты!

СИНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Летят мотыльки
на синенущий свет
и сразу же гибнут у лампы.

У синей реки
красноглазый рассвет
зажег огоньки, как у рампы.

А водный «костер»
словно синий сапфир,
душа неслучайно стремится

на синий простор,
в удивительный мир
летит на рассвете, как птица.

Пока тишь да гладь...
Знаю: в синих глазах
порою тоска неприметна.

Но время поднять
все свои паруса,
подставив дыханию ветра.

ФИОЛЕТОВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Египетский воин
носил аметист,
и он для него много значил:

кто в мыслях спокоен
и в помыслах чист,
сулит тому камень удачу.

А викинги пили
из кубков вино,
что в чашах играло лучисто,

и блики светили
в красивое дно
из лучших сортов аметиста.

Хороший подарок
и символ любви,
но если уж некуда деться,

любимой фиалок
букетик сорви —
пусть будет подарок от сердца.

ЧЕРНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Разлила чернила
по городу тьма
и окна закрасила вскоре.

Темно и уныло...
В потемках дома
как будто кораблики в море.

На улице тихо,
а сердце в груди
застыло, как косточка вишни,

и кажется: Лихо
гуляет вблизи,
но так, что отсюда не слышно.

Почудилось: где-то
за домом шаги
и кто-то крадется во мраке...

У черного цвета
глаза велики —
не так тьма опасна, как страхи.

БЕЛОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Считаем недели
зимой до весны,
а стужа стучится к нам рано,

и снова метелей
помчат скакуны
по русским степям и полянам.

Мороз не тревожит,
осилим пургу,
я слышал давно небылицу,

что солнышко может
купаться в снегу,
а он, словно речка, искрится.

Под праздничной крышей
мечты так легки,
раскаты салютов как грозы,

и белые пишут
Снегуркам стихи
влюбленные Деда Морозы.

ДУША ВЫБИРАЕТ ЦВЕТ

Душа выбирает
какой-нибудь цвет,
как будто любимую песню.

Кто выбрал и знает
конкретный ответ,
тому жить уже интересней.

Зима вызывает
у многих хандру,
им нравится жаркое лето,

мечта выбирает
морскую волну
и парус багрового цвета.

Но есть и такие,
понять их могу,
на это есть тоже причины, —

мороз — их стихия,
и в злую пургу
им нравится саван равнины.

Зимою и летом
нальет из Ковша
Медведица звезд на дорогу.

На клавишах света
играет душа,
а в мире мелодий так много!

Бимболат БТЕМИРОВ

«Я ПОТЕРЯЛ СВОЕ ИМЯ...»

ВОСПОМИНАНИЯ

Бимболат Бтемиров — почти забытый ныне литератор, печатавшийся в осетинских периодических изданиях 20-х гг. XX в. Лишь один его труд благополучно пережил катаклизмы отечественной истории, оставаясь востребованным во все времена. Осетинскому читателю хорошо известна небольшая книжка под названием «Ирон хъæлдзæг ныхæстæ æмæ фыдæлтæ æмбисæндтæ», впервые вышедшая в 1924 г. в берлинском издательстве Елбыздыко Гутнова, а затем неоднократно переизданная. Составителями этого — все еще наилучшего — собрания осетинских анекдотов были Бимболат Бтемиров и Агубечир Бдтаев. Судьба уготовила знатоку юмористического фольклора суровые испытания: Бимболат Бтемиров стал узником советских лагерей, а затем эмигрантом.

По информации, любезно предоставленной Управлением ФСБ России по РСО-А, в архивном уголовном деле имеются следующие сведения:

«Бимболат Асланбекович Бтемиров родился в 1890 г. в селе Даргавс, осетин, женат и имеет сына, беспартийный, образование среднее, служит бухгалтером в Осетинском Облисполкоме, воинской повинности не подлежит, проживает по ул. Интернациональной, 77, владеет крупным домом, в 1919 г. (т. е. перед установлением советской власти) был владельцем промышленного предприятия по производству сапожного крема.

Арестован 10 октября 1930 г. по обвинению в том, что «1. добровольно примкнул к контрреволюционной повстанческой организации, ставившей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания; 2. изъявил согласие возглавить повстанческую деятельность в Осетии и развернуть нелегальную деятельность по организации повстанческих ячеек на территории г. Владикавказа; 3. проводил систематическую

пропаганду, вызывая повстанческие настроения в массах осетинской части г. Владикавказа». 27 января 1931 г. тройкой Северо-Кавказского края был приговорен к заключению в концентрационный лагерь на 10 лет.

31 марта 1989 г. был реабилитирован Прокуратурой Северо-Осетинской АССР в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Уточнить обстоятельства жизни Б. А. Бтемирова помогают написанная им в начале 50-х гг. «Краткая автобиография» и воспоминания его племянницы И. Н. Цаликовой.

Бтемировы происходят из Даргавса, откуда родители Бимболата переселились в Даргох на правах «временнопроживающих».

Из автобиографии следует, что Бимболат (в крещении Борис) Асламбекович (Алексеевич) Бтемиров родился в городе Владикавказе в 1895 г. Надо полагать, эти данные вернее записанных в уголовном деле. Мать Бимболата — Деде Цирихова, в семье было шестеро детей: четыре сына и две дочери. Бимболат еще учился, когда умер его отец, и вскоре семья переехала в селение Црау, основанное в 1911 г. на землях, которые специальным решением были выделены для осетин-«временнопроживающих». Завершив среднее образование, Бимболат прошел курс бухгалтерского дела в Царицыне.

Дочь его сестры Саниат Ирина Цаликова в детстве часто гостила у Бимболата во Владикавказе. В доме был рояль, и Бимболат обычно просил Деде поиграть осетинскую музыку. «Хорошо помню, — рассказывает племянница, — как он варил черный крем для обуви после работы, и помню себя, клеящую этикетки к стеклянным баночкам. Он очень любил цветы, и в саду у них было много цветов и фруктовых деревьев, и на работе он много цветов разводил».

Женился Бимболат на Фатиме (Клавдии) Георгиевне Дзуцевой из Ольгинского. Единственный их сын — Таймураз.

До ареста Бимболат служил главным бухгалтером в Облсполкоме Северо-Осетинской автономной области. Состоял членом Союза писателей, сотрудничал с газетой «Рæстдзинад» и журналом «Æфсир», выходившим в Южной Осетии.

Родственникам Бимболат рассказывал, что его опыт и профессиональная подготовка пригодились в заключении — бывшего главбуха североосетинского правительства «продавали»

из одного лагеря в другой. Всего их было три — Вишлаг, Архперпункт, БАМлаг — от Архангельска до БАМа. Воспользовавшись своим особым положением, Бимболат сумел бежать, участвуя в приеме очередного этапа. В автобиографии он пишет:

«Весной 1934 г. мне удалось бежать из БАМлага в Ашхабад (Туркестан), где соединился с ожидавшей меня там моей семьей. Осенью того же года мы перешли пешком иранскую границу». Организовать нелегальный переход границы помог живший в Ашхабаде Ханджери Шанаев.

Оставалось убедить иранцев в том, что Бтемировы мусульмане, иначе им грозила высылка в СССР. Имен Бимболата и Фатимы оказалось недостаточно, семью спас маленький Таймураз, который еще на родине был обрезан в медицинских целях.

В Иране Бимболат работал на строительстве железных и шоссейных дорог. Жену он называет в автобиографии портнихой и домохозяйкой, сына — механиком-шофером. В июле 1950 г. Бтемировы были включены в квоту американского консульства на выезд в Нью-Йорк. В бумагах Бимболата сохранилось датированное сентябрем 1952 г. извещение иранского отделения Толстовского фонда с приглашением посещать курсы английского языка. Этот фонд, возглавляемый Александрой Львовной Толстой, помог Бтемировым найти жилье и работу в США.

Бимболат умер в 1963 г. и похоронен в Нью-Йорке. Таймураз передал бумаги отца его племяннице и своей двоюродной сестре Ирине Николаевне Цаликовой (урожденной Дзиковой, жене известного осетинского режиссера, актера и драматурга Марбека Курмановича Цаликова).

Рукописи Бимболата Бтемирова, вернувшиеся на родину, носят черты экстраординарности. Русский (неудобный для автора) язык этих текстов, их тематическое единство (действительность рубежа 20–30-х гг.) и «терпеливо-объективный» взгляд на описываемые события, понимаемые как роковая судьба страны, как уродливая биография поколения, стремление понять подлинный смысл и увидеть исторические масштабы происходящего, отличить политические цели от социокультурных механизмов общественного переустройства — все это не оставляет сомнения: перед нами записки человека, мало озабоченного собственным авторством и литературными задачами. Его главное желание — преодолеть иллюзию тупой немoty современников, его последняя надежда на то, что мы их (именно «их», а не его одного) услышим. Эта амбиция «коллективного послания» и душевная сила, позволившая избежать личностного пафоса и жалобного эгоизма обиды,

ставят публикуемые очерки в ряд лучших свидетельств давно пережитой нашим обществом, но все еще не изжитой эпохи.

Тексты публикуются в полном соответствии с оригиналом¹. Для удобства чтения скорректирована пунктуация, в квадратных скобках восстановлены пропуски и сокращения.

Руслан Бзаров

I

Беков

В пяти километрах от станции Даргкох Владикавказской железной дороги расположено большое селение под тем же названием — «Даргкох». В этом селении проживал человек средних лет по имени Иналдико Беков. Он был крупный, атлетического телосложения человек, добряк и большой шутник. По-видимому, тяжелая сельскохозяйственная работа не пришлась ему по душе, поэтому Беков жил бедно. Но, говорят, нет худа без добра: добряк не был раскулачен, а по советским законам был причислен к категории бедняков. В селении шла беспощадная «коллективизация» сельского хозяйства. Поголовно арестовывали намеченных людей по особому списку «кулаков», комиссия по раскулачиванию работала усиленно. Целый ряд семейств выгонялись на улицу из собственных дворов, под дождь и снег глубокой осени. Люди метались, бегали в разные стороны, как полевые мыши, у которых гнезда только что разрушил плуг во время пахоты. Многие из «кулаков» оставляли свои семьи и спасали свою жизнь бегством в лес, хотя и там не было им спасения, их там ожидала голодная смерть.

Однажды Беков поехал в лес за дровами. Когда он стал укладывать в арбу собранные дрова, подошли к нему его же односельчане-«кулаки», бежавшие сюда, и попросили у него хлеба. Беков недолго думал, отдал им весь хлеб, имеющийся при нем, и стал беседовать с ними. «Кулаки» обрисовали свою жизнь в лесу в самых мрачных красках. Добряк пережил тяжелые минуты в беседе со своими односельчанами и отнесся к ним с искренним сочувствием. По возвращении домой в селение сердобольный Беков поделился со своими соседями информацией о жалком, тяжелом положении людей в лесу. Весть эта быстро дошла до местной власти, Беков был вызван в сельсовет — как раз в момент прибытия туда районного уполномоченного ГПУ. При

¹Проведена незначительная редакторская правка. (Примеч. ред.)

допросе он чистосердечно рассказал все, что произошло в лесу и как он отдал хлеб. Добряк и шутник ничего преступного не находил в своем поступке, но был арестован тут же, а через несколько дней отправлен в город и водворен в подвалы ГПУ. Сидел он там месяца два, а потом был расстрелян как соучастник лесных «бандитов-кулаков», снабжавший их продуктами питания. Позднее ходили слухи, что шутник Бекоев в подвалах ГПУ слегка лишился разума в поисках преступления в своем поступке, так и не поняв до конца своих дней причину, навлекшую на него такое несчастье.

Дзахот

Житель того же селения Даргкох некто Дзахот Доев, 48 лет, будучи молодым человеком, после окончания русско-японской войны в 1906 году выехал через Дальний Восток в Северо-Американские Соединенные Штаты. Родителей своих и меньших братьев Доев оставил в Даргкохе в бедности. Он был совершенно неграмотный, неразвитой сельчанин, зато был здоровый и трудоспособный молодой человек. В Америке пробыл он долго, работая на разных фабриках и заводах в качестве рабочего, и лишь в 1928 году вернулся в свое родное селение Даргкох уже пожилым человеком. За эти долгие двадцать два года своей непрерывной работы он сумел собрать на черный день несколько тысяч долларов и задумал ехать на родину.

Перед выездом из Америки, как обычно принято вообще для удобства, Доев перевел свои сбережения в Советскую Россию через Владикавказское отделение Госбанка на свое имя. Сам Доев, достигший территории Советской России, подвергся тщательному обыску и всяким грубым действиям ОГПУ пограничной полосы. Лишившись многих ценных вещей, отобранных чекистами, Доев почти с пустыми руками приехал в Даргкох.

Однажды, сидя за своим письменным рабочим столом в учреждении во время занятий, [я увидел, как] ко мне подошел пожилой человек выше среднего роста с худощавым красным лицом. Его твердая осанка, высоко поднятая голова с русыми волосами и, главное, его странный, необычный для нас костюм сразу мне бросились в глаза. Он назвал меня по имени, а потом и свое имя. Я был поражен от неожиданности — это был Дзахот Доев, бывший мой односельчанин. Когда он уехал на Дальний Восток, я был еще мальчиком, ходил в школу, но хорошо помнил его, так как с одним из его меньших братьев я дружил. Доев мне рассказал многое из американской жизни, а потом перешел к истории своего выезда из Америки: как он перевел свои сбережения через Госбанк, затем как обыскивали его на границе Советской России и, наконец, как у него отобрали вещи.

— Насчет отобранных вещей я особенно не горюю, — говорил растерянно он, — но вот за мои трудовые деньги, на сбережение коих я потерял все свои молодые годы и остался старым холостяком, я беспокоюсь.

Бедный Доев хорошо владел английским языком, но по-русски совершенно не говорил. Он стал меня просить сходить с ним в Госбанк в качестве переводчика и вообще помочь ему посредством знакомых выяснить положение: как скоро он сможет получить свои деньги по переводу.

С этого дня я стал переводчиком и доверенным лицом моего бедного односельчанина Доева. Много раз мы ходили с ним в Госбанк в продолжение трех месяцев, каждый раз беседовали с директором Госбанка, который давал нам длинные замаскированные ответы. Очевидно, местное отделение Госбанка запросило у своего Главного управления в Москве информацию о возможности выдачи на руки такой большой суммы денег или конфискации ее. Лично мне было ясно после первой беседы с директором Госбанка, что перевод будет конфискован, но Доеву об этом я, конечно, не говорил.

Однажды мы опять пришли в Госбанк. Человек, стоящий у дверей кабинета директора, доложил ему и пропустил нас. Только мы успели перешагнуть порог, как директор вскочил с места и приветствовал нас гораздо любезнее, чем обычно.

— Хорошо, что вы пришли кстати, — проговорил он, — вот и прекрасно.

И в это время между разговором достал со стола какую-то бумажку и протянул ее мне. Бумага эта оказалась заверенной копией постановления Президиума Областного Исполкома о конфискации перевода долларами из Северной Америки на имя гражданина селения Даргкох Дзахота Доева. Во время чтения [мною] этого оригинального документа Доев, вероятно, заметил изменение на моем лице и быстро испуганным голосом спросил меня:

— Ну как? Что-нибудь плохое?

Насколько можно быть равнодушным в подобном случае, трудно сказать, но я был возмущен и сильно взволнован. Директор вручил нам эту копию постановления Президиума под расписку, и мы ушли.

На улице Доев категорически потребовал от меня конкретного ответа относительно содержания этой бумажки. Не помню точно, какими словами я объяснял ему содержание бумажки, помню только, что мне было очень тяжело сказать ему истину. Мне было страшно больно смотреть на его изменившееся, испуганное лицо, глаза его расширились и налились кровью, как от смертельного

страха. Сам я тоже растерялся, но все же кое-как дал ему объяснения в общих чертах, вроде того, что Госбанк в данное время не располагает американскими долларами и поэтому придется с получением денег подождать. Для большей убедительности, передавая ему копию постановления Президиума, я посоветовал сохранить ее. Несчастный Доев чутьем понял, что дурной исход его дела налицо, опустил голову и ушел. После, разумеется, ему читали много раз это постановление об официальной конфискации его долларов.

Иначе быть и не могло. Государство было занято раскулачиванием сельских крестьян. Как можно выдать из Госбанка на руки какому-то Доеву несколько тысяч ценнейших американских долларов в то время, когда шла жестокая конфискация в сельских местностях коров, телят, кур, гусей, яиц и прочее — это во-первых. Во-вторых, несколько тысяч американских долларов для Госбанка имели большое значение.

Бедный Дзахот Доев вселился в родной домик в Даргкохе, захворал с горя, начал чахнуть и вскоре умер в самой нищенской обстановке. Привыкший к свободной жизни в Америке, к уважению личности и собственности, он так и не понял, почему с ним так жестоко поступила «рабоче-крестьянская» власть.

Брат и сестра

В первые годы советской власти молодежь освободилась «от родительской кабалы», как говорили советские агитаторы и пропагандисты на общих собраниях молодежи-комсомола. Тогда старые обычаи и адаты, установленные веками, ослабли или начали исчезать из жизни, тогда под сильной пропагандой власть умышленно ломала устои морали, нравственности, проповедовала безбожие, и шло полное разложение в общественной и семейной жизни, тогда зеленая молодежь почти целиком попала в объятия советской власти под влиянием сильной агитации, громких выкриков и порою красивых лозунгов. В эти годы восторгов и широчайших обещаний в одном большом селении проживала вдова с сыном двадцати одного года и дочерью семнадцати лет. Брат и сестра состояли в комсомоле и считались кандидатами в коммунистическую партию. За последнее время брат и сестра по вечерам часто отсутствовали, бывали на собраниях, совещаниях и поздно приходили домой. Между братом и сестрой были какие-то странные отношения. Мать стала замечать эти странности между своими детьми, но каждый раз отгоняла от себя страшную, неестественную, грязную мысль. Однако пришло время, когда догадки

матери начали превращаться в уверенность, она плакала, рыдала, рвала на себе волосы. Позор был налицо, мать, еще не старуха, но воспитанная по-старому, сильно страдала. Время шло, кошмарные дни и ночи тянулись бесконечно, она не решалась открыть свой позор никому, рассказать о своем необычайном горе.

Брат и сестра под влиянием среды на собраниях молодежи стали меньше стесняться и скрывать свою позорную связь, даже в присутствии своей родной матери.

Наконец брат и сестра явились в сельсовет и обратились в отдел ЗАГС с просьбой зарегистрировать их, т. е. узаконить их супружеские отношения и выдать им соответствующую справку. Заведующий ЗАГСом призадумался над этим странным браком. В его практике такого случая не было, чтобы брат женился на родной сестре. Он воздержался от оформления брака, отложив дело на некоторое время, пока запросит мнение вышестоящего своего начальства.

Брат и сестра ушли домой ни с чем, не достигнув своей цели, но решили не отступать от принятого решения. Слух об этом необычайном случае быстро, как по телеграфу, разнесся по громадному селению. Население возмущалось, старики качали головами, пожимали плечами, пожилые женщины и старухи страшно возмущались, однако открыто выступить никто не решался. Дело ведь касалось двух комсомольцев, будущих коммунистов, следовательно, нужно быть осторожным. Все зависело от власти, как она будет реагировать на это неслыханное дело. До глубины души расстроенная мать растерялась и бегала из стороны в сторону в своем дворе, не подавая, однако, виду перед своими детьми, что ей известна их тайна. Она проводила ночи без сна в поисках выхода из невероятного страдания. Однажды утром она пошла к своей близкой подруге и открыла ей всю картину грязи между ее детьми и свои страдания. В тот же день, вернувшись домой, мать вынула из старого сундука наган покойного мужа, хранившийся там еще со времен гражданской войны, и ждала наступления ночи.

Как и следовало ожидать, поздно ночью мать застала своих детей в одной постели. Несколькими выстрелами она убила наповал обоих, а последней пулей покончила с собой.

Внутри ГПУ

Камера наша под № 10 отличалась от остальных камер тем, что она имела окно, выходящее в небольшой квадратный, несколько удлинённый, сундукообразный двор ОГПУ. Двор этот был застроен со всех четырех сторон двух- и трехэтажными зданиями.

Окно причиняло нам много горя и несчастья, так как благодаря ему мы являлись всегда невольными свидетелями всему тому, что происходило во дворе ОГПУ.

Большие железные ворота, обшитые высоко листовым железом и выкрашенные в черный цвет, выходили со двора ГПУ на улицу имени Ленина. Дом занимал угловое место в центре города Дзауджикау — столицы маленькой республики Северной Осетии, всего один квартал от главной улицы, и по наружному своему виду абсолютно ничем не отличался от других домов, рядом стоящих. Только часовые в форме войск ГПУ, беспрерывно шагающие с винтовками с обеих сторон улиц, придают ему вид военного учреждения.

Со стороны улиц днем здесь тихо и мирно, никакого шума, ни громких голосов не слышно. Неосведомленный иностранец, какой бы он ни был догадливый, не в состоянии понять значение этого дома и заключающейся в нем трагедии. В часы занятий в этом доме парадные двери открыты настежь, но движение небольшое. Каждый прохожий старается держаться подальше и не глядеть в сторону окон этого дома. Изредка подходит к парадным дверям какой-нибудь мирный гражданин, вызванный по делу уполномоченным — следователем ОГПУ. С перепуганным лицом гражданин этот робко подходит к красноармейцу, стоящему у парадных дверей, и показывает ему свою повестку. Красноармеец сейчас же звонит по телефону наверх, к следователю, и, получив у него разрешение, выдает гражданину пропуск с указанием номера комнаты, куда следует ему обратиться.

Все комнаты на всех этажах полны чекистами-следователями, машинистками, агентами всех рангов, фельдъегерской частью, рассыльными и прочими сотрудниками. Днем канцелярская работа в этом доме идет мирно, точно так же, как в обыкновенном советском хозяйственном учреждении. Разница только в самом характере и сути работы. Если в хозяйственном учреждении по книгам записывают приход и расход, скажем, цемента, извести, масла, кирпича, керосина, бензина и так далее, то здесь по книгам ОГПУ предметом прихода для записи служат живые люди, арестованные и сидящие тут же внизу, в подвалах, подобно тому, как товар, сложенный на складе. Для записи же в расход служат трупы постоянно расстреливаемых заключенных здесь, во дворе, а также люди, сосланные в концентрационные исправительно-трудовые лагеря.

Кроме того, местный отдел ГПУ имеет большую переписку с главным учреждением ГПУ в Москве, его отделениями в разных республиках и областях страны, с концентрационными исправительно-трудовыми лагерями и, наконец, со своими районными

уполномоченными в сельских местностях. А внизу в этом доме, под этажами, томятся месяцами в мрачных полутемных подвалах и ждут свою горькую участь сотни людей. Вся виновность подавляющего большинства этих людей заключается в том, что они, работая в советских учреждениях и колхозах, кормились советским хлебом, но ничем себя не проявили перед советской властью, т. е. не выступали на собраниях, митингах, не восхваляли власть и, в частности, ее «вождей». Относились равнодушно к причудам власти, уделяя все свое внимание главным образом служебной работе и частной своей жизни. Здесь власть рассуждает коротко и ясно — по девизу «кто не с нами, тот против нас».

Состав заключенных в подвалах ОГПУ многообразен и быстро меняется, текучесть здесь большая. Если дом ОГПУ днем молчалив и имеет скромный, наивный вид, то поздно ночью в нем кипит работа — в этом он очень подобен хищному зверю. Он совершает свои дела только ночью, тщательно маскируя их от постороннего глаза, и боится людей точно так же, как хищный зверь. Городские граждане, негодные власти, намечаются заранее, арестовываются исключительно по ночам и водворяются в подвалы ОГПУ одиночками. В районах же уполномоченные ОГПУ берут людей и днем и направляют их в город группами, малыми или большими, смотря по заданию самого ОГПУ, однако с таким расчетом, чтобы этап арестованных прибывал в город ночью, незаметно для населения города.

Дом этот до большевиков принадлежал местному городскому жителю Воробьеву, который, кроме этого дома, имел еще небольшой лесопильный завод в самом городе. На вид Воробьев не был красивым и не похож на местного жителя, скорее, он был калмыцкого происхождения, зато дети у него вышли исключительно стройные красавцы. Сын Воробьева двадцати пяти лет, бывший офицер Добровольческой белой армии, и дочь его, образованная девушка, красавица девятнадцати лет, были первыми расстрелянными в родном доме, в первые же дни вселения туда ОГПУ. Сам же Воробьев успел умереть своей смертью до расстрела детей.

Площадь нашей камеры равнялась примерно тридцати пяти или сорока квадратным метрам. Камера имела с внутренней стороны коридора дверь из толстых досок, обшитых листовым железом, с двумя громадными железными засовами и с такими же грубыми висячими замками. Посередине, на высоте человеческого роста, на дверях было пробито круглое отверстие «волчок», которое открывалось или закрывалось со стороны коридора по желанию чекиста-дневального, непрерывно прохаживающегося по длинному коридору подвала между камерами с целой связкой разнообразных ключей, висевших у него на широком кожаном поясе.

Подвальное наше помещение было настолько глубоко, что злополучное окно выступало только верхней своей частью примерно на четверть метра на поверхность ровного асфальтного двора. Внутри на всю длину камеры под окном тянулись нары с неимоверным количеством клопов, тараканов прусаков и других разных насекомых. С левой стороны от входных дверей на самом углу стояла на полу наша позорная параша. Это была обыкновенная деревянная кадушка среднего размера с железными обручами. В таких кадушках в крестьянском хозяйстве обычно солят капусту или огурцы. Она отравляла не только воздух в камере, но и всю нашу жизнь — густая вонь, от которой не было никакого спасения, всегда стояла столбом в полумраке камеры. Задыхаясь в этом смраде, мы устраивали временами нечто вроде вентиляции, махая по воздуху полотенцами, рубашками или чем попало, но результаты получались ничтожные. Через четверть часа после такой работы воздух несколько очищался, но спустя еще четверть часа опять дышать было нечем. Далее, на другом углу камеры, стояло ведро с питьевой водой, а над верхним косяком двери со стены неуклюже торчала двадцатипятисвечевая электрическая «лампочка Ильича», беспрерывно горевшая и днем и ночью. Вот и вся наша «уютная» обстановка, куда занесла нас злая судьба.

Несмотря на то что шла вторая половина ноября, в камере было невыносимо душно, поэтому все заключенные были голые, только в одних трусах или в подштаниках. В этой камере нас было тридцать три человека, иногда даже тридцать четыре, но меньше тридцати трех никогда. Очевидно, это число людей было нормой для нашей камеры, так как в тех случаях, когда из нас выбывало два-три человека, то в тот же день или не далее следующего дня вселяли в камеру новых людей в таком же числе.

Выводили нас на прогулку во двор по утрам, один раз в сутки всего на пять минут. Тогда же мы выносили нашу противную парашу во двор, опорожняли и обратно вносили ее с собою в камеру. За время нашего отсутствия дверь камеры бывала открыта, и сквозняк значительно очищал воздух, это давало нам облегчение на короткое время. Здесь были главным образом с Кавказа горцы-сельчане и другие национальности, разные по возрасту, по образованию и по социальному положению. Однако среди нас не было ни одного бывшего аристократа, фабриканта, генерала или просто бывшего богача. Этот класс был давно ликвидирован, т. е. уничтожен со всеми корнями и ветками. Все мы, заключенные здесь, являлись так называемыми пролетарскими контрреволюционерами или врагами народа.

Вся наша трагедия, все наше несчастье заключались главным образом в том, что мы находились в полной неизвестности. Ни один из нас не знал решительно ничего — ни причину своего ареста, ни о ходе своего дела с момента ареста. Общеизвестно, что в ГПУ открытого судебного разбирательства не существует. Следовательно, заключенный лишен даже права и возможности выслушать свой обвинительный акт гласного суда. Общеизвестно также, что вместо открытого суда ГПУ имеет в каждом его отделении так называемую «тройку» во главе с начальником отделения. Эта «тройка» ОГПУ представляет из себя безграничную силу, ее приговоры жестоки и беспощадны. Она имеет большие права над «свободными» гражданами, предоставленные ей центром советского государства. «Тройка» эта, часто состоящая из молодых садистов, коим запах человеческой крови приятнее, чем самые лучшие духи, правомочна выносить любой приговор любому заключенному заочно на своих тайных, никому не ведомых заседаниях. Находясь в таком положении, мы не знали, в каком состоянии наши дела, осужден ли кто из нас или дела наши лежат без движения. Если же кто-либо из нас осужден «тройкой», то какой вид или характер будет иметь наказание: расстрел или ссылка в лагеря. Поэтому, естественно, каждый раз во время расстрелов эта неизвестность наводила на обитателей нашей камеры неопикуемый ужас. Особо острый момент наступал тогда, когда чекист с дневальным подходили к нашим дверям и последний перебирал свою связку в поисках ключей к нашим громадным замкам. Кровь остывала, сознание немело, мысли путались, а в глазах становилось темно, ибо каждому из нас казалось, что идут именно за ним.

Позднее, когда многие «счастливыцы» из нас, оставшиеся в живых, сосланы были в концентрационные исправительно-трудовые лагеря, стало известно от заключенных, сосланных туда со всех концов Советской России, что в разных городах и республиках страны ГПУ имело на этот предмет разные порядки. В Москве и в Ростове-на-Дону, например, существовали особые камеры специально для осужденных к смертной казни, так называемые «камеры смертников». Мы же были лишены даже и этого «удовольствия», очевидно для того, чтобы держать нас постоянно под страхом неизвестности.

В первые годы большевистской революции, когда были всеобщий переполох и полнейшая неразбериха, когда производились массовые расстрелы не только по приговорам «тройки», но даже по капризу отдельного начальствующего чекиста, тогда «особый отдел» и «чека» (предшественники ГПУ) применяли простой способ расстрелов. Поздно ночью, когда город погружался в глубокий

сон, группу арестованных людей в несколько десятков человек под сильным конвоем красногвардейцев отправляли за город на заранее заготовленную общую могилу, и там же на месте их расстреливали. Однако через некоторое время оказалось, что такой способ непрактичен. Во-первых, потому, что родные арестантов — жены, дети, матери и отцы, предугадывая беду, часто по ночам сторожили на той улице, где всегда проходил конвой на расстрел. Узнав среди арестантов своего родного, уже обреченного на смерть, эти родные устраивали нежелательные «дикие» сцены, и немало трудов и хлопот стоило начальнику конвоя водворить нарушенный порядок на виду у многих граждан, напуганных истерическими криками и шумом и уже успевших выбежать из своих постелей на улицу. Во-вторых, потому, что «неспокойные», мужественные горцы, дух свободы у коих еще тогда не был сломлен, хорошо вооруженные, нападали на конвой за городом на открытом месте, и часто удавалось им отбить своих родных из рук чекистов. Несколько позднее, когда «особый отдел» был ликвидирован, а «чека» переименована в ГПУ, последнее изменило свою тактику. ГПУ выводило на расстрел также группами за город, но уже в разные стороны, даже одновременно небольшие две-три группы людей. И тем самым вводило в заблуждение родных арестантов и нападающих на конвой горцев.

Теперь, в наши дни, по истечении многих лет с начала революции, порядок расстрелов принял совершенно другой вид, он имеет, так сказать, стационарный характер, т. е. убийство происходит на месте, во дворе самого ГПУ. За долгие годы «тяжелой работы» ГПУ приобрело необычайно богатую практику и опыт в искусстве расстрелов и значительно уточнило свою систему, применяя с исключительным коварством обман, ложь, предательство, хитрость и разные безжалостные дьявольские уловки как для производства арестов, так и для расстрела.

Обыкновенно расстрелы в ОГПУ бывают группами, одиночные расстрелы редки, только в исключительных случаях. С хозяйственной точки зрения такой подход к этому вопросу весьма правилен, целесообразен и экономен. Отдел ГПУ так же, как всякое другое советское учреждение, существует на хозрасчете, что означает: нужно экономить «народные» средства.

Как и всякая работа или дело, убийство также требует трату времени, применение физической силы и расход средств, в данном случае казенных. Заводить громодской (громоздкий? — *Ред.*) аппарат чекистов-убийц для того, чтобы расстрелять одного или двух человек с соблюдением тайны, по строго установленной системе, совершенно невыгодно. Это равносильно тому: вынуть

шашку из ножны, чтобы отрубить голову воробью. Целесообразность такого подхода к вопросу групповых расстрелов подтверждается еще тем, что устраняется возня с одним или двумя трупами, т. е. столько же, сколько требуется для десяти или пятнадцати человек. В полночь с охраной нужно их вывозить за город с окровавленным песком и там их зарывать опять с соблюдением тайны. Оставлять же трупы в подвале до следующего расстрела невозможно, так как они начнут разлагаться. Исходя из этих соображений, администрация ГПУ, по-видимому, думает: лучше уж пусть эти один или два человека проживут в подвале еще несколько дней до следующего расстрела, тем более расход на них совсем ничтожный. На каждого заключенного выдавали в сутки: хлеба черного 400 граммов, что составляет по ценам старого времени 3 копейки; кипяченой горячей воды утром и вечером по полтора стакана, всего три стакана = 2 копейки; и на обед всегда одна и та же пшенная похлебка, т. е. тот же самый кипяток, на дне которого плавали пшеничные зерна, без всяких жировых веществ, тоже в количестве двух стаканов = 3 копейки; и, наконец, сахар определялся на глаз, скажем, на 2 копейки. Итого стоимость питания одного заключенного равнялась 10 копейкам в сутки. Если двух человек, подлежащих расстрелу, продержать живыми в камере даже пять дней, и то расход на них выразится всего на один рубль, тогда как особое вознаграждение аппарата убийц за расстрелы стоит во много раз больше.

Дневальный, который постоянно ходит по коридору со своими ключами, не вооружен и в убийстве прямого участия не принимает. Он исполняет обязанности сторожа и кладовщика живого товара или как бы скотского двора. По словесному приказу коменданта через чекиста спеца-выводителя он открывает двери указанной ему камеры. Затем, после того как выведен заключенный, он обратно закрывает двери. Кого вывели, зачем вывели и куда, вернется ли он обратно или нет, это его не касается. Таким образом, дневального в состав убийц не вводим, перечислим ниже непосредственных и косвенных участников расстрела, скажем, группы заключенных в 10–15 человек, как обычно было принято.

1) Комендант ОГПУ, ответственный руководитель всей операции и автор плана расстрела.

2) Чекист спец-выводитель, в обязанности коего входит выводить заключенных из камер по одному в комендантскую комнату под разными предложениями.

3) Чекист «немой телефон», его обязанность — стоять у раскрытых дверей комендантской, недалеко от входа в нее со двора, с таким расчетом, чтобы ему были видны и комендант, сидящий

внутри за своим столом, и спец-выводитель, стоящий у самого спуска в подвал к заключенным. В нужный момент комендант, не вставая с места, давал «немому телефону» условленный немой знак, и он в ту же секунду кивал головой спецу-выводителю, который в ту минуту спускается вниз к камерам.

4) Четыре или не менее трех чекистов, из коих один набрасывает на голову заключенного петлю и душит его, а двое скручивают ему руки.

5) Два чекиста внизу в глухом подвале, в обязанность коих входит самый расстрел.

6) Один или два чекиста у кузнечной наковальни, в обязанность коих входит громко бить молотами по наковальне и тем самым создавать побольше звука для того, чтобы заглушать шум, топот ног людей во дворе во время борьбы с заключенным, а также звук выстрела в подвале.

7) Четыре красноармейца из частей войск ГПУ, в обязанности коих входит стоять с винтовками по углам двора ОГПУ и в случае надобности принять активные действия против заключенных по приказу коменданта.

8) Один или два пароконных фургона военного образца, смотря какое число людей будет расстреляно. На этих подводах поздно ночью вывозятся трупы за город к готовой общей могиле.

9) Один или два кучера к этим фургонам.

10) От двух до пяти вооруженных конвоиров для сопроводения трупов до могилы.

11) Один из следователей ОГПУ, который ведал делами расстрелянных, и врач, фиксирующие своим письменным актом факт исполнения приговора «тройки».

Из приведенных данных видно, что для расстрела группы заключенных, даже небольшой — скажем, из восьми или десяти человек, нужны аппарат не менее шестнадцати-двадцати человек чекистов и один пароконный фургон. Все сотрудники ГПУ, принимающие участие в расстреле, получают особую плату за сверхурочную работу.

Администрация отдела ГПУ обязывает также своих молодых сотрудников-комсомольцев, прикомандированных сюда обкомом ВКП(б), присутствовать при расстрелах, что еще больше увеличивает число убийц. Этим начинающим сотрудникам-комсомольцам администрация ОГПУ с ведома компартии предоставляет право принимать участие в расстрелах по их собственному желанию и выбору роли. Расчет власти здесь вполне ясен и особых объяснений не требует. Робкий комсомолец, еще мальчик 16–18 лет, польщен такой ролью, воображая из себя героя, он с гордостью выступает в

качестве любителя-убийцы и пачкает руки невинной человеческой кровью один-два раза, а потом уже легко пойдет дальше. Так идет подготовка и обучение будущих чекистов-убийц — молодых комсомольцев, кандидатов в коммунистическую партию.

Положение чекистов, принимающих участие в расстрелах, и, в частности, коменданта — руководителя операции, далеко не легкое. Во-первых, чрезвычайно важно соблюдение тайны убийства. Все действия должны быть произведены бесшумно и незаметно как от внешнего мира, т. е. с обеих сторон двух улиц, так и от самих заключенных, которые зорко следят, точно пойманный зверь из клетки, с величайшим напряжением за всяким движением. Поэтому расстрел всегда производится молча, без единого слова, что придает обстановке еще более мрачный и таинственный характер.

Подвалы ОГПУ знают немало случаев крайне нежелательных для власти кровавых выходов со стороны «озверевших» заключенных. В первые годы революции, когда дух народа еще не был сломлен, из подвалов ГПУ во время расстрела были вылазки заключенных, которые хотя и подавлялись со зверской жестокостью, однако и заключенным тоже удавалось нанести урон чекистам. Поэтому комендант теперь каждый раз перед началом расстрела обязан составлять план действий и привести его в исполнение точно, без особых инцидентов, а за промах или ошибку отвечает своей головой. Главное место в этом плане занимает хитромудрая уловка, т. е. выдумать такой предлог, под прикрытием чего можно было выводить заключенных из камер по одному, не возбуждая подозрение не только у выводимого на расстрел, но и у других его товарищей в камере. Уловок и предлогов здесь выдумывают бесчисленное количество. Например, вдруг раздался топот быстро идущих ног по коридору, и так же быстро открывается дверь камеры. На пороге показывается чекист с сильно озабоченным лицом и нетерпеливо, будто он занят другим делом, но его прислали сюда быстренько случайно, за неимением другого лица, кричит в камеру: «Иван Петрович Иванов здесь?» Иванов соскакивает с места, как сумасшедший. Он смотрит в упор чекисту в глаза, как безумный, и еле выговаривает: «Я здесь». — «Одевайся, чего ты перепугался? Мать сильно больна, и отец твой хочет повидаться с тобой. Вон он срочно выпросил свидание с тобою и ждет тебя в комендантской». Таким способом Иванов выведен из камеры без особого подозрения и доведен до комендантской, где он, конечно, узнает истину. Такой предлог годен одновременно для всех камер, так как общения между ними не было совершенно. Уловки в бесконечном виде легко составлять именно в ОГПУ, где имеются всевозможные сведения относительно за-

ключенных, начиная с их бабушек-дедушек и кончая их детьми, родственниками, друзьями и знакомыми. ОГПУ всеведуще, оно знает все в своем районе, знает, где, когда и у кого была пирушка, что там ели, пили и какие там были разговоры. Однако самой старой, самой коварной из всех видов уловок ГПУ, дошедших до наших дней, имеющей успех также и теперь, является уловка, когда спец-выводитель объявляет в камере заключенному в самом радушном настроении о выпуске его на свободу. Ниже приводится постоянный порядок или система расстрела, существующие в ОГПУ.

Итак, заключенного, скажем X, вывел из камеры чекист спец-выводитель под каким-нибудь предлогом, более или менее вероятным, скажем, под видом освобождения. Вот они идут — закл[юченный] впереди, а чекист за ним — по коридору в сторону выхода, поднимаются по ступенькам и очутились наверху во дворе. Заключенный сильно напуган, быстрым взглядом осматривает на ходу весь двор, где царит абсолютная тишина, асфальт чисто вымыт и местами блестит от сильного электрического освещения. Кругом двор застроен — с улиц трехэтажными, а внутри двухэтажными зданиями. В этих зданиях абсолютный мрак, нет ни одной живой души. Но по улицам города еще жизнь идет, слышны автомобильные гудки, стук колес электр[ического] трамвая с главной улицы города и прочий шум движения. Во дворе по углам стоят красноармейцы с винтовками, а один человек в штатском — у входа в комендантской, это «немой телефон».

Несчастный хотя и напуган сильно, но в то же время верит, что его выпускают на волю. Обычно, когда заключенного освобождают, что случается очень редко, его также прежде всего отводят в комендантскую, где он должен подписать документ своего освобождения, копия же этого документа вручается ему и служит для него оправдательным документом по месту его жительства. Заключенному X кажется освобождение вполне вероятным, тем более что он, по его мнению, никакого преступления не совершил: не убил, не ограбил никого, не выступал никогда против власти. Что же касается его мыслей или политических его убеждений, несогласия в душе с существующим строем и порядками власти, то он их не принимает в расчет, так как считает свой взгляд на эти вещи правильным. Тогда как вина его заключается именно в этом. Обстановка таинственная, зловещая тишина во дворе производят на заключенного X угнетающее впечатление. В душе его происходит великое колебание, мысли бегают из одной крайности в другую. Мутнеет его несчастная голова то от дикой радости близкой свободы, то от кошмарного страха близкой насильственной смерти. Все эти мысли пролетают в несчастной голове

Х с быстротой молнии в короткий промежуток времени по пути в комендантскую, а она совсем близко, всего в каких-нибудь пятнадцати-двадцати шагах. Комендантская представляет собой небольшое канцелярское помещение. За большим, солидным письменным столом, накрытым красным сукном, сидит с красными глазами, налитыми кровью, всесильный страшный комендант. Он нагнулся низко к столу и составляет на бланке ОГПУ «документ освобождения» для заключенного Х, которого ведет к нему спецвыводитель. Комендант принял самую естественную позу, у него самый мирный вид, и он старается придать дьявольским чертам своего лица выражение, хоть сколько-нибудь похожее на человеческий облик, а на чрезмерно красной толстой шее его сложились крупные складки.

В это время в дверях появляется заключенный Х. Спецвыводитель подводит несчастного к столу коменданта вплотную. Заключенный Х робко подходит неуверенными, мелкими шагами, не знает, куда девать руки и как вести себя, точно провинившийся ребенок перед суровым, строгим отцом. Не поднимая голову и продолжая дописывать «документ», комендант начинает весело заговаривать с заключенным о его невиновности и предстоящем выпуске его на свободу, и этим коротким разговором отвлекает его внимание. У несчастного сразу в голове получается поворот, лицо его вмиг меняется, он сияет, и дрожь сказочной радости проходит по всем его жилам.

Коварный комендант этого момента и ждет, он сейчас же подвигает к нему уже законченный «документ освобождения» для подписи, но голову свою не поднимает. Заключенный с радостью берет ручку из рук коменданта и наклоняется к столу с намерением подписать «документ». В этот момент комендант выправляется и высоко поднимает свою голову, что служит условным сигналом дальнейших действий.

За спиной заключенного Х, в двух шагах, в стене сделана потайная дверь, а за ней маленькая боковая комната, строго секретная. На этих дверях имеется маленькое отверстие, откуда смотрит с напряжением тигра чекист на фигуру коменданта, сидящего за своим столом как раз напротив. За спиной этого чекиста в секретной комнате стоят еще три-четыре чекиста, также в напряженном ожидании к нападению. Все они подобраны рослые и физически сильные. Как только выпрямился комендант и высоко поднял голову, тайная дверь бесшумно открывается, и чекисты осторожно выходят из своей засады. В это время заключенный возится с документом, комендант отвлекает его внимание под разными предлогами и указаниями. Радостно настроенный за-

ключенный X, заранее предвкушая свободу, ничего подозрительного не замечает. В этот момент за его спиной один из чекистов с быстротой молнии набрасывает на его шею через голову петлю и всей своей силой сдавливает ему горло, сильно натягивая конец петли к себе. Петля эта, длиною около метра в развернутом виде, сделана из английского шпагата не толстой, но очень прочной. Она смазана каким-то скользким жировым веществом, очень напоминающим жидкое зеленое мыло, и только конец шпагата, находящийся в руках чекиста, не смазан и остается сухим, нескользким. Одновременно остальные два-три чекиста сразу же хватают заключенного X за руки и скручивают их до страшной боли. В первую секунду несчастный пытается кричать, но звук из его горла больше не выходит, тогда он хватается за петлю руками, пытаясь освободить свое горло от невыносимого положения. Однако все его попытки и усилия совершенно бесполезны. Руки его уже скручены за спину с такой силой и жестокостью, что о сопротивлении со стороны заключенного X и речи не может быть.

Страх смерти действует на людей разное, одни слабеют сразу, падают даже без чувств тут же, но есть натуры, сильные духом и физически, которые не отдают себя без борьбы в руки чекистов. Иногда во время короткой борьбы при случайном ослаблении петли из горла несчастного вырывается короткий какой-то звук, но это уже не человеческий голос, а крик дикого зверя о своей гибели, которым бедный заключенный, быть может, хотел известить своих товарищей, оставленных в камере всего две-три минуты тому назад. Правую руку заключенного X сильно тянет к себе чекист с левой стороны, а левую руку его другой чекист — с правой стороны. Иногда четвертый чекист стоит тут же на всякий случай с наганом в руке. Короткая борьба происходит в самой комендантской, потом сейчас же задыхающегося заключенного ведут через двор в другое помещение в нижнем же этаже во флигеле двора. Вот тут-то из окна камеры № 10 нам была видна борьба заключенного за свою жизнь и беспощадное насилие над ним чекистов. Несчастный делает отчаянные, страшные усилия освободиться, упирает ноги, бьет ими асфальт, как сильно расстроенный капризный ребенок, выходит из сил, язык его высунулся наружу, а глаза закатываются. Пытается кричать, но вместо крика из его задыхающегося горла получается неприятный звук, очень напоминающий звук, издающийся животным, горло которого только что перерезал мясник. Ходьба недолгая, комната, куда его ведут, находится примерно в двадцати шагах, но за эту короткую дорогу несчастный не оставляет свою борьбу. Десятки раз меняет положение своей несчастной головы, то поднимая ее на один момент

вверх, то опуская вниз, упасть ему не дают, они поддерживают его с боков, а чекист за спиной дает ему сильные толчки в заднюю часть коленом и ногой. В тех случаях, когда задыхающийся заключенный совершенно падает без сил, его толкают просто волоком за собою до места назначения. Не всякий заключенный оказывает сопротивление. Было много случаев, когда заключенный не оказывал никакого сопротивления, шел с петлей на горле и со скрученными руками мелкой рысью в самый ад, а чекисты только успевали за ним.

Тем или иным способом заключенного X доставляют в то самое помещение, которое можно назвать раздевальной, где несчастный заключенный X видит божий свет последний раз. Здесь снимают с него всю одежду верхнюю, нижнюю, ибо каждая тряпка представляет из себя ценность. А тут иногда попадают приличные сапоги, нервные брюки, пиджак и белье. Эти вещи потом поступают на так называемый «вольный рынок», а попросту на толкучку, где они продаются чекистами через подставных людей. Очевидно, доход от продажи вещей несчастных расстрелянных людей власть заранее подарила чекистам-убийцам за их особые труды и успешную работу в виде трофеев. Вот почему каждый раз перед выводом на расстрел заключенному приказывают выходить из камеры обязательно с вещами и одетым, как будто домой, на свободу. Хотя вещи заключенного, кроме того, что на нем имеется, ничего не стоят — например, старая циновка, войлок или старое изношенное одеяло. Однако ни одна ниточка, оставшаяся в камере от уведенного на расстрел заключенного, не могла уйти из поля наблюдения чекистов.

Раздевальная была расположена в нижнем этаже во флигеле и дверьми выходила как раз против нашего окна на противоположном конце двора. Она была обыкновенная квадратная комната. Отсутствие окна и мебели придавало ей вид передней семейной квартиры. Только на полу, выкрашенном в темно-красный цвет, в самом центре комнаты была дверь, состоящая из двух половинок, в один цвет с полом. На первый взгляд, в этом, конечно, ничего нет ни страшного, ни ненормального, все как будто бы естественно. Комната выглядит как обычно, а дверь на полу в пустой комнате, можно подумать, ведет в хозяйственный погреб, где могут храниться разные продукты и напитки. Однако это далеко не соответствует действительности. Сия дверь не есть обыкновенный проход в продуктовый погреб, а направляет людей в самый кромешный ад.

Под нижним этажом флигеля был громадный длинный и глубокий глухой подвал, специально приспособленный отделом ГПУ

для своих целей, — вот куда вела эта дверь. Раздевальня днем иногда была открыта, очевидно случайно, и мы во время нашей пятиминутной прогулки во дворе по утрам неоднократно тайком заглядывали в нее. Каждый раз нервная, острая холодная дрожь проходила по всему телу при виде этой странной двери, ведущей в зловещий подвал. За время своего существования эта дверь пропустила на тот свет не одну тысячу молодых и старых здравомыслящих людей. Это не дверь, а пасть чудовищной, гигантской, ненасытной акулы, куда за прошедшие революционные годы ушли безвозвратно лучшие люди всех слоев целой области, почетные старики горского населения и казачества, лучшая часть городской интеллигенции — профессора, доктора, юристы, педагоги, лучшая часть хлеборобов и рабочих, все офицерство царского времени и гражданской войны и весь цвет несравненной молодежи времен 1914–1917 гг., участвовавшей в войне с Германией.

Итак, в раздевальной с полузадохшегося заключенного сняли всю одежду и совершенно голым бросают его вглубь подвала через эту дверь. Несчастный в сознании или без сознания летит вниз десять метров в самый ад и падает на толстый слой речного теречного песка. Там песок насыпан не для того, конечно, чтобы легче было падать полумертвому заключенному, а для того, чтобы этот песок всасывал его кровь. Как только упал голый человек на песок, к нему подходят быстрым шагом два-три чекиста, тут же ожидающие, переворачивают его лицом вниз, и сейчас же один из них стреляет в упор наганом ему в затылок. Расчет выстрела в затылок верен, он разбивает мозг и вызывает быструю и неминуемую смерть. Этим, собственно, кончается дело убийства. Вот это и есть нашумевший на весь мир советский расстрел.

Умиравшему телу дают лежать на песке некоторое время для того, чтобы стекла кровь, затем убирают его в сторону в определенное место. Кто он такой, только что застреленный человек, лежащий перед чекистами? Разбойник, вор, мошенник или честный труженик земли, кормилец семьи или профессор, доктор? Чекистам до всего этого нет никакого дела, они знают, что работа есть обязанность, которую нужно выполнять аккуратно. Чекисты знают, что через несколько минут опять прилетит к ним сверху голый человек. Знают также, сколько раз это должно повториться. Они не спешат, не нервничают, разговаривают между собой на посторонние темы, ничего общего не имеющие с их работой в данный момент, и затягиваются лучшими папиросами в СССР, выдаваемыми им из закрытого распределителя. Трупы собирают в одну кучу и только поздно, в эту же ночь вывозят их вместе с окровавленным песком за город на пригтовленные заранее общие могилы, где зарывают их.

Наверху же в это время идет подготовка для следующей жертвы. Чекист спец-выводитель и «немой телефон» занимают свои места — один у входа комендантской, другой у самого спуска к камерам, готовый в любую секунду спуститься вниз. В это время другие чекисты, сбросив заключенного в подвал, быстро выбегают из раздевальной с сильно озабоченными лицами. Спешат в секретную комнату и прячутся там. Тогда комендант, не вставая с места, дает условный немой знак стоящему снаружи «немому телефону», последний делает легкий кивок головой спецу-выводителю. Кивок этот есть приказ вывести из камеры следующего заключенного. Сп[ец]-выводитель в ту же минуту спускается к камерам и выводит новую жертву опять под каким-нибудь благовидным предлогом, и процедура убийства повторяется точно так же.

Во время своей работы наверху чекисты сохраняют немое молчание и лишь внизу в глубоком подвале позволяют себе говорить сколько угодно. Красноармейцы стоят также молча, что они переживают и как они реагируют на это жестокое истребление людей, трудно сказать. Молчит также пулемет на втором этаже, над раздевальной, дуло которого направлено с окна второго этажа прямо к общему выходу из камер во двор. Зато работают во дворе во всю свою мощь мнимые «кузнецы» и мотор старого грузовика, создавая шум и грохот на весь квартал. Хотя едва ли найдется во всем городе такой наивный дурак, который бы поверил, что во дворе всесильного ГПУ работают кузнецы, да еще не днем, а поздно за полночь. Тем не менее это был факт — очевидно, наглость не имеет никаких границ.

Расстрел обычно кончался после полуночи, чекистам-убийцам давался короткий отдых, за это время они развлекались веселыми шутками и разговорами. Затем большие ворота открывались и во двор въезжал пароконный фургон или сразу два фургона, смотря по числу расстрелянных людей. Работа вновь возобновлялась чекистами, на этот раз чисто физическая и довольно тяжелая. Из глубокого подвала по длинным крутым лестницам вытаскивали трупы расстрелянных людей и окровавленный песок и быстро нагружали их на фургоны. После ухода фургонов с трупами во дворе начиналась чистка и уборка. Как ни подметали асфальт двора, как ни промывали его водой, все же на нем оставалось множество мелких кусков остывшей крови, выпавших из трупов и песка во время переноски и погрузки. Местами на асфальте были маленькие углубления, где в воде остывшая кровь растворялась, и ямочки оставались заполненными красной мутной жидкостью. Легко можно себе представить, каково было наше состояние утром, во время пятиминутной прогулки, ходить по этому

двору, насколько тяжело было наступать ногами на пролитую кровь своих несчастных товарищей.

Тюремная жизнь известна, она тяжела, в ней нет ничего отрадного, но мрачные подвалы ГПУ несравнимы ни с какой тюрьмой. Это место для людей, постоянно находящихся под угрозой насильственной смерти, без суда и следствия, загнанных сюда злым роком и забытых всеми. Кроме постоянного страха расстрела, всякого рода телесных пыток и оскорблений, здесь имеется еще совершенно ненужная жестокость, беспримерное грубое обращение чекистов и отвратительная похабная ругань, а также умышленно созданная тяжелая обстановка.

Вон, например, на углу камеры стоит параша для естественных нужд тридцати трех человек, которая выносится для опорожнения один раз в двадцать четыре часа. Можно ли выдумать более грубое, более унижительное нарушение нравов и достоинства взрослого человека? Будь вы архипрофессор с громким именем в научном мире; будь вы глубокий старик с высоким духовным саном; будь вы почетный старик, отец и дедушка большой семьи с традиционно-патриархальными взглядами или молодой изящный современный интеллигент с изысканными манерами — все равно вы вынуждены иметь дело с парашей тут же, в тесной камере, на виду у всех заключенных. Мы выдумывали разные способы выходить из этого крайне неприятного положения. Двое или трое становились рядом спиной к параше и таким образом заслоняли собой своего товарища. Для набожного глубокого старика два молодых человека, всегда находящиеся при нем, устраивали целую ширму у параша. Один держал за конец одеяло, второй брал его с другого конца, высоко подняв руки, и в таком положении стояли спиной к параше, полностью заслоня старика. Параша была одним из многих видов моральных пыток и оскорблений. Она являлась мерой не менее жестокой, чем другие виды телесных пыток, унижая наши нравственные чувства. Нормальному человеку, не испытывавшему подобные грубости, трудно представить себе наши страдания и переживания, повторяющиеся каждый день.

Само собой разумеется, что все жестокости и дикие нравы введены в подвалах ГПУ неслучайно. По всему видно также, что чекисты, выполняющие позорную роль палачей в уничтожении своих же братьев, не являются создателями этих порядков. С очевидностью становится ясно, что в этих порядках существует закономерная система, строго и глубоко обдуманная, всесторонне взвешенная, исходящая из самого центра — Москвы. Ясно также, что эта система, применяемая с такой жестокостью ко всем, является средством для достижения намеченной цели. Весь секрет

заключается именно в этой цели, она до смешного проста, ясна для нас и в то же время непонятна и служит загадкой для многих миллионов наивных, доверчивых людей во всем мире.

Арест

В Советской России власть арестовывает любого гражданина или целые группы граждан независимо от их служебного или общественного положения и расстреливает их, когда это ей выгодней, точно так же, как хозяин-скотовод выделяет из своего стада отдельную скотину или целый гурт животных на продажу или на убой. В этом случае соображения обоих хозяев в смысле выгоды или убыточности совпадают полностью. Ни тот, ни другой не принимают в расчет желание гражданина или скотины, готовы ли они умереть, или если погибать, то имеют ли право, по крайней мере, знать — за что? Здесь, в подвалах ГПУ, вопрос «за что?» стоит ребром в горле каждого заключенного, но задавать его чекистам бесполезно и опасно. Во-первых, чекисты такого вопроса никогда не поймут, так же как не понял бы хозяин-скотовод, если бы животное могло задать ему этот вопрос перед убоем. Во-вторых, вопрос «за что?» требует прямого ответа, он в какой-то мере задевает работу власти, становится как бы критикой ее системы. Следовательно, эти слова сами являются контрреволюционными и потому опасными.

Параллельно с пятилетними строительными планами в Советской России составляются пятилетние же планы арестов людей, т. е. набора рабочей силы для выполнения намеченных работ по этим планам на далеких окраинах страны. Эти работы требуют миллионы людей не только чернорабочих или специалистов, занимающихся физическим трудом, таких как плотники, каменщики, арматурщики и тому подобные, но там нужны также инженеры-строители, техники, химики, бухгалтеры, врачи и даже агрономы, зоологи, экономисты и так далее. ГПУ является исполнителем роли наборщика рабочей силы по плану путем арестов в многомиллионной необъятной стране по своему усмотрению. Правительство в данном случае является как бы заказчиком у ГПУ, оно требует точного выполнения плана, т. е. доставить к определенным местам строительства в срок намеченное планом число нужных людей требуемой квалификации. Кого арестовывает ГПУ, в какой республике или автономной области берет больше или меньше — это чисто его внутреннее дело, и правительство в эти дела не вмешивается. Чувствуя себя полным хозяином положения, каждый начальник отделения ГПУ со своими сотрудниками

работает самостоятельно в своем районе. Пытки заключенных, тяжелые условия для людей во время нахождения их в подвалах, а также расстрелы являются общей системой правительства, и никакой начальник отделения ГПУ отменить или изменить их не может. Эти суровые меры применяются к заключенным не потому, что они провинились и заслуживают наказания, а для того, чтобы напугать до смерти оставшихся в живых заключенных, которые после четырех- или шестимесячного пребывания в подвалах ГПУ с радостью принимают заочные приговоры «тройки» с наказанием от пяти до десяти лет принудительных работ в концентрационных исправительно-трудовых лагерях. Аресту подлежит во всех слоях стасемидесятимиллионного населения элемент, не сочувствующий власти и настроенный не по-советски.

Для работы ГПУ в этой стране имеется неисчерпаемый человеческий материал на сотни лет, так как ярые сторонники советской власти сегодня становятся ее же ярким врагом завтра. Это наблюдается не только среди беспартийных граждан, но и среди партийных, больших и малых, и даже среди сотрудников самого ГПУ, которых власть беспощадно расстреливает. Подобно тому, как наш комендант составляет план перед каждым групповым расстрелом, выдумывает разные хитрые уловки и предлоги для вывода заключенных из камер, начальник ОГПУ с ближайшими сотрудниками составляет план арестов в городах и районах с помощью всевозможных хитро составленных авантюр, создает фиктивные предательские документы и прочее. Стоит только гражданину попасть под арест, очутиться в подвалах ГПУ, как посыплется на него с разных сторон обвинительный материал от сторонников советской власти. Здесь, в подвалах ГПУ, наивным простым людям, ставшим жертвой этих планов, нелегко понять причину своего ареста. Не так легко также понять общую систему вообще даже читающему наблюдателю на воле, ибо нигде и никогда не пишется о существовании ни ГПУ, ни концентрационных исправительно-трудовых лагерей, ни ИПД или домзаков. Как будто они не существуют. Каждый заключенный теряется в догадках, за что он арестован и какова степень его обвинения. Для арестов людей ГПУ вовсе не нуждается в юридически обоснованных материалах, достаточно знать ему, что вы не симпатизируете советской власти, а причину или предлог для ареста любого гражданина всегда легко найдет, например:

1. Ваша бабушка по отцу была дворянского происхождения, с хорошим образованием. Она оказала влияние на всю вашу семью в области воспитания, что отразилось и на нынешнем поколении, в том числе и на вас. Может ли в этом случае заключенный угадать причину своего ареста?

2. Вы арестованы за то, что скрыли от ОГПУ полученное вами письмо из заграницы, тогда как оно прошло через секретный отдел ОГПУ и там читали его гораздо раньше вас.

3. Вы арестованы за то, что где-то, сидя за столом, произнесли тост с пожеланием присутствующим дожидаться лучших времен, хотя вы совершенно об этом забыли.

4. Вы арестованы за то, что ваши дедушка и отец были подрядчиками, коммерсантами, землевладельцами, чиновниками или кем-то другими, но не рабочими.

5. Вы арестованы за то, что, занимая более или менее видное положение по своей специальности на советской службе, никогда не выступали на собраниях месткома, совпрофа с восхвалением советской власти и ее «великих» вождей. Очевидно, исходя из девиза «кто не с нами, тот против нас».

6. Вы арестованы за то, что ваши родственники или друзья проживают за границей, хотя бы вы с ними не переписывались.

7. Вы арестованы за то, что вас вызывал уполномоченный ОГПУ несколько раз секретно и предлагал вам в самой вежливой, в самой невинной форме давать ему нужные сведения относительно поведения служащих учреждения или рабочих завода, где вы работаете, и, главное, их отношения к советской власти, т. е. просто взять на себя обязанности мелкого предателя-шпиона, а вы отказались под разными благовидными предлогами.

8. Вы арестованы за то, что, выступая на собрании, мимоходом, как-то невольно задели неудачно новую тему про только что появившиеся мероприятия правительства и вместо похвалы советской власти у вас вышло что-то другое, напоминающее критику.

9. Вы арестованы за то, что ваш отец или брат были офицерами старой армии или общественными деятелями, хотя они давно уже находятся на том свете.

10. Вы арестованы за то, что в веселом обществе за рюмкой водки рассказали смешной анекдот, немного задевающий мероприятия советской власти.

11. Вы арестованы за то, что видный чекист ухаживал за вашей женой, за вашей сестрой или за вашей дочерью с явно дурными намерениями, а вы были против, упорно не хотели согласиться с этим.

12. Вы арестованы за то, что вы, сельский многосемейный житель, имели дом на том углу улицы, где, по соображениям сельсовета, это место очень подходило для его целей, но вы добровольно не согласились его уступить ему.

13. Вы арестованы за то, что у себя дома делились с женой впечатлениями о службе, а также вели разговор про советскую

власть, высказывая свое мнение, впоследствии оказавшееся контрреволюционными разговорами, т. е. агитацией против власти. Во время вашего разговора в этой же комнате сидела за уроками ваша дочь-комсомолка, которая давно искала случая выдвинуться среди своих товарок перед учителем — агентом ОГПУ и сейчас же донесла ему об этом.

14. Вы арестованы за то, что вы, известный врач, серьезно относились к своему делу, особенное внимание уделяли неимущим, не щадили ни сил, ни средств, лечили их бесплатно и тем самым создали высокую популярность в обществе.

15. Вы арестованы за то, что вы один из тех писателей, за которым признан талант. До революции вы успели выпустить в свет несколько изданий своих трудов, но за советское время буквально ничего. Читатели ваши находились в ожидании, а власть усмотрела в этом преступление, взяла да и произвела обыск в вашей квартире. Обнаружено было много рукописей на исторические темы, народные сказания и другое, но ни единого слова о советской власти.

16. Вы арестованы за то, что, оставшись после смерти родителей мальчиком совершенно одиноким, были взяты к себе дальним родственником — гвардейским генералом, который воспитал вас, дал вам хорошее образование и научил хорошим манерам.

17. Вы духовное лицо и в силу своих религиозных убеждений не сняли свою рясу, не обращая внимание на антирелигиозные выступления власти в лице агитаторов — воинственных безбожников, что послужило причиной искреннего уважения со стороны окружающего вас народа.

Десятки тысяч отделений ГПУ во всех городах и суботделений в сельских местностях огромной страны с миллионами арестованных, таких же людей, как и мы, находящихся в мрачных подвалах с дикими нравами и зверскими средневековыми пытками; бесчисленное количество домзаков (домов заключенных), ИТД (исправительно-трудовых домов) и прочих мест заключения; десятки концентрационных исправительно-трудовых лагерей на далеких окраинах страны с миллионами заключенных, лучших, отборных людей из всех слоев населения, находящихся в тисках жестокой каторжной дисциплины и занимающихся непосильным принудительным трудом, будучи голодными, пребывая в нечеловеческих условиях; сотни тысяч стариков, старух, детей и нетрудоспособных больных людей, насильно вывезенных из родных мест на вечное поселение в холодную Сибирь и в необитаемые места северного края и Казахстана, — явление необычайное, прозванное в народе «Россия на колесах». Все эти разнообразные виды наказания мне представляются в виде отдельных бешеных потоков

мутной воды, смешанной с человеческой кровью сказочно гигантской бушующей реки, направленной волей злого рока для ее гибели на огромную страну, где коммунистическая партия с ее вождями, «великими» и малыми, является лишь исполнителем этой воли. О чистых, святых чувствах вождей к народу в этой стране, о подлинном коммунизме или хотя бы относительной справедливости, а тем более о равенстве, братстве и свободе здесь и речи быть не может. Ибо святые чувства и чистые идеи могут исходить только от чистых людей, но не от убийц и садистов. Вожди ВКП(б) не могут дать народу того, чего не имеют сами, точно так же, как почва бесплодной пустыни не может дать здорового дерева, которое могло бы приносить хорошие плоды. Такая бедная и безводная почва может дать только бесполезную, никому не нужную голую колючку, точно так же, как советская система управлять государством дает колючие смертоносные законы.

Быть арестованным по политическим подозрениям в Советской России — это значит вы свалились от неведомого рокового толчка с высокого крутого берега в эту гигантскую реку, в бешеном темпе несущую в своих мутных кровавых потоках миллионы таких же несчастных людей, как и вы, свалившихся с того же самого берега до вас. Даже в первый момент, находясь еще недалеко от берега, видя свою гибель, вы не кричите «караул», не зовите на помощь, ибо это совершенно бесполезно. Народ у берега, наблюдающий за вашей борьбой с водной стихией, сам бессилен и ничем не может вам помочь. Он закован на месте и не может подойти к вам близко, у него связаны руки, и он не в состоянии бросить вам конец веревки для вашего спасения. Язык его скован, он не может даже выразить вам свое сочувствие вслух, он также лишен возможности произнести протест и глубокое свое возмущение перед всеильными насильниками, против безжалостного и бессмысленного уничтожения ни в чем не повинных людей. Перед гибелью, когда водная стихия начнет всасывать вас в себя медленным движением вглубь реки к бешеным вонючим потокам, вы можете получить особую горечь в своей трагедии, увеличивающую ваши страдания во много раз, при виде выступивших из среды народа вперед к берегу отдельных людей-предателей в лице председателя местного комитета по месту вашей службы, председателя домового комитета по месту вашего жительства, тайных агентов ГПУ из числа близких ваших знакомых и даже друзей, доносивших каждое ваше неосторожное слово властям, а также разных подхалимов в лице активистов и сочувствующих соввласти. Эти люди будут кричать во все горло перед народом, называя вас «врагом народа», «бандитом», «контрреволюционером», «кулаком», «саботажником», «расхити-

телем государственного имущества» и тому подобными именами. Одновременно с этим они будут в вас кидать камнями и усиленно отталкивать вас баграми к быстрому потоку, чтобы вы никогда больше не пристали к родному берегу.

К такому сравнению я пришел тогда, когда испытал полностью всю чудовищную советскую систему уничтожения и закабаления народов России. Когда мне удалось побороть в себе глупую наивность простой доверчивой души, а глаза мои широко открылись и я видел всю низость существ[ующей] власти, я приобрел громадный опыт за долгие годы скитаний в заключении в разных лагерях в продолжение четырех лет. Когда во мне выковалось само по себе твердое и непоколебимое убеждение о сущности советской власти и ее «великих» вождей, несясь на гребнях бешеных потоков всепроникающей роковой гигантской реки, как ничтожная щепка, потеряв родной край, родной свой народ, друзей и знакомых, лишившись своего имущества и самых элементарных прав человека, я потерял свое имя и превратился во вьючное животное, носящее на своей шее номер.

У восточных народов есть поверие, будто когда-то Бог сказал своему пророку: «Я смеюсь только в двух случаях. Первый — когда я хочу возвысить человека, а люди пытаются сбросить его с вершины; второй — когда я хочу унижить человека, а люди пытаются поднять его наверх».

Я был арестован по установ[ленной] совет[ской] системе точно так же, как были арестованы до меня миллионы людей, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, начиная от простого колхозника или рабочего до инженера, профессора или ученого. Накануне моего ареста никаких признаков я не замечал, ничто не предвещало надвигающейся катастрофы на мою несчастную голову. До ареста я был служащим. Осенний день был самый обыкновенный, в учреждении работы у меня было много, и я всегда оставался там долго по вечерам. В этот вечер я вернулся поздно, дома была обычная мирная картина семейной жизни: ребенок мой спал беззаботным сном в своей кроватке, а жена читала какой-то французский роман в переводе на русский язык в ожидании меня. После ужина я лег спать спокойно, не зная о том, что через несколько часов злая судьба перевернет всю мою жизнь вверх дном и что жизн[енный] путь мой с этого момента изменит свой курс, направив меня к страшному крутому высокому берегу роковой гигантской реки. Мой домик был расположен по Интернациональной улице под № 83, в нем было всего четыре комнаты. Две из них занимали квартиранты, а в остальных мы жили сами. Около двух часов ночи меня разбудил сильный звонок

с улицы. Я встал с постели в недоумении, так как мы никого не ожидали, да еще в такой поздний час, в одном белье я вышел и открыл дверь на улицу. При свете слабой электрической лампочки под дверями я увидел молодого чекиста и за ним двух красноармейцев с винтовками. Даже вид этих представителей грозного ГПУ не испугал меня, настолько была велика моя наивная, глупая уверенность в неприкосновенности своей личности без особой причины. Чекист оказался старшим агентом ГПУ, моим же знакомым. Не спрашивая разрешения, он бесцеремонно вошел в дом мимо меня, а за ним вошли и красноармейцы. Стоя в одном белье перед ним, я слушал, как чекист объявил мне официальным языком, что по приказу начальника местного отдела ГПУ он должен произвести обыск в моей квартире. Жена наскоро оделась и вышла к нам с испуганным лицом, а ребенок продолжал спать. Чекист сейчас же приступил к обыску, грубо переворачивая все в комнате. Нас с женой отвели в один угол и приказали не трогаться с места. Я был удивлен и несколько озадачен этим случаем, но в глубине души был спокоен, ибо не знал и не чувств[овал] за собою абсолютно никакого преступления. Я был уверен в том, что этот случай или простое недоразумение, ошибка, или ложный донос какого-либо недоброжелателя. Наблюдая за обыском безмолвно, я был совершенно спокоен за его исход, так как в квартире не было ничего, могущего служить материалом для обвинения или ареста. Я только обратил внимание, что чекисты интересовались бумагами, они рылись в книгах, в старых журналах, читали письма, случайно сохранившиеся. Из всего этого я заключил, что они ищут какую-то воображаемую мою переписку с кем-то. На этом основании я как наивный, неопытный человек обратился к чекисту честно и совершенно искренне: «Скажи мне, что ты ищешь, какая переписка тебя интересует? Если у меня она имеется, то я тебе ее дам сейчас же». Чекист мне не ответил, не обратив никакого внимания на мое наивное, но честное предложение.

Наконец обыск был закончен, чекист резко повернулся в мою сторону и таким же резким голосом предложил мне одеться. «Как! Мне одеваться? Значит, я арестован?» — удивленно спросил я. Жена испугалась, начала ломать руки и заплакала. Хитрый чекист сейчас же спохватился и начал нас уверять, что это вовсе не арест, но якобы я нужен в ГПУ в качестве свидетеля по какому-то делу всего на десять минут. Только теперь во мне где-то в глубине возникло сомнение, я начал видеть, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем я предполагал, но страха не ощущал; как всякий наивный, недалекий человек, я верил тогда еще в какую-то справедливость. Не попрощавшись ни [с] женой, ни со своим единственным ребен-

ком, я вышел на улицу вместе с чекистами в надежде вернуться домой через полчаса или через час. Шел мелкий дождь, была грязь, через несколько шагов от моего дома я остановился с намерением вернуться за своими галошами, но чекист резким повелительным голосом запретил мне и приказал идти вперед, в это время два красноармейца, медленно отходя назад, взяли винтовки наперевес. В ту же минуту к ним присоединились еще два красноармейца, также вооруженные винтовками. Очевидно, они были поставлены здесь, около дома, на время пребывания других чекистов внутри. На этот раз сомнение мое увеличилось и, шагая впереди конвоиров, призадумался, очень уж было похоже, что я арестован. Но где причина? За что? На каком основании? Эти вопросы были для меня загадками долгое время, пока не открылись мои глаза. С перепутанными мыслями я шел всю дорогу под конвоем двух вооруженных красноармейцев по пустынным улицам сонного города. Старший агент ГПУ с двумя другими красноармейцами по дороге на одной боковой улице свернул направо — очевидно, за каким-нибудь несчастным, как я.

По мере приближения к зданию ГПУ увеличивался мой страх, на улицах мы не встретили ни одной живой души, точно город был необитаем. Комендантская комната, куда меня ввели, сильно была освещена, за большим письменным столом сидел чекист крупного телосложения, упитанный, с красным лицом и налитыми кровью большими глазами. Это был сам грозный всемогущий комендант ГПУ, кроме того, в комнате было еще пять человек других чекистов. Очевидно, в эту ночь было пред[наз]начено много арестов, агенты арестовывали людей на квартирах во время сна, красноармейцы приводили их сюда, а комендант и прочие чекисты принимали арестованных здесь, на месте. Комендант поднял голову и строго в упор смотрел мне в лицо несколько секунд, дрожь пробежала по всему моему телу от его звериного взора, затем дал знак чекистам. Они в ту же секунду подошли ко мне, обыскали меня, забрали все содержимое моих карманов и грубо толкнули меня в сторону выходной двери во двор, потом повели дальше и спустились в подвал, в длинный плохо освещенный коридор. Дневальный встретил нас вопросом:

— В какую?

— В десятую, — ответил ему один из чекистов.

Он прошел вперед быстрыми шагами и второпях открыл камеру № 10, куда грубо толкнул меня в спину один из чекистов, проговорив: «Вот твое место». Перешагнув, он пошел через порог камеры в полумрак, я еле удержался на ногах от второго толчка сильно захлопнувшейся двери и чуть не упал на спящих голых

людей у самого порога. На полу буквально не было свободного места, куда можно было встать ногами. Стоя на пороге, в первый момент я терял равновесие, балансировал руками, затем облокотился о косяк, и только тогда я имел возможность оглянуться. Уже в первую секунду я начал задыхаться от невыносимой удушливой вони, столбом стоящей в камере. Голова моя закружилась, меня бросило в жар, потом я сильно вспотел, вынужден был сбросить всю одежду, опять балансируя и качаясь в разные стороны. Я сразу ослаб, ноги меня не держали больше, странная тяжесть давила меня, и через минуту я опустился на колени, касаясь ими голого живота крайнего сонного арестанта. Через некоторое время мне стало легче, и я поднял свой взор.

Передо мною была удручающая картина: вся площадь камеры была занята густой массой голых грязных человеческих тел, набитых как селедки в бочке. Один ряд лежал на нарах вдоль камеры у противоположной стены, другой ряд был на полу в таком же порядке, с десятков лохматых голов выступало из-под нар третьего ряда, здесь же возле меня, у самого порога, и налево в сторону поганой параша лежало несколько человек вперемешку. Параша, издающая зловоние, стояла на расстоянии одного метра от меня; задыхаясь с непривычки, я возмущался этим грубым нарушением человеческих прав. Некоторые из арестантов проснулись, одни взглянули на меня нехотя, косо, другие лишь одним глазом, не двигаясь с места и не меняя позу. Я только слышал, как один из них спросил у другого тихим голосом:

— Кто это?

Тот ему ответил:

— Городской.

И опять продолжали спать, но никто не заговорил со мною. Холодное равнодушие моих будущих товарищей по несчастью сильно увеличило мое огорчение, и в этот момент я почувствовал себя одиноким и несчастным, будто в дремучем лесу среди дикарей. Оскорбленный и униженный до глубины души своим бесцеремонным арестом без причины, с величайшим возмущением от горькой обиды, я просидел на корточках у порога до самого утра, часто меняя положение своего туловища, то нагибаясь вперед, то упираясь спиной на дверь или на косяк. Голова кружилась, но мысли работали усиленно, я много раз перебирал в памяти по косточкам всю свою жизнь в прошлом, особенно за советское время, вспоминал отдельные отрывки, отдельные моменты в надежде найти причину моего ареста. Я искал то, чего не было в моей жизни, и никак не мог найти. Сотни раз возвращался к вопросу, где я мог совершить преступление, послужившее причиной

моего заключения в этот ад бесцеремонно и грубо. Разочарование мое было тяжелое и потрясающее, я стал всматриваться мыслями в жизнь глубже и неожиданно нашел разницу между глупой, доброй доверчивостью и хитрым, злым эгоизмом настолько выпукло и ясно, что это послужило началом болезни, а потом через длинные годы смерти моей тогдашней простодушной ограниченной глупой наивности.

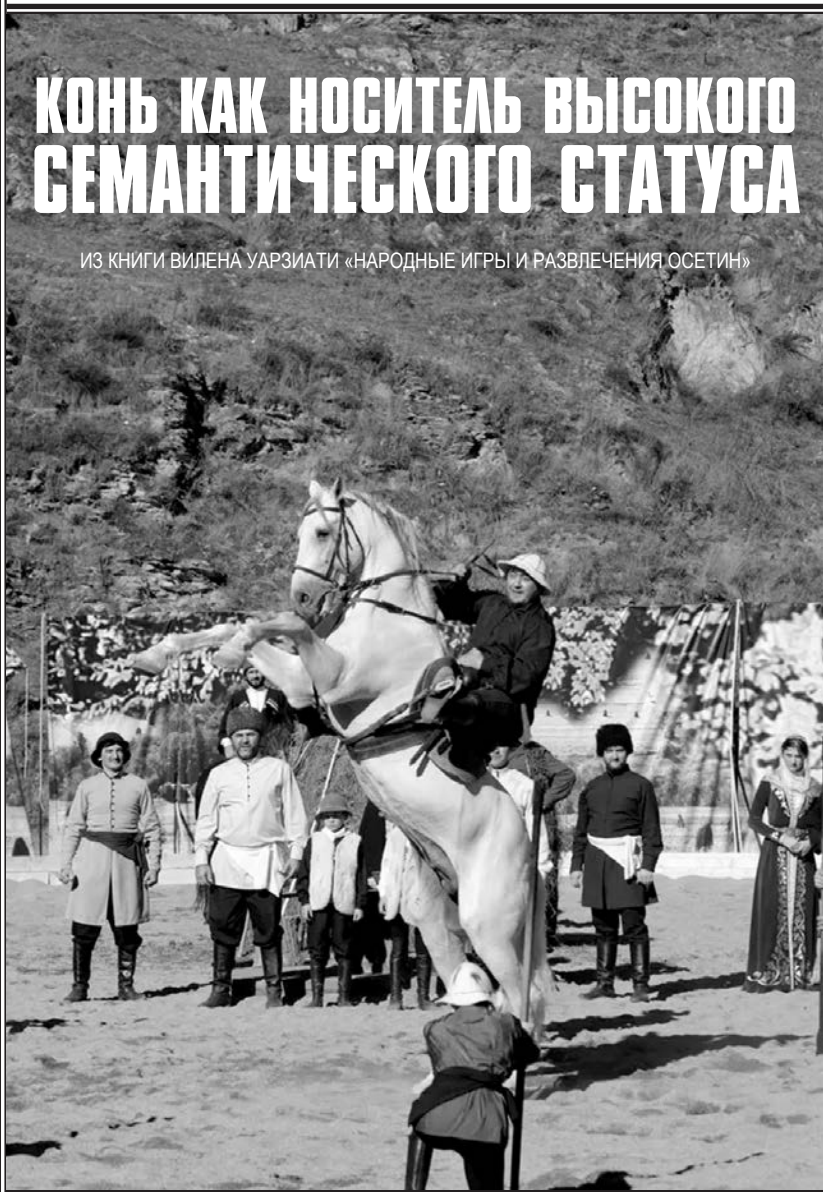
Сидя в таком положении, я провел много времени, прежде чем я очнулся, точно от кошмарного сна, свет раннего утра заглянул в подвал через небольшое окошко как раз напротив меня над нарами. Снаружи на нем была ржавая железная решетка, а внутри — старая деревянная рама без стекол. Арестанты понемногу зашевелились, начали просыпаться, и пошли разговоры. Темой их беседы было мое появление в камере как новичка, они равнодушно рассматривали меня, пришедшего к ним с другого света, затем стали расспрашивать, кто я, откуда, по какой причине попал к ним и какие новости вообще на белом свете. Через три-четыре дня, присмотревшись к ним ближе, я нашел среди них интересных и даже толковых людей. Учреждение, где я прослужил подряд семь лет до самого моего ареста, занимало угловое здание наискось от здания ГПУ на расстоянии около пятидесяти метров. Я знал еще тогда о существовании подвалов ГПУ, где сидят арестованные, знал также и о том, что там во дворе расстреливают людей, но кто именно сидит там, кого расстреливают, я не понимал, и никогда мне не пришлось сосредоточить внимание на этих вопросах. Как некомпетентный в этих делах, я придерживался общего мнения, что власть арестовывает людей, провинившихся перед ней в чем-либо более или менее реально — скажем, выступлением против власти словесно на каком-нибудь собрании, перед группой людей или с оружием в руках против отдельного представителя местной власти. Здесь же, в камере № 10, я столкнулся с людьми, главным образом сельчанами-кулаками с мозолистыми грубыми руками от постоянной работы, попавшими сюда за то, что имущество, приобретенное ими тяжелым трудом, считают своей собственностью, а не общим достоянием, но далеко не настроенными выступать против власти. Кроме них в камере оказалось несколько человек городских интеллигентных людей, также тружеников-служащих в советских учреждениях.

Продолжение следует.

Вилен УАРЗИАТИ

КОНЬ КАК НОСИТЕЛЬ ВЫСОКОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО СТАТУСА

ИЗ КНИГИ ВИЛЕНА УАРЗИАТИ «НАРОДНЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ОСЕТИН»

Праздник в честь 160-летия Коста Хетагурова в селении Нар (2019). Фото пресс-службы Южной Осетии

Значение коня и коневодства в истории человечества трудно переоценить. Новейшие изыскания в области истории коневодства предполагают, что развитие его в древности было связано с индоевропейскими племенами. О широком распространении коневодства у этих народов говорят многочисленные свидетельства смежных дисциплин, и в первую очередь археологии. Любопытные сведения об этом сообщал «отец истории» Геродот, а римский историк Аммиан Марцеллин относительно алан подчеркивал особо, что молодежь с раннего детства, сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком. Об аланах, как замечательных конниках, упоминается и в каталонской хронике Раймона Мунтемира, датируемой XIII веком. Аланы, говорится в ней, считаются какими ни на есть лучшими всадниками на Востоке.

Высокий статус коня нашел свое отражение и в мифологии индоевропейских народов, в частности у осетин. Сказания нартовского эпоса подтверждают важную роль, которую играл конь в повседневном быту древних, обладая при этом целым рядом сказочных, сверхъестественных свойств.

В глубокой древности иранские племена освоили коня для верховой езды. Это домашнее животное нашло широкое применение в хозяйстве, охоте и войне. Последнее явилось основным стимулом развития искусства верховой езды и управления конем в упряжке. Все это, естественно, требовало специальной подготовки как для всадника, так и для лошади. Значительный прогресс военного дела способствовал распространению коневодства и всадничества у других, неиндоевропейских народов. «Вместе с самим животным и навыками тренинга заимствовали обряды и мифы, сложенные приучавшими его впервые индоевропейцами» [1, с. 42].

Текст печатается по изданию: Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.

Новые археологические материалы свидетельствуют, что в результате этнокультурных контактов конь стал известен на Кавказе очень рано, в конце III тыс. до н. э. О масштабах коневодства и культа коня на Кавказе косвенно свидетельствуют факты захоронения в могильниках эпохи бронзы конских голов и отдельных частей узды.

Существует мнение, что северокавказскими аланами была выведена так называемая северокавказская порода лошадей, широко известная ныне под названием «кабардинской». После нашествия Тимура на Северный Кавказ аланы «из-за ограниченности территории и сурового климата уже не имели возможности содержать табуны лошадей, постепенно у них исчезла эта порода коней. Осетинский фольклор сохранил названия некоторых пород лошадей, разводимых аланами на Северном Кавказе: «æфсургъ», «аласа», «саулох», «хуарæ». Большой известностью среди осетин издавна пользовались и некоторые кабардинские породы скакунов: «тæран» и «цагъди». В последнее время археологом С. Б. Ковалевской были сделаны смелые попытки реконструировать экстерьер древних коней, разводимых на Северном Кавказе в начале I тыс. н. э.

Природные способности лошади к быстрому передвижению, преодолению препятствий и преград обусловили ее использование во всевозможных состязаниях, издревле бытующих у многих народов, знакомых с коневодством. Популярность и широкое распространение конных игр в традиционном быту осетинского народа является свидетельством того, что они возникли и совершенствовались у народов с развитыми традициями скотоводческого хозяйства. Простые по содержанию и внешним аксессуарам, они преследовали конкретную цель — подготовить молодежь к хозяйственной деятельности. Однако не меньшее значение имел и их специфический, военно-прикладной характер. Это было объективное следствие, отражавшее военно-демократический и феодальный уклад социальной культуры осетин и других народов Кавказа.

Известные нам различные конные игры в своей изначальной сущности являлись своеобразной проверкой боевой подготовки коня и всадника. Именно в этих древних играх закладывались основы вольтижировки и джигитовки, которые давали возможность проявлять, развивать и совершенствовать психофизические и морально-волевые качества всадника. Особое внимание уделялось выработке силы, гибкости, ловкости, отваги, настойчивости, чувства равновесия. Заметную роль при этом играла и выработка необходимых боевых качеств коня: выносливость, скорость, маневренность, подчинение всаднику. Отмечу, что некоторые элементы высшей школы верховой езды, особенно «каприоль»,

«пируэт», «пезада», являются отголосками боевого применения коня.

Уже в глубокой древности проводились и более сложные игры-соревнования, предшествующие современным конноспортивным соревнованиям. Сохранилось свидетельство Диона Кассия о том, что знатные иберы во главе с царем Фарасманом демонстрировали свое боевое искусство владеть конем на Марсовом поле в древнем Риме. В нартовском эпосе осетин также часто упоминаются скачки, на которых испытывалась резвость коней. Характер их был, разумеется, боевой, а о размахе можно судить по участию в них небожителей.

Разнообразные виды конных игр и состязаний, то есть тех видов развлечения, в которых конь принимает непосредственное участие, у осетин можно условно разбить на скачки (*дугъ*) и джигитовку (*бæхæй хъазт*). Джигитовка есть разновидность скачки, во время которой наездник демонстрирует умение управлять конем, владеть своим телом и оружием. Все упражнения, среди которых преобладают силовые, производятся на лошади, скачущей широким галопом. Однако при всем единстве скачки и джигитовки последняя по характеру своему имеет существенное отличие от скачек. Различие это проявляется в том, что джигитовка преимущественно устраивалась по случаю радостных событий семейного или общественного быта, а скачки, как правило, в цикле похоронно-поминальной обрядности осетин.

В связи с этим замечу, что осетинское название скачек (*дугъ*) «представляет старый вклад в аланский из среднеазиатских тюркских языков». В. И. Абаев выявил семантическую связь между «погребальным обрядом» и «скачками», но сам термин при этом считает заимствованным из среднеазиатско-тюркских языков [2, т. 1, с. 374].

Принимая во внимание тот факт, что происхождение коневодства в основе своей связано с историей индоиранских и — шире — индоевропейских народов, следует отнестись к предположению В. И. Абаева с осторожностью. Английский востоковед Г. Бэйли считает, что в основе осетинского *дугъ* лежит древнеиранское **dauga* (бег), которое было заимствовано тюрками, о чем еще в 598 году свидетельствовал Менаандр Протектор.

В традиционном быту осетин отмечено несколько видов поминальных скачек и конных игр: «æмбойны дугъ», «стыр дугъ», «æлæм», «фырыскъæфæн» и «фиусудзæн». Первый вид скачек, как свидетельствует его название (досл. «скачки того же дня»), проводился в день погребения. Это были наиболее простые по форме организации скачки, в которых участвовало всего несколько

коней. В качестве всадников, как правило, выступало несколько юношей, получавших соответственно своим результатам в скачках вещевые вознаграждения. Аналогичные скачки устраивали в день похорон и горцы Грузии. Поминальные скачки (*цхэнн догъви*) были тесно связаны с культом предков. Их проведение заметно повышало авторитет оставшегося старшим в семье как среди всех родственников, так и среди односельчан.

В прошлом осетины в день похорон устраивали конную игру «фырыскъæфæн». После погребения, на ровной площадке за селом, за плетеной изгородью помещали барана (*фыр*). «Затем несколько всадников на полном скаку старались выхватить за рога барана, которого приносили, по нормам обычного права осетин, в жертву для номинального угощения в честь усопшего» [3, с. 39]. Отмечу, что это единственное свидетельство в осетинской этнографии, записанное в 50-х годах XX века в селении Уаллаг-Сба, представляет значительный интерес своей архаикой. Кроме того, любопытны параллели этой игры, хорошо известной народам Средней Азии, откуда пришли и предки осетин. Эта игра была известна и ингушам, издавна испытывавшим на себе культурное влияние осетин. Еще в 70-е годы XIX века Н. Ф. Грабовский описал аналогичную игру у ингушей (*лаьвтарка боаккхаш ди хахкар*).

Большой интерес вызывали скачки во время осенних поминок. Они привлекали большое число участников, отчего и назывались «стыр дугъ» (большие скачки). Участвовать в скачке должны были «именные» лошади, которые представляли: агнатных родственников умершего (*æрвадæлтты бæх*), когнатных родственников, если поминаемый был женат (*каусты бæх*), племянников фамилии (*хæрæфыртты бæх*), зятьев фамилии (*сиæхсты бæх*). Помимо этих обязательных участников, в скачке мог принять участие любой желающий. Учитывая, что такие скачки сопровождались огромным стечением народа, победа на них считалась особо почетной. Все это было причиной самой тщательной подготовки коней, которая начиналась до объявленного срока описываемых скачек.

Конь, выставляемый для скачки, скрытно от глаз посторонних наблюдателей готовился специально для этого выделенным человеком. Скакуна содержали изолированно от других лошадей. Большое внимание уделялось физическим тренировкам и питанию, так как правильное кормление — одно из необходимых условий повышения работоспособности лошади. Для того чтобы конь был сухопарым и легким в беге, его содержали в теплом помещении и кормили преимущественно ячменем (*хъæбæрхор*) и жареными зернами кукурузы (*цæкуйтæ*). Все виды корма задавались небольшими порциями. Чем чаще коня кормили в течение суток,

тем с большим желанием поедался корм и тем лучше он усваивался.

Много внимания уделялось физическому тренингу и закаливанию коня. Во время тренинга внимание уделялось закреплению выносливости и резвости коня. С этой целью во время выездки скакуна проверяли в различных аллюрах. В осетинском языке сохранились номинации для всех аллюров: шаг (*фаддзу*), рысь (*сæпп*), галоп (*цыппæрвадыг*), иноходь (*сурд*). Необходимость такого чередования нагрузки была обусловлена опытом подготовки коня к длительным пробегам. Резвость же коня выявлялась на сравнительно коротком участке дистанции перед финишем.

Наряду с рациональными методами подготовки коня значительную роль играли и магические средства от порчи. Для этого весь комплекс подготовки скакуна (*бæхауæрдын*) содержался в строжайшей тайне, а на коня надевали разного рода апотропеи.

В процессе подготовки к скачкам оглашались сведения о характере и количестве призов. В зависимости от призов по решению участников скачки определялось расстояние, которое было прямо пропорционально выставляемым призам. Скачки могли быть по кругу или по определенному маршруту. В первом случае всадники делали без остановки три круга, из которых последний был решающим. «Опытные наездники старались в первые два круга не отставать от других, но и не переутомлять лошадь и, по возможности, сберечь ее силы для третьего решающего круга: от искусства наездника зависело многое. Неопытный наездник в первые два круга загонял свою лошадь настолько, что она с третьего круга и вовсе выходила из строя» [4, л. 183].

Второй вид этих скачек мог продлиться несколько дней, ибо участникам необходимо было посетить целый ряд селений, указанных семьей умершего, с целью посещения проживающих в них родственников. Поминальные скачки неоднократно упоминались в осетинской этнографической литературе, что позволяет опустить их описание. Необходимо лишь отметить, что специфическую черту этих скачек составляло участие в них вспомогателей (*хъузон*), которые принимали участие в отдельных этапах дистанции, не претендуя на приз.

Каждый участник скачки особо приглашал себе помощников, количество которых зависело от физических качеств выставляемого скакуна. В ночь накануне скачек каждая группа помощников собиралась в доме участника скачки и обсуждала, кому в каких местах маршрута необходимо помогать. В наиболее сложных местах дистанции располагались более опытные вспомогатели на лучших конях. На каждый оговоренный участок выделялось по

два всадника-вспомогателя, один из которых тянул коня участника скачек за узду спереди, а другой криком и гиканьем погонял его сзади. Существовали особые неписанные правила, зафиксированные В. Карджиаты и Г. Кокиевым, регламентирующие действия вспомогателей во время скачек, в частности в случае падения скакуна, что в условиях гор бывало нередко.

Осенние скачки (*стыр дугъ*) в честь покойников были очень обременительны, особенно для малоимущих семей. Масштабы, которые принимали осенние поминки и обрядовые игры на них, нашли свое отражение даже в фольклоре. Например, в историческом предании «Чехойты дугъ» (чехоевская скачка) говорится, что только в многодневных скачках от города Гори до селения Бекмар участвовало 60 всадников. Администрация края, с целью избегания несчастных случаев и разорительных издержек для осетин, запретила устройство этих скачек. По сведениям осетинского священника Б. Гатиева, «с последней половины шестидесятих годов до 1873 года скачки по покойникам нигде не устраивались более, и народ совсем позабыл было о них, но, к несчастью, в 1873 году один из влиятельных магометан, дигорец, выпросил дозволения у начальства устроить скачку в память своего умершего, а как горцы вообще имеют слепую страсть подражать друг другу, то дурному примеру этой особы последовала вся Дигория, а затем жители и других участков» [5, с. 201].

В день осенних поминок в прежние времена существовала еще одна конная игра «фиусудзæн», впервые зафиксированная осетиноведом В. К. Тотровым в начале 30-х годов XX века. В день поминок на ствол ветвистого дерева вывешивались круги нутряного сала (*фиу*) животных, забитых для поминок в течение предшествующего времени. Вокруг дерева набрасывали солому и мелкие сухие ветки и поджигали их. «В скачках, проходивших на виду у публики, участвовало несколько всадников. Всадники с разгона выхватывали из пламени костра сало и мясо» [3, с. 38]. Победителем считался тот наездник, кто больше всех смог выхватить мяса: в качестве приза ему выделялся баран, которого победитель приносил в жертву в память об умершем.

В цикле традиционных поминальных обрядов осетин была известна еще одна разновидность скачек — «æлæмхæссæн».

Версией конной игры «æлæмхæссæн» является абхазская обрядовая игра «атарчей» и кабардинская — «шы джанэ». Коня усопшего покрывали красным покрывалом и седлали его. На нем лучший всадник должен был возглавить скачку 10–15 верховых. Вначале кавалькада, распевая абхазскую поминальную песню (*азар*) в честь покойника, объезжала улицы села, а затем всадник

Поминальные скачки со вспомогателями. Художник М. Туганов

с «атарчей» вырывался вперед, увлекая за собой остальных, желающих отнять у него покрывало. Поэтому лидер всегда выбирал сложный маршрут скачки с резкими поворотами, преодолением препятствий. Особо ценилось, когда удавалось завладеть покрывалом, не порвав его. Возвращение к началу скачки с покрывалом обеспечивало наезднику победу. Победитель награждался скотом, одеждой или деньгами. Несколько иначе проводилась эта скачка у кабардинцев.

Среди осетинских игр, связанных с похоронно-поминальной обрядностью, важное место занимала стрельба в цель (*хъабахъ*), которая проводилась как среди пеших, так и всадников. С этой целью из трех укрепленных деревянных кругляков сооружался шест, на верхушке которого устанавливалась доска с мишенью (*мысан*), в центре в виде кусочка войлока, кожи, а по бокам — деревянные колышки (*цъоз*). Основная, в центре, мишень оценивалась бычком или бараном, а боковые — деньгами.

Первым выстрелом близкого родственника покойного начиналось соревнование. В порядке установленной договоренности все желающие, кроме родственников, которые только имели право первым выстрелом сделать зачин, начинали сбивать мишень. После первых выстрелов основная мишень еще больше сокращалась в размерах, что, соответственно, затрудняло шансы последующих стрелков. Находились отдельные удальцы, которым

удавалось сбить мишень на полном скаку. В таком случае обрядовая игра «хъабахъ» внешне совпадала с обычной джигитовкой. Имена этих наездников получали всеобщее признание, что в своем престижном ранге стояло выше любых материальных наградений.

Сбить «хъабахъ», равно как и победить в других обрядовых играх похоронно-поминального цикла, не означало получить материальную выгоду. Выигранная живность шла на убой в память об усопшем, а семья победителя несла еще и дополнительные затраты на организацию поминального стола.

Следует отметить, что данная игра под тем же названием «х'абах'» хорошо известна туркменам и памирцам, в этногенезе которых активную роль играл иранский культурный элемент, а также соседним с осетинами народам Кавказа, в частности горцам Восточной Грузии (х'абах'и // г'абахи).

Конные игры в цикле традиционно-бытовой похоронно-поминальной обрядности занимали большое место. Вышеизложенные факты создают твердое мнение о том, что конь в системе мировоззрения осетин и их далеких предков играл важную роль. Однако истоки, к которым восходит активное его использование в похоронно-поминальной обрядности осетин, связанное со значительными материальными издержками, остаются невыясненными. Предпринятые попытки разъяснения устойчивой взаимосвязи «смерть — конь» не объясняют, а приводят к ложным, на мой взгляд, выводам. Например, А. Б. Кокоевой была предложена следующая материалистическая версия о причинах устройства скачек семьей умершего: «Несмотря на утрату, она (семья. — В. У.) в состоянии проводить обычную жизнь, показывая свою материальную мощь». Данная версия страдает односторонним подходом к рассматриваемому вопросу, не вносит ясность и, соответственно, не удовлетворяет интересов истинного положения вещей.

Более перспективным представляется анализ традиционных верований осетин, которые считали смерть продолжением реальной жизни, но в иных условиях. В этом отношении показательно само определение загробной жизни. «Æцæг дуне» (настоящий мир) есть истинная форма бытия в отличие от «мæнг дуне» (ложный мир), в котором пребывает человек, готовясь перейти в «настоящий мир». Этот основополагающий момент древних верований, присущий в прошлом всем народам, является ключом к пониманию генезиса традиционных похоронно-поминальных обрядов и связанных с ними обрядовых игр.

В свете рассматриваемой проблемы особое значение имеют данные об обряде посвящения коня покойнику (*бæхфæлдисæн*). Этот любопытный по своему содержанию и внешнему оформлению обряд отмечен в традиционном быту осетин еще в XVIII веке. Сведения о нем сообщали и последующие исследователи, в частности А. Шёгрэн, Н. Берзенов, С. Жускаев, В. Миллер, М. Туганов и многие другие. В историко-сравнительном плане он был специально изучен Б. А. Калоевым.

Не останавливаясь подробно, напомним узловые моменты посвящения коня, в основе которого лежит представление о потустороннем мире как естественном продолжении физической жизни. При этом никаких качественных изменений, как полагали осетины, не происходило. Следовательно, «у покойника на том свете были совершенно такие же потребности, что и при земной жизни: ему нужна была и жена, и конь, и вообще все, что необходимо человеку при земной его жизни» [4, л. 171].

Вера в иной мир и отождествление условий инобытия с витальными потребностями человека способствовали тому, что покойник экипировался родственниками так же, как в реальной жизни готовятся к длительному путешествию. Естественно, что самым необходимым в данном путешествии была верховая лошадь (*саргъыбæх*), которую и посвящали покойнику. С этой целью с конем проводили несколько условных действий: снаряженного коня с навешенным на седло оружием и одеждой обводили вокруг усопшего, конец узды вкладывали в руку покойника и после произнесения специальной молитвы (*бæхфæлдисæн аргъуыд*) надрезали коню ухо или впоследствии выстригали волосы. Эти манипуляции с конем должны были формально закрепить за умершим все причитающиеся ему атрибуты пребывания в ином мире.

В свете сказанного обращает на себя внимание номинация обряда посвящения — «фæлдыст», имеющая в современном осетинском языке два значения: «посвящать» и «творить». Высказано предположение, что в основе их лежит единый смысл чародейства. В частности, «творить» — значит вызывать с помощью заклинаний; «посвящать» означает с помощью заклинаний переводить из земного плана в загробный. Как было отмечено выше, в древности с помощью славословий пытались влиять на происходящие перевоплощения.

Важно отметить, что после посвящения конь считался собственностью умершего, и на земле оставался только его призрак. Поэтому во время покупки коней тщательно осматривались его ушные раковины, чтобы выявить следы посвячительных надрезов. Коня с надрезанным ухом «осетин ни за что не купит, ибо

видит в нем призрак коня, а не самого коня и поэтому находит его бесполезным для себя» [6, с. 76]. Еще раньше, в начале XIX века, этот факт был подмечен А. Шёгреном: «Они (осетины. — В. У.) в таком случае уже не считают лошадь своей, а принадлежащей тому, к чьей могиле ее подводили, думают, что подарили ее умершему другу, и уже он будет ездить на ней, а хозяин должен будет искать себе другую» [5, с. 71].

Значительный интерес представляет словесная часть обряда. В начале молитвы подробно описываются долгие и безуспешные поиски достойного коня для умершего в табунах сказочной страны Терк-Турк. В конце концов у небожителя Уастырджи отыскивается чудо-конь (*æфсургъ*), которого снаряжают в путешествие самыми изысканными аксессуарами конского убранства: от булатных (вариант — золотых) гвоздей на подковах до чудесного седла тегеранской работы (*дахран саргъ*). Часто подателями этих вещей являются и другие небожители: сын Луны, сын Солнца, сын Фарна. Сам конь, выращенный в небесных табунах, должен обладать тремя важными для предстоящего путешествия качествами: быть сильным, резвым и спокойным.

Текст посвящения излагается в форме вопросов и ответов. В пути следования в загробный мир покойник видит отдельные непонятные для него сцены, о которых он спрашивает своего провожатого, дающего ему пояснения. Очень красочно и остроумно рассказывается о людских пороках и грехах, а также о наказаниях, которым подвергались люди на том свете за содеянные при земной жизни проступки. Надо сказать, что известные тексты посвящения коня очень богаты по языку, стилю, художественно-эстетическим достоинствам. В этом отношении выделяются варианты, записанные А. Шёгреном, В. Миллером, Б. Гатиевым, М. Тугановым.

Данный памятник устного народного творчества осетин ни по форме, ни по содержанию, к сожалению, не стал еще предметом серьезного анализа. В то же время изучение текстов осетинских погребальных посвящений коня довольно перспективно. Первые опыты историко-сравнительного анализа показали поразительное сходство их с текстом гимна на погребении коня в Ригведе [X, 56], как в общей идее, так и в деталях.

По всей вероятности, длительная история коневодства и сложный комплекс воззрений, сложившийся о коне как носителе высокого семантического статуса, способствовали сохранению реминисценций былого культа коня в традиционном быту осетин. Именно в этом обряде наиболее ярко раскрывается глубокая связь коня как древнейшего средства передвижения и древних

религиозных представлений, связанных с ним. Ведь посвященный конь (*фæлдыст бæх*) должен был помочь человеку найти путь в небесную обитель и преодолеть трудности. Широкое использование коня древними индоевропейцами в эсхатологии и других религиозных верованиях помогает понять отмеченную взаимосвязь.

Как известно, древние иранцы поклонялись коням, в образе которых нашли отражение боги и божественные герои. Вероятно, природная резвость движения коней ассоциировалась с астральной символикой. Участие коня в похоронно-поминальной обрядности, связанной с инкарнацией умершего, обусловлено еще одним важным моментом. В представлении древних образы «высокого — низкого», «быстрого — медленного», «света — тьмы» соответствуют формам перехода из одного состояния в другое. Конь как раз и является обладателем и носителем первых позиций, связанных с солярно-астральными культурами. Иначе говоря, конь символизирует солнце — это его семантический дубликат. К этому добавлю, что популярный образ солнца в индоевропейской и индоиранской поэзии — повторяющаяся формула-словосочетание «быстроконное солнце».

Предлагаемая интерпретация подтверждается как характером вышерассмотренных игр, так и символикой используемых атрибутов. В частности, вызывает интерес обрядовый предмет «æлæм»¹. Функционально к нему примыкают поминальные игры с использованием барана (*фырыскъæфæн*), огня (*фиусудзæн*), вертикально установленного столба для стрельбы в цель (*хъабæхъ*) и лазанью по нему (*бырæн хъил*).

Все эти аксессуары обладали значительной культовой нагрузкой, хорошо известной и подробно описанной в кавказской этнографии. Использование их в обрядовых играх символизировало жизненное начало, подчеркивая тем самым происходящую инкарнацию погребяемого. Все это как нельзя лучше соответствовало общему концепту миропонимания в традиционном обществе.

Обряд посвящения коня был известен и соседним народам Кавказа, но, как отмечает изучавший этот вопрос Б. А. Калоев, у них отсутствовали некоторые основные элементы этого обряда: речь посвятителю, обрезание косы у вдовы, отрезание кончика уха у коня и др. Рассматриваемый обряд «глубоко не вошел в их быт, сохранив лишь отдельные фрагменты» [7, с. 85].

Данный обряд известен и народам Поволжья, Сибири и Средней Азии, причем у казахов, узбеков и каракалпаков он очень

¹ Обрядовый деревянный предмет в виде креста, украшенный нанизанными на нитку орехами, конфетами, пряниками и другими сладостями. (*Примеч. ред.*)

близок к осетинскому. Аналогичные обряды были зафиксированы М. А. Хамиджановой и А. К. Писарчик у памирцев, потомков сакских племен Средней Азии [8, с. 263–264; 291–292]. Отмеченные факты широкого бытования обряда посвящения коня у народов, в этногенезе которых важную роль играли иранские племена, и наличие некоторых элементов культа коня у народов Кавказа являются, как считает Е. Е. Кузьмина, косвенным свидетельством того, что «именно иранцы принесли этот культ на Кавказ» [1, с. 43].

Высокий знаковый код коня и указанных атрибутов конных игр явился причиной использования их в обрядах, связанных с другими сферами семейного быта осетин. Важное место занимали скачки и конные игры в традиционной свадебной обрядности. Одним из популярных видов конных игр на свадьбах была игра с флагом «тырысаскъæфæн».

Разновидностью описанной игры было «похищение шапок» (*худыскъæфæн*). Обычно владельцы лучших коней, желая показать их резвость перед народом, устраивали шутивное похищение шапок. Если эта игра проходила во время свадьбы, то очень часто похитители, которых настигали хозяева шапок, старались забросить их в арбу с невестой. И тогда шапку необходимо было выкупить у сопровождающих невесту девушек, преподнеся им либо деньги, либо какой-нибудь подарок. Игра (*худыскъæфæн*) устраивалась и на календарных празднествах. Она была хорошо известна и кабардинцам, причем под тем же названием «похищение шапки» (*пылэ зэфлэхъ*).

Любимым развлечением на свадьбах была джигитовка, во время которой всадник показывал свое мастерство владеть конем и оружием. Особой похвалы заслуживали те верховые, которым удавалось прорваться сквозь толпу и центр круга танцующей молодежи. Им играли специальную мелодию для джигитовки (*бæхтæн цагъд*), и верховые на выученных конях танцевали темповый танец. Наиболее отчаянные из всадников умудрялись въезжать в дом на коне. При наличии большого скопления народа, узкой лестницы и низких дверных проемов это было очень трудно сделать. Такому удалцу за смелость и ловкость полагалось традиционное продуктивное подношение (*хуын*): три пирога с сыром, кувшин араки и кусок отварного мяса. Аналогичные конные игры на свадьбах были известны и в соседней Кабарде (*шурыйлэс*) и в Ингушетии (*ди халхар*).

Конные игры были популярны и на праздниках календарной обрядности. В частности, отмечу, что конные игры устраивались на празднике «Хуыцауы дзуар», совпадающем с днем весеннего равноденствия. Представляется, что участие коней в этих празд-

нествах, связанных с весенним возрождением сил природы, является закономерностью, обусловленной солярной символикой, воплощенной, по древним понятиям, в образе коня.

Тесная связь коня с продуцирующей магией роста и культа плодородия вообще, обусловила активное участие коня в обрядовых играх и развлечениях молодежи на других праздниках сельскохозяйственного календаря. Сохранились свидетельства очевидцев о том, что на празднестве «Дзывгъисы дзуар», приуроченном к окончанию сельскохозяйственных полевых работ, принимало участие до 200–300 всадников. Разбившись группами по 30–40 человек, они демонстрировали свое умение владеть конем во время джигитовки. Опытные старики наблюдали за соревнующимися в ловкости и мужестве и выявляли лучшего коня и лучшего наездника. От всего собрания уважаемые старики подносили ему почетный бокал (*нуазæн*). Получить такой бокал было очень престижно, поэтому наездники заранее готовились к этим испытаниям.

По мере выступления в соревновании по джигитовке всадники собирались группами и устраивали игру, суть которой заключалась в том, чтобы прорваться сквозь толпу пеших к помещению, где варили праздничное пиво (*бæгæныстон*). Пешая молодежь, вооружившись трещотками, палками, обрывками войлока, тряпьем, препятствовала всадникам. В тот момент, когда конные вскачь пускались с места, толпа начинала кричать, трещать трещотками, размахивать войлочным тряпьем, отпугивая лошадей и угрожая самим всадникам. Обладателям смелых и вытренированных лошадей удавалось прорваться к цели, где они получали право победителя выпить праздничного пива. В праздник эта игра возобновлялась в день до 10 раз. Подчеркну, что аналогичная игра была хорошо известна и адыгам, у которых ее в начале XIX века описал Хан-Гирей в «Записках о Черкесии».

Конные игры осетин, в значительной мере обусловленные практической потребностью использования коня человеком и развитым культом коня, прошли длительный путь развития и сохранились до наших дней. Более того, с изменением социально-экономических условий и возрастающей технизацией быта они не утратили своей зрелищно-развлекательной функции, чему способствовал вековой интерес к искусству верховой езды. Этот факт явился важным условием их привнесения и широкого распространения на цирковую арену. Основой всех цирковых представлений в России на протяжении десятилетий оставались национальные конные игры, где проявлялась лихость, отвага, мужество и мастерство владения конем. В жанре цирковой джигитовки кавказские наездники были неподражаемы. Целую плеяду таких

виртуозов дала Осетия, в первую очередь следует назвать широко известных в дореволюционном прошлом Агубе Гудцова и Мусу Гатыγκоты.

До революции начал свой славный путь и основоположник советского конного цирка Али-Бек Кантемиров. В своих красочных и темпераментных выступлениях он стремился реально и образно передать высокую, граничащую с большим риском технику джигитовки. Хорошо зная конные игры Осетии, он с большим вниманием изучал все самобытные формы джигитовки и достиг в этом деле небывалых высот. Экзотичность в сочетании с правдивостью, высокой техникой езды и остротой трюков привлекли внимание широких масс зрителей к наездникам Али-Бека. Не будет преувеличением сказать, что благодаря творческой и педагогической деятельности А. Т. Кантемирова на арене цирка сохранились и получили свое дальнейшее развитие конные игры осетин и других народов Кавказа.

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что тысячелетняя практика использования в хозяйственном быту коня способствовала формированию целостной системы взглядов в духовном наследии народов. Значительное место в ней занимает культ коня, наиболее развитые формы которого прослеживаются в традиционной культуре индоевропейских народов, и в частности у осетин. Учет наличных сведений о мировоззрении древних, в данном случае культа коня и его реминисценций, позволил глубже проникнуть в генезис и социально-культурную значимость известных осетинских конных игр.

Нет сомнения, что использование коня в традиционном быту осетин и других кавказских народов было обусловлено хозяйственным фактором. Важное значение имело и сугубо военно-прикладное использование коня, ведь все конные игры несли в себе оттенок соревнования и в своей первоначальной сущности преследовали конкретные цели. Одна из них сводилась к подготовке подрастающего поколения к «взрослой» хозяйственной деятельности, а другая, тесно связанная с первой, являлась своеобразной проверкой боевой подготовки коня и всадника.

Однако данная верификация не может удовлетворить исследователя полностью, ибо она не в состоянии разъяснить отдельные факты использования коня в традиционном быту осетин. Понять семантику обряда посвящения коня и необходимость устройства поминальных скачек можно лишь в аспекте культурных воззрений индоевропейских народов, связанных с конем.

Активное использование коня в цикле похоронно-поминальной обрядности индоевропейских народов, в том числе и осетин, «со-

вершалось с целью передать человеку физические и сексуальные силы коня и гарантировать ему легкий путь на небо, в обитель предков и возрождения на том свете» [1, с. 42]. Высокий семантический потенциал, которым обладал конь в системе культовой практики, способствовал широкому распространению конных игр, являющихся своеобразной формой проявления культа коня и в других сферах семейного быта, например в свадебной обрядности. Этот же фактор обусловил наличие конных игр и в календарной обрядности осетин, тесно связанной с общей идеей плодородия.

По всей вероятности, определенную роль играла и зрелищно-развлекательная функция конных игр осетин. Не имея возможности судить о хронологии ее оформления, могу лишь отметить тот факт, что по времени бытования она синхронна с хозяйственной, военно-прикладной, культовой и воспитательной функциями. Естественно, что названные функции были неравнозначны и в разные периоды исторического развития и социализации личности предпочтение отдавалось тем или иным. Однако в новое время, с изменением социально-экономических условий, зрелищно-развлекательная функция начала приобретать доминирующее положение, а в настоящее время, когда конные игры трансформировались в цирковой жанр, зрелищно-развлекательная функция стала преобладающей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977.
2. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–3. М.; Л., 1958, 1972, 1979.
3. *Тотров В. К.* Из истории семейных обрядов осетин. Известия СОНИИ. XXIV. Вып. 1. Орджоникидзе, 1964.
4. *Кокиев Г. А.* Очерки по этнографии осетинского народа. ОРФ СОНИИ. История. Ф. 33. Д. 282.
5. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 1. Цхинвали: Ирыстон, 1981.
6. *Каргинов С. Г.* «Ночь мертвых» в Осетии. Известия КОИРГО. XXIII. № 1. Тифлис, 1915.
7. *Калоев Б. А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в. Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М.: Наука, 1984.
8. Памяти А. А. Семенова. Душанбе: Дониш, 1980.

Резван ХАСАНОВ

ПРАВА ЖЕНЩИН

В ТУРЕЦКОЯЗЫЧНОМ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ

Федерация кавказских ассоциаций
в Анкаре

Проблематика неравенства полов, прав женщин является актуальной и резонансной частью общественно-политической повестки дня в современной Турции. Регулярно в турецких СМИ появляются сообщения об убийствах женщин на почве ревности, чести и т. д. [1]. Турецкие феминистские организации рапортуют о высоком уровне насилия в отношении женщин в стране, гендерном неравенстве, экономической зависимости женщин и их исключенности из процессов принятия политических решений, обвиняя при этом правящие турецкие власти в поддержке и продвижении консервативных патриархальных ценностей [2].

В свою очередь нынешние турецкие власти, выступающие с консервативной повесткой, заявляют о том, что различные общественные организации внутри страны под видом защиты прав женщин пытаются разрушить институт семьи и навязать «чуждые западные ценности». По мнению турецких властей, данные организации распространяют ложные сведения о высоком уровне насилия в отношении женщин в турецком обществе, который, по заявлениям турецких властей, существенно меньше, чем во многих развитых странах мира [3].

В 2021 году после нескольких лет бурных общественно-политических дискуссий турецкое руководство приняло решение о выходе из Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, известной также как Стамбульская конвенция [4]. Данное решение лишь углубило общественный раскол внутри турецкого общества касательно гендерного неравенства и прав женщин, запустив очередную волну общественно-политической полемики.

Активным участником данной полемики выступает и черкесская (адыгская) диаспора Турции, будучи глубоко интегрированной в турецкое общество. Причем внутри черкесской диаспоры, так же как и внутри турецкого общества, есть разные мнения касательно выхода Турции из Стамбульской конвенции. В частности, ведущая черкесская организация Турции — Федерация кавказских ассоциаций (далее Kaffed) — выступила с осуждением данного решения турецких властей, тогда как более консервативная и более лояльная турецким властям часть диаспоры поддержала данную инициативу.

В то же время для черкесских активистов «гендерный вопрос» представляет интерес не столько сам по себе, сколько как часть более широкого этнополитического дискурса. Перед черкесской диаспорой Турции на современном этапе остро стоит проблема потери собственной этнической идентичности и растворения, ассимиляции внутри принимающего общества. Причины, обусловившие угрозу для самосохранения черкесской диаспоры Турции, связаны с последствиями политики ассимиляции, проводившейся в отношении этнических меньшинств в республиканской Турции на протяжении всего XX века, а также с естественными процессами ассимиляции, вызванными ростом урбанизации среди черкесского населения начиная с 1960-х годов [5].

Черкесские диаспоральные организации и активисты рассматривают укрепление коллективной идентичности диаспоры как единственный способ борьбы с ассимиляцией. Причем укрепление коллективной идентичности черкесской диаспоры основывается на выявлении и утверждении в общественном сознании специфических культурных особенностей, отличающих черкесов от принимающего общества; другими словами — на выстраивании бинарной оппозиции «мы» и «они».

Одной из составляющих данной оппозиции, призванной подчеркнуть отличия между черкесами, с одной стороны, и турками и остальными народами Турции — с другой, выступает гендерный аспект, а именно — статус и положение женщины в черкесском обществе. Представляется возможным условно выделить три уровня в этнополитическом дискурсе черкесской диаспоры с точки зрения использования в нем гендерного аспекта с целью укрепления диаспоральной идентичности: мифологический, исторический и современный.

Мифологический уровень связан с использованием определенных сюжетов из нартского эпоса, которые призваны подкрепить тезис об особенном положении женщин в черкесской культуре и черкесском обществе начиная с древних времен. В этом контексте примечателен образ одного из центральных персонажей эпоса — Сатаней-Гуаша, которая выступает прародительницей и главой большого нартского семейства [6]. Несмотря на наличие в фольклористике различных трактовок образа Сатаней-Гуаша, в черкесской диаспоре доминирует представление о ней как о героине, обладавшей лидирующей ролью в нартском обществе и принимавшей все ключевые решения. Черкесские активисты подчеркивают уникальность образа Сатаней-Гуаша для всей мировой культуры, отсутствие в мифологиях других народов подобного женского персонажа, который бы объединял в себе и красоту, и

мудрость, и смелость, и лидерские качества [7].

Использование мифологических сюжетов черкесскими активистами в контексте «женского вопроса» выражается в распространении в СМИ и социальных сетях различного контента, посвященного женским образам из адыгской мифологии, присвоение женским организациям и журналам имен героинь нартского эпоса и т. д. В частности, в программе Первого форума по вопросам женского участия, проведенного Федерацией кавказских организаций Турции в 2021

Хайрие Мелек Хунч

году, значился доклад на тему «Черкесская женщина в мифологии» [8]. Женская рабочая группа, созданная в 2019 году при Кавказской культурной ассоциации Стамбула, носит имя «Сатаней» (в турецком варианте «Seteney»). Большую популярность получила книга «Черкешенка Сетанай» Лидер Эршан, турецкой писательницы черкесского происхождения, рассказывающая историю черкешенки, попавшей в султанский гарем в качестве наложницы.

Исторический уровень в использовании черкесскими активистами гендерного аспекта для укрепления диаспоральной идентичности связан с деятельностью Общества взаимопомощи черкесских женщин, созданного в 1919 году в Стамбуле представительницами черкесской диаспоры во главе с Хайрие Мелек Хунч, писательницей и общественным деятелем. Данная организация, просуществовавшая до 1923 года, стала одной из первых женских организаций в турецкой истории. Общество занималось культурно-просветительской, образовательной и благотворительной деятельностью. Главной миссией Общества являлось сохранение национальной культуры и языка черкесов в диаспоре. В этих целях была открыта черкесская национальная школа, где впервые в османской истории осуществлялось совместное обучение девочек и мальчиков [9].

Черкесские активисты используют исторический сюжет о деятельности Общества для вовлечения женщин в этнический активизм, полагая, что именно на женщинах лежит особая роль по воспитанию детей на этнических традициях, формированию у подрастающего поколения черкесской идентичности и обучению их

родному языку. В целях коммеморации Общества и популяризации его истории черкесские организации проводят вечера памяти основательниц Общества, выпускают биографические книги. Kaffed в 2021 году возобновил выпуск журнала «*Diyane*» («Наша мать»), который в течение короткого времени выпускался Обществом.

Современный уровень гендерного дискурса черкесских активистов связан со сравнением положения женщин в черкесском обществе с положением женщин в обществах других народов Турции. Так, большинство черкесских активистов подчеркивают, что в черкесском обществе отсутствуют многие явления, связанные с нарушением прав женщин, которые характерны для турецкого общества. В частности, они утверждают, что отсутствуют ранние браки, практикующиеся в азиатской провинции и курдских регионах, что уровень семейного насилия существенно ниже или практически равен нулю по сравнению с общей ситуацией в Турции. При этом черкесские активисты подчеркивают, что представители турецких властей и различных этнокультурных организаций Турции, представляющих другие этнические группы, сами признают превосходство черкесской культуры с точки зрения обеспечения прав женщин. Однако ряд черкесских активистов левого толка считают, что положение женщины в черкесском обществе мало чем отличается от положения женщин в целом в Турции и что в большинстве случаев те или иные негативные явления не получают огласки из-за черкесской традиции «не выносить сор из избы». При этом, вне зависимости от разности взглядов, любые новости о тех или иных случаях семейного насилия в черкесском обществе позиционируются как следствие культурной ассимиляции черкесов, с которой необходимо бороться, укрепляя этнокультурную идентичность [10].

В целях вовлечения женщин в общественную деятельность черкесские организации предпринимают различные меры. К примеру, Kaffed в 2017 году внесла поправку в Устав организации. В соответствии с ней одну треть делегатов Генерального съезда федерации должны составлять женщины. В 2021 году прошел Первый форум по вопросам женского участия, проведенный Kaffed. В 2019 году впервые в истории федерации ее главой стала женщина. Нужно отметить, что глава федерации избирается на основе широкого консенсуса всех членов-ассоциаций, входящих в нее. В то же время у некоторых активистов был критический настрой относительно избрания женщины главой федерации, поскольку Совет-Хасэ по адыгской традиции возглавляет «тхамадэ», т. е. старейшина, а с точки зрения адыгских традиций женщина не может носить статус «тхамадэ» [10].

Необходимо также отметить, что черкесская диаспора активно отслеживает и зачастую остро реагирует на образ черкесской женщины, транслируемый в турецкой массовой культуре. Так, в 2018 году в сериале «Достаточно одной надежды» одна из героинь, характеризуя другую героиню черкесского происхождения, допускает в ее адрес нелестные высказывания из-за ее внебрачной связи. Это вызвало гнев черкесской диаспоры, воспринявшей это как дискриминацию и язык вражды в адрес черкесов. Организации устроили многочисленные митинги, обращения в суд и к турецким властям. В итоге им удалось добиться того, чтобы телеканал отменил дальнейшую трансляцию сериала и принес извинения в адрес черкесов [11].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Būşra Kabataş'ı işkence ederek öldürmüş! Kan donduran cinayet. URL: [tps://www.hurriyet.com.tr/gundem/busra-kabatasi-iskence-ederek-oldurmus-kan-donduran-cinayet-42151499](https://www.hurriyet.com.tr/gundem/busra-kabatasi-iskence-ederek-oldurmus-kan-donduran-cinayet-42151499)
2. 10 yılın kadın cinayetleri haritası; en az 2 bin 534 kadın öldürüldü. URL: <https://t24.com.tr/haber/10-yilin-kadin-cinayetleriharitasi,995876?ysclid=I95i4dmgu1142114361>
3. Erdoğan: 'Ülkemizdeki kadın cinayetleri, oran olarak Avrupa ülkelerinin çoğundan daha geride'. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/erdogan-ulkemizdeki-kadin-cinayetleri-oran-olarak-avrupa-ulkelerinin-cogundan-daha-geride-1912870>
4. Türkiye, İstanbul Sözleşmesi'nden resmi olarak ayrıldı. URL: <https://www.sozcu.com.tr/2021/gundem/turkiye-istanbul-sozlesmesinden-resmi-olarak-ayrildi-6515508/>
5. Хасанов Р. Ш. Языковые процессы в черкесской диаспоре Турции: этнополитический аспект // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. Т. 1. № 2–1. С. 214–220.
6. Мухаев М. С. Сатаней-Гуаша — героиня нартского эпоса // Псаль. 2013. № 10(13). С. 46–50.
7. Yismeyl Özdemir Özbay. Setenay Guşe. URL: <http://www.circassiancenter.com/tr/setenay-guase/>
8. Kaffed Kadın Katılımı Çalıştayı. URL: <https://www.kaffed.org/haberler/federasyondan/item/4266-kaffed-kadin-katilimi-calistayi.html>
9. Hayriye Melek Hunç, Çerkes Kadınları Teâvün Cemiyeti ve Numune Mektepleri. URL: <https://m.bianet.org/bianet/kadin/224485-hayriye-melek-hunc-cerkes-kadinlari-teavun-cemiyeti-ve-numune-mektepleri>
10. Kaffed'in İlk Kadın Başkanı Şekerci. URL: <https://www.sivilsayfalar.org/2019/12/19/kaffedin-ilk-kadin-baskani-sekerci-baskanligima-yapilan-yorumlar-bu-alanda-yapilacak-cok-isimiz-oldugunu-gosterdi/>
11. Çerkeslerden Kanal D önünde protesto. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/gundem/2018/10/21/cerkeslerden-kanal-d-onunde-protesto>

АВТОРЫ НОМЕРА

АВИЛКИН Лев начал писать уже будучи на пенсии. Родился в Самаре в 1932 году. Окончил Ленинградское Нахимовское военно-морское училище и штурманский факультет Высшего военно-морского училища в Ленинграде (ныне С.-Петербургский военно-морской институт, Морской корпус Петра Великого). Служил офицером на боевых кораблях Балтийского флота, плавал на гражданских судах морского флота, работал начальником морского порта в Эстонии, преподавал морские дисциплины в училище и работал капитаном-наставником судов заграничного Камской судоходной компании. Является ветераном боевых действий.

БТЕМИРОВ Бимболат родился в 1890 году в с. Даргавс Северной Осетии. Осетинский писатель, журналист, публицист, печатавшийся под многочисленными псевдонимами («Хохак» и др.). Состоял членом литературного общества писателей Северной Осетии. Соавтор книги «Осетинские веселые рассказы и старинные пословицы» (издана в Берлине в 1924 году в издательстве Евгения Гутнова). Работал бухгалтером Северо-Осетинского облисполкома. Был арестован 10 октября 1929 года. В январе 1931 года осужден и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Спустя несколько лет бежал. Скончался в 1963 году в Нью-Йорке.

ВАЩАЕВ Олег Александрович. Родился 14 февраля 1970 года в Норильске. В 1998 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького, поэтический семинар Евгения Борисовича Рейна. С 2009 года проживает в Санкт-Петербурге.

ГРАНЕЛИ (Квирквелия) Терентий — грузинский поэт и эссеист, художник-график. Родился в 1897 году в селении Цаленджиха Кутаисской губернии. Окончив школу, переехал в Тбилиси, где работал на железной дороге сцепщиком, затем кондуктором, позже устроился курьером в газету «Сахалло сакме» («Народное дело»), увлекся сочинением стихов. В 1920 и 1921 годах издал два сборника стихов, тепло встреченные читателями. Вершиной творчества считается сборник стихов «Memento mori» (1924). С 1928 года поэт постоянно боролся с депрессией, усугублявшейся неприятием его творчества в официальной советской литературе. Умер в 1934 году в Тифлисе, в бедности. В 1987 году прах поэта был перенесен в Пантеон деятелей культуры Грузии.

ГУБИАН родилась и выросла в Грузии. Окончила Московский историко-архивный институт. Работала директором обласархива Южной Осетии, редактором первого в Осетии женского журнала «Нисса», много лет преподавала во Владикавказском институте управления, на сегодняшний день работает заведующим экспозиционным отделом Нацмузея РСО-А. Изданы четыре монографии по различным вопросам социологии и этнографии осетин, одна из

них, по гендерным исследованиям, стала победителем во Всероссийском конкурсе на лучшую книгу по кавказской тематике в направлении «Экономика». Свои литературные произведения никогда не публиковала, хотя рукопись повести в номинации «Детская литература» стала финалистом международного конкурса «Открытая Европа» в 2016 году в Лондоне.

ДАЧЕВСКАЯ Виктория родилась во Владикавказе в 1980 году. Окончила художественно-графическое отделение педагогического училища, затем педагогический институт. Работала по профессии, также увлекалась парикмахерским делом. Не раз публиковалась в журнале «Дарьял». «Несмотря на разнообразие увлечений в разные периоды жизни, главным смыслом бытия стало материнство, чем горжусь. Все основное время посвящаю своим пятерым детям. Веду небольшой канал на ютубе. Вдохновляюсь миром вокруг».

ЗОЛОЕВ Аркадий родился в 1957 году в с. Ставд-Дорт Северо-Осетинской АССР. В 1979 году окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Был призван в ряды Сов. армии, служил в артиллерийском полку. В 2002 году начал заниматься переводами английской и немецкой поэзии на русский и осетинский языки. В 2012 году поступил на Высшие литературные курсы в г. Москве. В настоящее время продолжает свою литературную деятельность во Владикавказе. В 2016 году вышла книга «Для детей Осетии».

КАБИСОВА Анна родилась в 1984 году во Владикавказе. В 2007 году окончила Институт цивилизации, факультет «Связи с общественностью», в 2013 году — Московскую школу фотографии и мультимедиа им. Родченко (мастерская Игоря Мухина). Сотрудничает в качестве автора и фотокорреспондента с порталом «Это Кавказ» (ТАСС). Участница выставок современного искусства (музей «Гараж», «Винзавод», Северо-Кавказский филиал ГМИИ им. Пушкина и др.). Организатор киноклуба «Синематека Владикавказ».

КОДЗАТИ Ахсар (1937–2021). Родился в селении Брут Северной Осетии. Там же окончил семилетку, среднее образование завершил в г. Терекке Кабардино-Балкарской АССР, куда в 1952 году переехала семья. В 1956 году он стал студентом историко-филологического факультета Северо-Осетинского государственного педагогического института. В 1969 году окончил Высшие литературные курсы при СП СССР. С тех пор он — сотрудник журнала «Мах дуг». С 1977 по 1982 год — ответственный редактор СП. С февраля 1986 года по февраль 2018 года — главный редактор журнала «Мах дуг». С марта 2018 года — заместитель главного редактора журнала «Мах дуг». А. Кодзати — член Союза писателей

телей СССР с 1966 года. Народный поэт РСО-Алания. Автор более 25 книг и 14 сборников, в которых поэт выступил как автор-составитель.

КОЖЕЙКИН Александр родился 4 октября 1955 года. Журналист. Член Союза российских писателей (с 2000 г.). Работал редактором, журналистом, заместителем главного редактора, главным редактором в газетах, журналах и издательствах. Занимается также литературной редактурой и издательской деятельностью. Дважды лауреат международной премии «Янтарный слог» (2005) — первое место в номинации «Короткий рассказ» и второе место в номинации «Стихи», лауреат Всероссийского конкурса «Национальное достояние» (2006), премии «Интерпроза» (2007), Международного литературного конкурса «Перекресток-2009» и «Перекресток-2010», других конкурсов. С 1989 года в разных издательствах страны вышло несколько книг, одна историческая повесть издана в соавторстве с краеведом Сергеем Кустовым. Множество журнальных публикаций. Автор более 950 статей. Живет в Челябинске.

КОЦОВЕВ Арсен (1872–1944) — писатель, публицист, переводчик, один из основоположников осетинской прозы. Из крестьян. Учился в Ардонской духовной семинарии. Служил сельским учителем; был отстранен от педагогической деятельности за пропаганду атеизма среди учащихся. В 1902 году из-за участия в крестьянском восстании вынужден был переехать в Южную Осетию. Скитался по стране. В 1910 году издавал в Тифлисе журнал «Аэфсир» («Колос»), где впервые опубликовал свои рассказы. С 1912 года работал в большевистской печати, сотрудничал с газетой «Санкт-Петербургские ведомости» и другими столичными изданиями. После Гражданской войны вернулся в Осетию, работал в газете «Хурзæрин» («Заря») и журнале «Фидууæг» («Вестник»).

КРАМЕР Александр родился в 1953 году в Харькове. С 1998 года живет на севере Германии, в Любеке. Окончил Харьковский политехнический институт. По профессии инженер, работал на заводе, участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Невский альманах», «Алтай», «Дарьял», «Сура», «Костер», «Кукумбер», «Нижний Новгород», «Чудеса и приключения — детям» и др., а также в литературных изданиях Германии, Украины, США, Канады. В 2009 году несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013 м — в израильский сборник рассказов «Десять домиков». Рассказы и эссе о Чернобыле переведились на немецкий и украинский языки.

РЕЗНИК Ольга — заслуженный журналист РСО-Алания, поэт, член Союза журналистов России и Российского союза профессиональных литераторов. Окончила с отличием Северо-Осетинский государственный университет. Работала корреспондентом разных североосетинских СМИ. Ныне — редактор отдела поэзии журнала «Дарьял». Публиковалась в журналах «Голос Кавказа», «Дарьял», «Горный ветер», «Страстной бульвар, 10», «Ровесники» (ДНР), «Вместе в Осетию», «Квайса», «Казарпа». Автор поэтического сборника «Жизни тоненькая нить», соавтор книги «Шолом, Владикавказ!», автор сценариев документальных фильмов «Созидатель» (Владикавказ, 2018) и «Новая жизнь. Служение» (Владикавказ, 2021).

РЫБИН Александр родился в 1983 году. Работал независимым журналистом, специализировался на освещении событий в исламских странах — в основном в странах Ближнего Востока и Центральной Азии. Прозаик, неоднократный участник российских

писательских форумов. С 2012 года регулярно публиковался в журнале «Дарьял». Скончался в январе 2024 года.

СВЕТЛОСАНОВ Владимир — поэт, переводчик. Родился в 1957 году в Новосибирске. Окончил филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Долгие годы работал преподавателем русского языка и литературы. Печатался в журналах «Арион», «Иностранная литература», «Новая юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «После 12». Автор нескольких поэтических книг: «Сестрой назову тишину» (Т. Гранели. Избранные стихотворения, 2001), «От Донна до Одена. Антология одного стихотворения» (2007), «Книга насекомых» (2021).

Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

ТЕГАЕВ Тамирлан родился в Таджикистане в 1964 году. Окончил Владикавказское училище искусств по классу контрабаса. Окончил Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Работал в сфере радио и телевидения, вел авторские передачи. В 90-х занимался бизнесом, владел популярным во Владикавказе музыкальным магазином «Видеосити». Писал стихи, прозу, публиковался в различных периодических изданиях.

УАРЗИАТИ Вилен (1952–1995) — осетинский этнолог, кандидат исторических наук, профессор кафедры Российской истории и кавказоведения исторического факультета СОГУ. Опираясь на опыт передовой этнологической мысли, реконструировал в традиционной бытовой и обрядовой культуре осетин древнейшие пласты общеиранской космогонической системы. Автор фундаментальных исследований: «Народные игры и развлечения осетин» (1987), «Культура осетин: связи с народами Кавказа» (1990), «Праздничный мир осетин» (1995). В 1995 году ему была присуждена стипендия Российской академии наук.

ХАСАНОВ Резван родился в 1992 году в с. Кизляр Моздокского района Северной Осетии. В 2014 м окончил Пятигорский государственный лингвистический университет, факультет международных отношений. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Дарьял».

ХУГАЕВ Ирлан родился в 1965 году в г. Орджоникидзе. В 1989 году окончил филологический факультет СОГУ, Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН. Автор стихотворного («Вериги воли», 2013) и прозаического («Вечный огонь», 2018) сборников. Публиковался в журналах «Дарьял», «День и ночь», «Дети Ра», «Образы жизни» и др. Живет во Владикавказе.

ЦОРИЕВ Марклен родился во Владикавказе в 1973 году. После окончания школы занимался спортом, учился на филолога, юриста, но высшего образования не получил. В начале нулевых дважды предпринял попытку осесть в Европе, но вернулся. Работал массажистом. С 2010 года трудится кузнецом. Женат. Публикуемые рассказы написаны в возрасте 25 лет.

ШАОВ Ибрагим родился в 1977 году в Майкопе. Выпускник Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Института права Адыгейского государственного университета. Специалист в области международного права. Автор нескольких десятков научных статей в области юриспруденции.

ДАРЪЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 4

В оформлении обложки использована
картина Вячеслава Тетцоева «Натюрморт»

ДАРЬЯЛ-1'2024-ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru